

Российская академия наук
Институт славяноведения

Россия и Болгария
К 125-летию русско-турецкой войны
1875 – 1878 гг.

Москва 2006

Российская академия наук.
Институт славяноведения.

Россия и Болгария
К 125-летию русско-турецкой войны 1875 –
1878 гг.

Москва 2006

Редакционная коллегия:

А.В. Карасев

В.И. Косик

И.Ф. Макарова

Рецензенты:

Горина Л.В., доктор исторических наук

Волокитина Т.В., доктор исторических наук

В феврале 2003 г. Институтом славяноведения РАН и Посольством Республики Болгария в Российской Федерации была проведена международная научная конференция на тему: «125 лет русско-турецкой войне 1877–1878 гг.». В работе конференции приняли участие более 50 ученых из России, Болгарии, Молдавии. В данном сборнике помещен ряд докладов и сообщений участников этой конференции. В публикуемых докладах освещаются различные аспекты русско-турецкой войны – международные, военные, результаты войны для балканских народов. особое внимание уделяется роли русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для исторических судеб болгарского народа.

ISBN 5-7576-0176-0

© Институт славяноведения РАН, 2006

От редакторов

Все дальше уходит в прошлое XIX век. Теперь уже приходится говорить об истории XIX столетия, как о делах века позапрошлого. Однако увеличение временной дистанции несколько не умаляет исторической роли событий того времени. Одним из важнейших событий конца XIX века стала русско-турецкая война 1877-1878 гг., явившаяся заключительным этапом восточного кризиса 1875 – 1878 гг. Непреходящее историческое значение русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. состоит прежде всего в том, что болгарский народ был освобожден от многовекового османского владычества, а Сербия, Черногория и Румыния получили статус независимых государств.

20 февраля 2003 года Институтом славяноведения РАН и Посольством Республики Болгария в Российской Федерации была проведена международная научная конференция на тему: «125 лет русско-турецкой войне». В работе конференции приняли участие более 50 ученых из России, Болгарии, Молдавии.

В данной публикации помещен ряд докладов и сообщений участников этой конференции.

Содержание

От редакторов	3
Письмо посла Болгарии в РФ	4
Виноградов В. Н. Канцлер А.М. Горчаков в водовороте Восточного кризиса 1875-1878 гг.	6
Хевролина В. М. Н.П. Игнатъев и А.М. Горчаков	19
Карасев А.В. В преддверии войны: Восточный кризис и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 гг.	33
Вяземская Е.К. Боснийско-Герцеговинское восстание 1875-1878 годов – пролог Восточного кризиса 70-х годов XIX века	48
<u>Улунян А.А.</u> Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и российское общество	52
Фролова М. М. Болгарские отряды в русско-турецких войнах XIX века	65
Соколовская О.В. Письма греческой королевы к отцу великому князю Константину Николаевичу о русско-турецкой войне	80
Кузьмичева Л. В. (МГУ) Благими намерениями... Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877-1878 гг.	91
Хитрова Н.И. Освободительная борьба Черногории 1876-1878 гг. — накануне и во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.	108
Воробьева И.Г. Тверь и освобождение Болгарии. 1877-1878 гг.	116
Искендеров П. А. Берлинский конгресс – первый опыт «балканского миротворчества	121

Куцаров Петар О некоторых аспектах влияния России в Болгарии 1879 – 1885 гг.	134
Косик В. И. Русско-болгарские отношения 1878-1896 гг.	141
Макарова И.Ф. Русско-болгарские отношения 1878-1896 гг.	150
Червенков Н.М. Освобождение Болгарии и роль бессарабских болгар	160
Исаева О.Н. Долгое эхо войны (к истории возникновения македонского вопроса. 1878-1913 гг.)	166

Письмо посла Болгарии в РФ Президенту РАН Ю.С. Осипову от 24 февраля 2003 г.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ!

Мне особенно приятно обратиться к Вам в этом знаменательном юбилейном году, когда обе наши страны и народы отмечают славную годовщину — 125-летие победоносного завершения русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и восстановления Болгарской государственности.

Прежде всего я хотел бы пожелать Вам и Вашим сотрудникам новых творческих успехов на ниве науки и сотрудничества с Болгарской академией наук.

Я хотел бы также в Вашем лице выразить благодарность сотрудникам Института славяноведения РАН за их отзывчивость и участие в организации и проведении совместных мероприятий, посвященных великой дате.

Я с удовольствием отмечаю тот факт, что Болгарская академия наук, ее гуманитарные институты — исторические и филологические — длительное время поддерживают плодотворные научные контакты с Институтом славяноведения РАН. Этот Институт является тем научным учреждением РАН, которое подготовило первую академическую историю Болгарии на русском языке, вышедшую в 2-х томах в конце 50-х гг. XX века: Впоследствии, в Институте было создано много монографий и коллективных трудов, исследующих историю, культуру, литературу и язык болгарского народа. Многие книги издавались в рамках совместных научных проектов с участием болгарских ученых.

В сложный период 90-х гг. прошлого века, несмотря на непростые времена для развития науки и межакадемических контактов и в России, и в Болгарии, сотрудники Института славяноведения РАН сохранили и продолжили свои связи с болгарскими учеными. Результатом этого сотрудничества является подготовка к печати коллективного труда «Очерки истории Болгарии. XX век», в котором делается попытка нового осмысления одного из ключевых и сложнейших периодов болгарской истории.

Активную совместную деятельность развивает с Институтом славяноведения РАН и Посольство Болгарии в России. В мае 2002 г. была проведена совместная научная конференция по поводу 200-летия со дня рождения выдающегося болгариста и слависта Юрия Ивановича Венелина.

20 февраля 2003 г. была проведена международная научная конференция с участием российских и болгарских ученых, посвященная 125-летию русско-турецкой войны и восстановления Болгарской государственности, получившая широкий отклик и в Болгарии.

Состоявшиеся в 2002 - 2003 гг. визиты президента Болгарии Георгия Пырванова в Россию и премьер-министра Болгарии Симеона Сакскобургготского и предстоящий визит президента России Владимира Путина в Болгарию, бесспорно, окажут дальнейшее позитивное влияние на развитие культурных и научных связей между нашими странами.

Уважаемый Юрий Сергеевич, хочу выразить глубокую благодарность всех сотрудников Посольства Республики Болгария в Российской Федерации коллективу Института славяноведения РАН за его большой вклад в развитие болгаро-российских научных связей и пожелать, чтобы это сотрудничество продолжалось осуществляться и в будущем на благо наших народов.

С Уважением
Илиян Василев

Канцлер А.М. Горчаков в водовороте восточного кризиса 70-х гг. XIX в.

Война 1877 - 1878гг. началась в России в обстановке невиданного народного энтузиазма. Ф.М. Достоевский записывал в те дни в «Дневнике писателя»: «Все поздравляют друг друга с войной»¹.

Но посреди всеобщего подъема существовал очаг озабоченности, опасений и тревог, и этим очагом был кабинет министров. Над канцлером Горчаковым, Александром и многими сановниками старого поколения довлел синдром Крымской войны. В течение 20 лет своей службы во главе Министерства иностранных дел князь упорно и успешно избегал вовлечения России в европейские конфликты, создавая тем самым внешние условия для проведения александровских реформ. А тут волна общественной солидарности с южными славянами грозила погрузить страну в неведомые испытания с непредсказуемым концом. И он, и его коллеги по правительству: М.Х.Рейтерн (финансы), А.Е.Тимашев (внутренние дела), П.А.Валуев (государственные имущества) считали Россию к войне неподготовленной. Воспоминания о крымской эпопее не вдохновляли. Страна вышла из нее с астрономическим государственным долгом – 800 млн. рублей, и понадобилось 15 лет, чтобы выползти из финансовой ямы. Михаил Христианович Рейтерн подал записку на высочайшее имя: в случае новой войны – полный финансовый дефолт, упадут в стоимости ценные бумаги, возникнут трудности с уплатой процентов по внешним долгам, появится необходимость в новых займах на обременительных условиях. Обнищание населения, пугал министр царя, создаст благоприятную почву для революционной пропаганды. Понадобится двадцать лет, чтобы вернуться к состоянию казны на 1876 год. Рейтерн запросился в отставку. Тревожился военный министр Д.А. Милютин: «Война была бы поистине великим бедствием. Страшное внутреннее расходование сил усугубилось бы еще внешним напряжением: вся полезная работа парализовалась бы, и непомерные пожертвования могли бы быстро привести государство к полному истощению»². Но, как солдат, он в отставку подавать не стал.

Преобразование вооруженных сил не было завершено. Лишь в 1874 г. Милютину удалось преодолеть сопротивление рутинеров (великих князей Михаила

и Николая Николаевичей, фельдмаршалов А.И.Барятинского и Ф.Ф.Берга) и добиться введения всеобщей воинской повинности.

Флот на Черном море так и не был построен, все денег не хватало. Две «поповки», в сущности – бронированные, круглые по форме тихоходные баржи, громко именовавшиеся «броненосными силами», в счет не шли³. Они годились только для защиты своих берегов. Ни перебросить водным путем войска, ни высадить крупный десант в тылу противника не представлялось возможным. На театре морских операций – полное превосходство турок.

Сеть железных дорог – в зачаточном состоянии. Безбрежное пространство и бездорожье – то, что считалось раньше преимуществом России, в условиях быстротечных войн конца XIX века обернулось недостатком, можно было проиграть войну, не успев подвести войска к границам. В направлении Балкан, к Румынии, вела единственная однокорейка с ограниченной пропускной способностью. В самой Румынии положение было не лучше, «чугунку» здесь строил прусский предприниматель-авантюрист Б.Штрусберг и, как с удовлетворением отмечал Ф. Энгельс, восхитительно непрочно. В дальнейшем пришлось наспех соорудить своими силами линию Бендеры-Галац, о чем Н.М. Гарин-Михайловский рассказал в романе «Инженеры».

А на кону стояло будущее России – вырвется ли она из тисков отсталости на путях реформ или преобразования придется свернуть и страна останется вековать на обочине европейской цивилизации.

Все сказанное выше относится к факторам, видимым для любого аналитического ума. Существовали и иные, скрытые от общественности и известные лишь узкому кругу лиц. Первой задачей дипломатии перед войной является ограничение числа вероятных противников, за что приходится платить, иногда очень дорого. Демарши в Вене показали, что она заломит за свой нейтралитет непомерную цену. Ее вождедения распространялись на Боснию и Герцеговину. Глава внешнеполитического ведомства граф Дьюла Андраши возражал против образования на Балканах крупного славянского государства, будь то Сербия или Болгария. С подписанием Будапештской конвенции тянули до последнего дня. Итоги войны по ней, о чем мало кто знал (не ведал даже Н.П.Игнатьев), заранее урезывались. Предстоявшая австро-венгерская оккупация двух провинций тяжелым гнетом легла на совесть Александра Михайловича Горчакова.

И еще одно обстоятельство следует учитывать. Горчаков ведь был царским министром и знал заранее, что лидеры балканской буржуазии после освобождения обратят свои взоры не к самодержавию, а в сторону Запада с его соблазнительным рынком, передовым строем, конституционными порядками и граждан-

скими свободами, позиции же официальной России в регионе не окрепнут, а ослабеют. Вот констатация Александра Михайловича, относящаяся к 1866 году: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от ига, христиане последуют дорогой своих интересов. Мы для них – прежде всего конкуренты, которым нечего продавать, и у которых нечего покупать». Малым балканским странам угрожает «внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывающее поле для иностранного влияния»⁴.

В числе компонентов международных отношений признательность не значится, внешняя политика – особа холоднокровная, начисто лишенная сердечных порывов. О. Бисмарку принадлежат слова: «Освобожденные народы не благодарны, а требовательны» – и подтверждал он их примерами, взятыми из истории российско-балканских связей⁵. Так что никак нельзя сказать, что тревоги министров возникли на пустом месте.

Горчаков не был бы сам собой, если бы не исчерпал всех возможностей разрешить возникший в 1875 году на Балканах кризис мирным путем. Его ведомство без устали разрабатывало проекты реформ, которые процеживались сквозь австрийское сито и поступали на расправу в Лондон, после чего от них мало что оставалось. Последний луч надежды мелькнул на исходе 1876 года, когда представители держав, собравшись в Константинополе, при больших усилиях Н.П.Игнатьева еще до формального открытия конференции договорились о программе реформ, являвшейся, по мнению Горчакова, приемлемым минимумом (объединение Боснии и Герцеговины, образование двух Болгарий – Восточной и Западной со столицами в Тырново и Софии, со своей администрацией, свободой вероисповедания, равенством прав христиан и мусульман)⁶. Высокая Порта, при закулисной поддержке Великобритании, сорвала договоренность. Когда дипломаты собрались на официальное заседание при полном кворуме, раздался пушечный салют, и Савфет радостно объявил, что его величество султан даровал подданным конституцию со всеми полагающимися жителям правами, и, стало быть, хлопотать о каких – то особых привилегиях для христиан нет причин. Послы разошлись несолоно хлебавши.

Еще одно совещание дипломатов (Лондон, март 1878 г.) выработало что – то вроде ходатайства перед султаном о реформах на базе достигнутого в Константинополе. Британцы обусловили даже этот робкий демарш согласием Петербурга на роспуск уже сосредоточенной в Бессарабии армии, но поступивший от Порты отказ положил конец завязавшейся было переговорной суетне.

Возможности мирного урегулирования были исчерпаны, содержать бесконечно переброшенный в Бессарабию ударный кулак не было никакой возможности.

12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал в Кишиневе манифест о войне. В официальных документах генштаба ее цели формулировались так: «вырвать из власти турок ту христианскую страну, Болгарию, в которой они совершили столько злодейств»⁷. Немногочисленные голоса, твердившие что-то о трудностях и жертвах, были заглушены. Ф.М.Достоевский именовал их носителей в гневе и презрении «обещеловеками» и «самооплевниками» и призывал: «Война! Мы всех сильнее!»⁸. Канцлер Горчаков оказался между двух огней. Считая, что от диверсии Австрии удалось отгородиться Будапештской конвенцией, он сосредоточил силы на том, чтобы предотвратить вмешательство Великобритании. В ноте главы Форин оффис графа Э. Грея от 6 мая 1877 г. говорилось, что Англия не допустит никаких территориальных изменений без ее согласия и не сможет сохранить нейтралитет, если военные действия станут угрожать Суэцкому каналу, Персидскому заливу, не говоря уже о Константинополе и Черноморских проливах⁹. Послу П. А.Шувалову пришлось пуститься в тяжелые объяснения, «доказывая», что самодержавию и во сне не снилось вторгаться в Египет и места, столь же отдаленные. Начертание широкомасштабной, если не сказать фантастической картины возможных российских поползновений свидетельствовало о том, что кабинет ее величества запасается предложениями для вмешательства в войну.

Горчаков, с санкции императора, дал необходимые успокоительные заверения: захват Константинополя «не входит в планы» России, а вопрос о Проливах «для сохранения мира и всеобщего спокойствия» должен быть «урегулирован с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных условиях»¹⁰. Таким образом важные, действительно имевшие общеевропейское значение проблемы самодержавие заранее отдавало на суд ареопага держав, в котором обычно пребывало в меньшинстве. Сам император еще в октябре 1876 г. дал британскому послу О. Лофтусу «священное честное слово», что он не думает посягать на Константинополь, и открещивался от наследия Петра Великого и Екатерины II. В июле следующего года царь, почему – то втайне от канцлера и военного министра, повторил это заверение¹¹.

Будучи связан Будапештской конвенцией и выданными Англии авансами, стремясь предотвратить постороннее вмешательство в противоборство с Турцией, Горчаков хотел локализовать масштабы войны. Он надеялся, что не потребуются пересекать Балканский хребет. Условия мира, приемлемые для Османской империи и держав, рисовались ему следующим образом: Болгария – до гряды гор – автономное княжество, турецкие крепости подлежат срытию, чиновники – удалению; Южная Болгария, Босния и Герцеговине получают учреждения, признанные державами отвечающими их потребностям; Сербия, Черногория и Ру-

мысли подлежат расширению; последней, возможно, удастся предоставить независимость; Россия возвращает себе Южную Бессарабию и приобретает порт Батуми. Она «не станет противиться» вознаграждению Австро-Венгрии Боснией и Герцеговиной.

Планы князя полетели кувырком. У него обозначились резкие разногласия с командованием. Генеральный штаб полагал необходимым, чтобы «раз и навсегда отделаться и от Турции, и от Англии», занять Константинополь, что взорвало бы всю обстановку. А главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич считал, что «дипломатия вообще вмешивается в дела, до нее не касающиеся».¹²

Во внешнеполитическом ведомстве произошел открытый раскол. Под влиянием блистательных успехов на первом этапе войны казалось, что высокая Порта вот-вот будет повержена. Укрепили позиции сторонников кардинального решения Восточного вопроса. Горячая встреча российских воинов на болгарской земле, героическое участие дружин ополчения в боях убедили самого Горчакова – да и напор оппонентов сказался – сколь несправедливым будет раздел Болгарии. Наступление на его первоначальные позиции велось в резкой форме, его наметки были отвергнуты, его осмотрительность и осторожность стали восприниматься как свойственная старости нерешительность и трусость, его призывы к благоразумию игнорировались. Грустно и больно читать дневниковые записи Д.А.Милютин: «Князь Горчаков вместе с графом Шуваловым готовы наложить узду на собственные наши действия» (16 мая); «Дипломатия наша не перестает копошиться и противодействовать военным планам» (7 июня); «Этот выживший из ума эгоист продолжает артачиться» (6 ноября).

Решающее объяснение сторон произошло 30 мая на совещании у Александра II: «Бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о будущем Болгарии»¹³. Князя Горчакова по сути дела отстранили от руководства внешней политикой. Он продолжал разрабатывать варианты мирного урегулирования (в июне месяце – четыре) и хлопотать в Вене и Лондоне о смягчении обстановки. Напрасный труд! На первый план выдвинулись Н.П. Игнатьев, Д.А. Милютин и начальник дипломатической канцелярии при Главной квартире Дунайской армии А.И. Нелидов. На долю Александра Михайловича выпала неблагоприятная задача – предотвратить столкновение с Великобританией и Австро-Венгрией, ибо министр иностранных дел последней граф Дьюла Андраши вел себя так, будто Будапештской конвенции не существовало, и находился в постоянном контакте с лондонским кабинетом на предмет противодействия России¹⁴.

Канцлер пытался опустить на землю своих горячих оппонентов, в несвойственной ему запальчивой манере он говорил Игнатьеву: «Нас теперь не хотят слушать, но пройдет некоторое время и положение изменится; когда тиф и лихорадка будут истреблять нашу храбрую армию, когда погибнут 40 или 50 тысяч человек..., то скажут, что мы были правы, будут просить нас уладить дела...» Александр Михайлович как в воду глядел, но слышал в ответ лишь недовольное брюзжание, а в письме Игнатьева жене появилась недовольная реплика: «Старик вместе с Шуваловым ухитрились испортить блестящее положение наше и наготовить беды государю и России потому, что не хотели молчать, а чувствовали потребность говорить»(9 июня)¹⁵.

Я далек от мысли превозносить Горчакова, годы делали свое, он одряхлел, утратил прежнюю энергию, честолюбие переросло в старческое тщеславие. Он ревниво относился к более молодым коллегам, видя в них своих преемников на посту министра, хотя пора было подумать об уходе на покой. Но громадный опыт подсказывал ему: надо добиваться компромисса сейчас, а не дожидаться, пока в Черном море появятся английские и турецкие броненосцы (последние – под командованием адмирала по имени Хоббарт-паша), в сложившейся ситуации номер с политикой свершившихся фактов не пройдет.

Неудача под Плевной, трудная 4-х месячная осада крепости и «сидение на Шипке» привели к тому, что интервенционисты в Лондоне и Вене несколько успокоились и на время утихомирились. Но стоило российской армии в начале 1878 года вырваться из теснин Балканских гор на равнину и устремиться к Константинополю, как у Горчакова возобновилось время тяжелых испытаний. Приближение россиян к Проливам на Уайт-холле восприняли как бедствие, обыватель уверовал, что над британскими интересами нависла угроза, в прессе разыгралась вакханалия шовинизма, парламент послушно вотировал военные кредиты. Форин оффис заговорил языком ультиматумов, требуя поставить мирное урегулирование под контроль Европы. Вена ассистировала Лондону, Д. Андраши вспомнил о Будапештской конвенции и протестовал против создание единой Болгарии. Весть о перемирии 10(31) января 1878 г. вызвала резкие протесты двух кабинетов. Великобритания пустила в ход бронированный кулак, 13 февраля эскадра адмирала Хорнби, в вопиющем противоречии с нормами международного права, вошла в Дарданеллы и бросила якорь в Мраморном море у Принцевых островов. Одним из кораблей командовал сын королевы Виктории и зять Александра II, муж его единственной дочери Марии герцог Эдинбургский Альфред.

На вызов последовал решительный ответ с российской стороны: великий князь Николай Николаевич получил приказ брата – вступить в Константино-

поль. Главнокомандующий, однако, немножечко схитрил и, с согласия турок, занял местечко Сан-Стефано в 12 верстах от столицы, а царю сообщил, что вошел в ее предместье¹⁶.

19 февраля (3 марта) 1878 г. Игнатъев подписал в Сан-Стефано предварительный мирный договор. Не надо думать, что он продиктовал условия поверженному противнику. Турки тянули время, сопротивлялись столь упорно, что у Игнатъева мелькнула мысль прервать переговоры, и это привело в ужас великого князя Николая Николаевича, опасавшегося столкновения с Великобританией. Некоторые российские требования, например, о выдаче броненосцев, уполномоченные Высокой Порты все же отвергли. Подписанный договор предусматривал коренное изменение в положении балканских народов и решительное изменение в соотношении сил в регионе. Турция признавала государственную независимость Сербии, Черногории и Румынии, что явилось вехой исторического значения в развитии этих стран, они получали значительные территориальные приращения. В Боснии и Герцеговине османы обязывались провести реформы. Болгария возрождалась как «самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством» в широких пределах от Черного до Эгейского морей. Россия возвращала себе Южную Бессарабию, к ней отходили на Кавказе Батум, Карс, Ардаган и Баязет.

Кабинеты Лондона и Вены встретили Сан-Стефанский договор в штыки. Д.Анраши заявил послу Е.П.Новикову, что ни один министр монархии не даст согласия на расширение Болгарии к югу от Балканского хребта, и он будет сопротивляться этому «любыми средствами». «Даже с помощью войны?» – задал вопрос дипломат. Анраши уклонился от прямого ответа и повторил: «Любыми»¹⁷.

Почему же Горчаков, предвидя яростное сопротивление держав, все же пошел на заключение предварительного мира? Представляется, что прав К.Косев, полагающий, что, с точки зрения канцлера, это был тактический ход, создававший известное поле для маневра¹⁸. Канцлер надеялся, что оппонентам на конгрессе будет сложнее отвергнуть то, на что турки дали согласие.

Александра Михайловича ждало разочарование, он терял последние позиции в попытке обеспечить сносные условия для обсуждения трактата, ограничив дискуссию важнейшими, имевшими общеевропейское значение пунктами. Оппоненты настаивали: весь договор, от доски до доски, подлежит анализу, все статьи окончательного акта принимаются только с санкции держав. Европейский форум стремились обратить в судилище над победителем. О позиции Великобритании свидетельствовали пушки броненосцев адмирала Хорнби на стамбульском рейде. «Разрыв с Англией почти неизбежен», – телеграфировал

Александр II своему брату 18(30) марта. Далее следовало указание: в предвидении столкновения с британским флотом занять, с согласия Порты, высоты по берегам Босфора, не вступая в Стамбул. Главнокомандующий не счел возможным выполнять царский приказ, занятие Босфора пришлось бы осуществлять силой: «Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией, в то время как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улаживанию затруднений и к предотвращению пагубной для нас войны»¹⁹.

Главнокомандующий растерял прежний боевой задор и удалился в политические кулисы, предоставив действовать на авансцене прежде третируемым дипломатам. И он был не одинок.

Великого князя вежливо удалили в отставку, заботясь о его подорванным ратными трудами здоровье. В Петербурге на вокзале его встречал император, опасаясь, что брата по дороге во дворец освищут прохожие. На смену Николаю Николаевичу назначили героя севастопольской обороны Эдуарда Ивановича Тотлебена. А с юга на север двигались солдаты и тянулись обозы – по приказу военного министра в предвидении схватки с Австро-Венгрией на границу с ней передислоцировались войска – 5 пехотных, 3 кавалерийских дивизии и 2 отдельные бригады. Тотлебен пришел к выводу, что, ввиду нехватки тяжелой артиллерии, он не в состоянии воспрепятствовать прорыву английских броненосцев в Черное море²⁰.

Позволю себе не согласиться с утверждением, содержащимся в высококомпетентном труде «История внешней политики России. Вторая половина XIX века»: Англия «сухопутными войсками не располагала, а ее флот не мог нанести России сколько –нибудь серьезного ущерба»²¹. Очень даже мог, и опыт Крымской войны о том свидетельствовал. Атаки эскадры адмирала Нэпира на Балтике удалось отбить, но ценой каких усилий? Чтобы воспрепятствовать высадке на берег десанта союзников (дивизия генерала Барагэ д'Илье, 10 тысяч штыков) по побережью была рассредоточена целая армия в 270 тысяч солдат и офицеров, далеко превосходившая силы, сражавшиеся в Крыму и на Кавказе²². Таковы были оперативные возможности военного флота.

Тотлебен доложил Милютину свои соображения на случай продолжения войны, «полагая противниками Турцию, Англию и Австрию, а союзником Сербию». Он считал возможным «сохранить то, что достигнуто в прошлую кампанию». Вырисовывался оборонительный вариант ведения операций. В дальнейшем генерал поскромнел еще больше и считал необходимым занять позиции по линии Балканского хребта²³. Броненосцы адмирала Хорнби легко могли проникнуть в Черное море – и прорыв не понадобился бы, и тогда – берегись берега!

26 марта 1878 г. Милютин записывал в дневнике: «Как ни прискорбны для нас всякие подобные уступки после победоносной войны, не могу однако же не признать, что еще прискорбней будет рисковать новой войной против половины Европы. Все благоразумные люди полагают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас бедствием, во всяком случае, она не могла бы доставить нам более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать «достоинство» России»²⁴. Таково было мнение наиболее авторитетных военных деятелей России. Оставалось уповать на дипломатию. Загнанная в угол изоляции, она стремилась расколоть фронт оппонентов, попытавшись договориться с одним из них. О. Бисмарк, к совету которого прибегли, рекомендовал обратиться к австрийцам, они продадутся дешевле. Пелена монархической солидарности не спала с глаз Александра II, поддавался иллюзиям и Горчаков, отсюда сентенции вроде следующей: «Союз трех императоров более, чем когда-либо, является ключом к миру»²⁵.

В Вену снарядили Н.П. Игнатьева. Миссия окончилась полнейшим фиаско, Австрия, по его словам, собиралась «без выстрела и усилия» получить все выгоды победителя. Андраши настаивал на разделе Болгарии, оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками, переходе под власть Габсбургов стратегически важного острова Ада Кале на Дунае, на сокращении земельных приращений для Черногории и многом другом. Он хотел обратить «сербское племя» в «вассальное владение короны Св. Стефана»²⁶. На том блистательная дипломатическая карьера Николая Павловича завершилась, посылать на конгресс в Берлине творца Сан-Стефанского мира означало размахивать красной тряпкой перед лицом оппонентов. Автор недавно вышедшей в США биографии Н.П.Игнатьева Д. МакКензи замечает: «Создатель Сан-Стефано и Андраши были несовместимы»²⁷.

Оставалось постучать в лондонскую дверь. П.А.Шувалов договорился с маркизом Р.Солсбери о предварительных условиях мира и съездил согласовать их в Петербург. Договоренность на совещании в Царском селе сочли тяжелой, но все же приемлемой – выбора не оставалось. По пути из Царского села в столицу Милютин сказал Шувалову: «Мы не можем больше сражаться. Мы не можем этого ни по финансовым, ни по военным соображениям»²⁸.

Потери России во имя освобождения балканских народов составили 248 654 человек убитыми, ранеными, искалеченными, замерзшими²⁹. Люди в здравом уме и твердой памяти сознавали – одолеть неприятельскую коалицию Россия не в состоянии³⁰. Что же – бросить еще 50-100-150 тысяч жертв в пасть Молоха? Самая безнадежная и бессмысленная война – это та, в которой успех недостижим даже теоретически, победа не видится даже в дымке десятилетий. Разгро-

мить Австро-Венгрию не позволила бы Германия, одолеть укрывшуюся за морями Англию можно было разве что во сне. Зато вполне реально выступала другая перспектива: предприимчивый князь О.Бисмарк, воспользовавшись тяжбой на востоке Европы, учинит новый разгром Франции, и тогда немецкая гегемония на континенте из кошмарного видения превратится в явь. Оставалось одно – пройти через чистилище конгресса.

Горчаков собирался в Берлин словно на похороны – «доигрывать заранее проигранную партию»³¹. По словам канцлера, на конгрессе пришлось столкнуться «со злой волей почти всей Европы»³². Растаяли последние надежды на то, что Бисмарк оплатит признательностью за ту роль, которую Александр II сыграл при объединении Германии. Рассуждая без гнева и сантиментов, почвы для подобной надежды не существовало. Бисмарк действовал в соответствии с железной логикой империализма: надлежало нанести еще один удар по Франции и утвердить гегемонию рейха на континенте. Ни того, ни другого Россия не допустила бы без ожесточенного сопротивления. В 1875 году усилиями Александра II и Горчакова была затушена спровоцированная немецким канцлером военная тревога. На роль младшего германского партнера самодержавие не годилось, более того, такой партнер нужен был именно для противодействия России на случай, если бы Берлин приступил к улаживанию дел на свой манер на Западе. А добровольно на эту должность записывалась Австро-Венгерская монархия. Смена руководства у руля внешней политики в Вене в 1871г. означала и смену курса: Франц Бейст еще питал реваншистские в отношении Пруссии замыслы, Дьюла Андраши представлял венгерскую магнатскую группировку, горой стоявшую за сотрудничество с Германией и согласной на амплуа младшего партнера при ней. Но услуги Вены и Будапешта следовало оплачивать, поддерживая ее устремления на Балканах, а не противодействуя им.

Князь Горчаков во время конгресса много болел, третий российский уполномоченный, П.П. Убри, в основном молчал по причине безликости, тяжесть переговоров выпала на долю П.А. Шувалова. «Честный маклер», О. Бисмарк, свел свою роль к тому, что ставил вопрос на обсуждение и удалялся, оставляя Шувалова на растерзание маркиза Р. Солсбери и графа Д. Андраши. Представители Франции и Италии вели себя смиренно, хотя в коридорах и выражали сочувствие российской делегации.

Итоги известны – условия Сан-Стефано были сильно урезаны к пагубе для России и балканских народов. И тогда родился миф, донныне существующий, будто бы нерадивость дипломатов, их неспособность настоять на условиях, адекватных достигнутой в войне победе, позволила похитить у армии заслуженные

ею лавры. Крестным отцом легенды можно считать Ивана Сергеевича Аксакова, произнесшего громоподобную речь перед соратниками – славянофилами: «Не собрались ли мы хоронить великое, святое дело, хоронить русскую славу, русскую совесть?». Западные державы «срывают с России победный венец и преподносят взамен «шутовскую с гремушками шапку». «Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия»³³. Можно себе представить впечатление 80-летнего Александра Михайловича от этой и подобных ей филиппик.

Но история вершит свой суд не под влиянием настроений момента и не под воздействием страстей человеческих. Суждения современников и суд истории подчас разнятся. Берлинский конгресс нельзя считать некими дипломатическими Каннами, учиненными над Россией и балканскими народами. Программу-максимум, зафиксированную в Сан-Стефано, осуществить не удалось, что можно было предсказать заранее³⁴. Но и в обедненном виде результат трех лет войн и войн впечатляет. Он в корне отличается от предвоенных горчаковских проектов, Османской империи был нанесен удар, от которого она уже не оправилась. Рухнула насчитывавшая почти сто лет доктрина статус-кво – сохранения ее территориальной целостности и власти. Вместо принципа автономии балканских государств утвердился принцип их независимости, которую обрели Румыния, Сербия и Черногория. Учиненное в германской столице противоестественное расчленение болгарских земель не выдержало испытания временем и рухнуло через 6 лет. И, главное, – после 500 лет небытия возродилась государственность болгарского народа. Российская дипломатия считала образование Восточной Румелии не только временным, но и кратковременным, и консулы не должны были «терять из виду, что конечной целью нашей политики является объединение этой провинции с Болгарским княжеством», – инструктировал товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс назначенного послом в Стамбул князя А.Б. Лобанова-Ростовского³⁵. Даже далекий от балканских дел и реакционный по воззрениям П.А. Шувалов свидетельствовал: «Отделение Северной Болгарии от Южной могло быть только искусственным». В беседе с Робертом Солсбери он предлагал назвать первую Болгарией довольной, а вторую – неудовлетворенной. Д.А. Милютин был уверен в том, что «образуемая на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для объединения всего болгарского народа», а генерал Э.И.Тотлебен позаботился о создании материальной базы объединения, оставив в княжестве немалое количество оружия и позаботившись даже о конском составе для кавалерии³⁶.

Началось самостоятельное развитие молодых балканских государств. И естественным эпилогом этого этапа их истории стала первая балканская война 1912 года, в которой объединенные силы Болгарии, Сербии, Черногории и Греции наголову разгромили войска некогда грозной Османской империи.

О другом злом деле Берлинского конгресса – разрешении на оккупацию Боснии и Герцеговины австро-Венгерскими войсками – человечество вспомнило в июне 1914 года, когда в Сараево прозвучали выстрелы Гаврилы Принципа, оборвавшие жизни эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги и явившиеся поводом для развязывания первой мировой войны. В заключение приведем здесь слова «великого старца» британской политики Вильяма Юарта Гладстона, произнесенные в парламенте в разгар Восточного кризиса: «Вне всякого сомнения, Россия защищает славян... Она оказала им услуги столь величественные и основательные, какие когда-либо великая держава оказывала угнетенному народу»³⁷. Мне остается лишь присоединиться к этому высказыванию. Больше Россия сделать не могла, не рискуя вступить в войну, безнадежную и бесконечную, и утратить в ее ходе статус великой державы.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. Т.25. Л., 1983. С. 94
- ² Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1996. С. 165-166; Газенкамф М.А. Мой дневник 1877-78 гг. СПб., 1908. Приложение 2. С.1.
- ³ Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 196
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1866. Л.97, 91
- ⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 244.
- ⁶ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 210.
- ⁷ Киняпина Н.С. Внешняя политика России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 210.
- ⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 100, 94
- ⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Л. 341 - 350. Подробнее об англо-русских отношениях в годы войны см.: Виноградов В.Н. Герои Шипки и туманы Лондона. - Новая и новейшая история. 1979. № 6; 1980. № 1
- ¹⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т.2. М., 1964. С. 80-82.
- ¹¹ Татищев С.С. Указ. соч. С. 308 - 309; Sumner В.Н. Russia and the Balkans 1870 - 1880. Oxford, 1937. P. 323.
- ¹² Восточный вопрос...С. 215.
- ¹³ Дневник Д.А. Милютин. Т. 3. М., 1949. С. 169, 178, 241, 174. П.А.Шувалов - посол в Лондоне.
- ¹⁴ См.: Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875 - 1878 гг. М., 1984.
- ¹⁵ Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 года. М., 1999. С. 42, 47.
- ¹⁶ Татищев С.С. Указ. соч. С. 422.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 111. Л. 253 - 254.

- ¹⁸ Косев К. Бисмарк. Източният въпрос и българското освобождение. София, 1978. С. 405 – 406.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Гл. архив. У-А₂. 1878. Д. 1. Л. 526 - 530; Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 4. СПб., 1900. С. 114 – 115.
- ²⁰ Международные отношения на Балканах 1856 - 1878. М., 1986. С. 369; Особое прибавление... Вып. СПб., 1899. С.87.
- ²¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.,1997. С. 194.
- ²² Тарле Е.В. Крымская война. Т.2. М.,1950. С. 456 – 457.
- ²³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 7906. Л. 75 - 76; Освобождение Болгарии...Т.3. М, 1967. С. 29.
- ²⁴ Дневник Д.А. Милютина...С.35.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1878. Д. 81, Л. 379.
- ²⁶ После Сан-Стефано. Записки графа Н.П.Игнатьева. Петроград, 1916. С. 38 – 40.
- ²⁷ MacKenzie D. Count N.P. Ignat'ev - the father of lies? N.Y. 2002. P. 582.
- ²⁸ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. - Красный архив. 1933. № 4. С. 101
- ²⁹ История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955. С. 179.
- ³⁰ См. сноски 24 и 28.
- ³¹ Лопатников В А. Пьедестал. Время и служение князя А.М.Горчакова. СПб., 2002. С. 206
- ³² Канцлер А.М.Горчаков, М.. 1998. С. 368.
- ³³ И.С.Аксаков. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878. С. 6, 8, 20.
- ³⁴ Освобождение Болгарии...Т. 3. С. 215.
- ³⁵ П.А.Шувалов... С. 95.
- ³⁶ Дневник Д.А. Милютина... С. 69 – 70.
- ³⁷ Новая и новейшая история . 1978. № 2. С. 113.

**Н.П. Игнатъев и А.М. Горчаков: два взгляда
на решение балканской проблемы
(вторая половина 60-х гг. XIX в.)**

После Крымской войны новый министр иностранных дел Россия А.М.Горчаков провозгласил осторожный курс внешней политики, направленный на обеспечение мирных условий для решения внутренних проблем. Он выдвинул принцип «европейского равновесия», баланса интересов, урегулирования внешнеполитических вопросов с помощью «европейского концерта», то есть согласия держав. Принцип «европейского равновесия» Горчаков распространял и на Балканы. Признавая, что это – зона непосредственных и жизненных интересов России, министр считал необходимым использовать исторические традиции и национальные симпатии балканских народов. Равновесие в этом регионе означало для Горчакова исключение всех военных конфликтов, которые могли втянуть Россию в войну. Положение России здесь изменилось, ее старались вытеснить с Балкан европейские державы, и единственной ее опорой там оставались православные христиане. Горчаков поэтому считал, что поддержка освободительного движения балканских народов со стороны России должна быть осторожной. Предложенная им тактика заключалась в моральной поддержке христиан, предотвращении локальных восстаний, призыве к объединению сил, в стремлении убедить христиан в том, что «благодаря естественному ходу вещей постепенное ослабление ислама приведет в конечном счете к главенству христианских народов».¹

Однако в России были сторонники более активной политики на Балканах, составляющие так называемую «народную партию». Они призывали к военной помощи христианам и не отрицали возможности участия России в военном конфликте. К этой «партии» принадлежали, в основном, некоторые генералы, имевшие влияние в военном ведомстве, ряд консервативных деятелей и публицистов, славянофилы и даже отдельные представители императорской фамилии.

Взгляды «народной партии» разделял новый (с 1864 г.) посланник в Константинополе Н.П. Игнатъев. Он был ярким сторонником славянского освобождения, видел путь к восстановлению могущества России в союзе со славянством и считал, что объединение славян вокруг России является ее

исторической миссией. Игнатъев не признавал эффективности «европейского концерта» для решения балканских проблем. Сталкиваясь близко с представителями европейских держав в турецкой столице, он зачастую даже в мелких вопросах встречал их противодействие. В своих записках он писал: «Всякий раз, как нам приходилось отстаивать правое дело, если только в нем были прямо или косвенно замешаны интересы России на Востоке, мы всегда оставались одинокими перед лицом сплотившейся против нас Европы». ² В Восточном вопросе все державы – гаранты Парижского мира – выступали против России, опасаясь ее усиления на Балканах, так как все они имели там собственные интересы.

Особенно наглядно это выявилось во второй половине 60-х годов в период подъема национально-освободительного движения в регионе.

С началом восстания на о. Крит против османского господства усилия российской дипломатии были направлены на его сдерживание и оказание коллективного давления на Порту с тем, чтобы она провела там реформы в интересах христиан. Игнатъев полагал, что «освобождение критян являлось ближайшей целью, к которой нам следовало настойчиво стремиться, так как наше влияние на Востоке всецело зависело от наших успехов». ³ Из Петербурга ему предписывали совместно с французским послом Л. Мустье и английским послом Г. Бульвером выступить против посылки Портой на Крит турецких войск. Однако такой шаг был не в интересах Франции, опасавшейся, что инициатива Петербурга послужит усилению влияния России. Предложение России побудить Порту принять требования критян было отклонено.

Восстание на Крите вызвало волнения греческого населения в других провинциях Османской империи – Эпире и Фессалии. Консулы в Янине А.С. Ионин и в Салониках А.Е. Лаговский сообщали, что в этих провинциях, а также в Албании действуют этеристы (сторонники присоединения провинций к Греции), под их влиянием начались локальные восстания. В сентябре 1866 г. Сербия и Черногория заключили договор о подготовке выступления против Порты. Об этом же Белград вел переговоры с Афинами. Из Белграда и Бухареста, а также от консулов из Болгарии поступали донесения о формировании в Сербии и Румынии болгарских партизанских отрядов, собиравшихся перейти Дунай и начать весной 1867 г. военные действия в Болгарии. В Петербурге были обеспокоены ситуацией на Балканах. Отношение к событиям было двойственным. С одной стороны, настроениям балканских народов сочувствовали, с другой - опасались, что в случае их победы и распада Османской империи все выгоды для себя извлекут европейские державы. В самом правительстве не было единства. Военный и морской министры - Д.А. Милютин и Н.К. Краббе были сторонниками активизации действий России на Балканах. 19 июля 1867 г. Милютин писал Игнатъеву: «Расстояние и время не могут отменить наших давнишних

отношений. Вы не ошиблись, сказав, что хотя между нами и не велось постоянной переписки, однако же нас, видимо, сближает одинаковость взглядов, желаний и чувств по многим важным современным вопросам, а особенно по вопросу Восточному».⁴

По просьбе МИД Игнатъев составил несколько записок о положении на Балканах. Одна из них – от 27 декабря 1866 г. (8 января 1867 г.) – была направлена Горчакову и содержала развернутый план действий России на Балканах. Посланник предлагал, воздерживаясь от активного вмешательства, направлять и регулировать освободительное движение. Так как его центром, по мнению Игнатъева, являлась Сербия, то ей следовало оказать помощь материальными и военными ресурсами (создать склады оружия в азовских и черноморских портах, обучать сербских и греческих офицеров в русской армии, готовить диверсии против турок со стороны Персии, привлечь на сторону славян албанцев и др.) Александр II нашел эти предложения мало-практичными и нереальными в настоящее время. Что было совершенно справедливо.⁵

Далее Игнатъев предполагал, что в результате победы христиан будет аннулирован Парижский трактат, для России открыт выход в Средиземное море, а на развалинах Османской империи образуются дружественные России национальные государства, устроенные по российскому образцу. Они могут создать Восточную конфедерацию в составе славянских стран, Румынии, Греции и Албания под эгидой России. Константинополь же станет вольным городом со смешанным или русским гарнизоном. Крепость конфедерации будет обеспечена общими политическими и экономическими интересами ее членов, а правителем будет монарх из великих князей императорской фамилии. В случае противодействия Европы, по мнению Игнатъева, надо было сосредоточить 120-тысячный корпус и угрожать Австрии на Дунае, а в Босфор направить пароходы российских торговых обществ. Спокойствие же со стороны Кавказа может быть обеспечено 60-тысячной армией, готовой проникнуть внутрь Турции.⁶ План Игнатъева был абсолютно нереален, так как основывался на преувеличении сил христиан и России и недооценке сил Турции и поддерживавшей ее Европы. На наш взгляд, записку можно было объяснить лишь отчаянным желанием побудить Петербург хотя бы к каким-нибудь более или менее активным действиям, рисуя радужные перспективы для России в случае распада Османской империи. Горчаков и царь понимали, что попытка реализации этого проекта могла втянуть Россию в европейскую войну. Игнатъев понимал, что в настоящее время Россия не может воевать, но в случае общего выступления балканских народов она может поддержать их, если они будут действовать успешно, демонстрируя на границах свою мощь. Эту мысль развивала другая записка Игнатъева от 10 января 1867 г., адресованная директору Азиатского департамента МИД

П.Н. Стремоухову.⁷ Ее лейтмотивом являлась мысль о необходимости объединения сил христиан, что было, по мысли автора, единственным реальным путем к освобождению. Поддержка албанцев, считал Игнатъев, облегчила бы действия сербов и обеспечила бы их тыл, тогда в борьбу могли бы вступить Черногория и Босния с Герцеговиной. Игнатъев рассчитывал также на помощь болгарских партизанских отрядов. Однако восстание в самой Болгарии было, по его мнению, проблематичным, ибо болгары к этому были не готовы, и к тому же среди них были сильны прозападные настроения. Такое мнение сложилось у него под впечатлением греко-болгарской церковной борьбы, во время которой радикальное крыло болгарской диаспоры в Константинополе наотрез отказалось пойти на компромисс с константинопольской патриархией в вопросе об отделении от последней болгарской церкви. Тем не менее, в записке Игнатъев затронул вопрос о сближении сербов и болгар в борьбе за общие интересы и считал, что Россия должна этому всячески способствовать: отдавать болгар Западу было нельзя.

В заключение излагалась программа преобразований на Балканах в случае успеха христиан: расширение границ Сербии и Греции за счет примыкающих к ним христианских провинций, создание независимой Албании. Предусматривая, таким образом, преобразования только в западной части Балкан, программа была значительно скромнее того грандиозного плана, который был нарисован в предыдущей записке. Возможно, что Игнатъев, зная позицию Горчакова, стремился избежать нареканий в свой адрес. В записке нет советов поддержать действия балканских народов против Турции. Но, как показывают другие источники, он считал эту помощь необходимой. Оставаясь нейтральной, полагал он, Россия потеряет свои позиции на Балканах. Письма к родителям свидетельствуют об истинных настроениях Игнатъева, порою близких к отчаянию. 9 октября 1866 г. он писал: «Я удерживаю греков и сербов, рискуя потерять свою популярность и весь вес, который я еще могу иметь в их глазах. На мне будет лежать страшная ответственность перед потомством за наше бездействие, за то, что Восточный вопрос разрешится у нас под носом вопреки нам и, следовательно, несообразно о нашими видами. Из Петербурга твердят, что для нас губительно всякое замешательство, даже нас не касающееся. Веры нет в свое отечество».⁸ Игнатъев даже выражал желание покинуть свой пост, ибо невозможность что-либо предпринять в поддержку антиосманского выступления его угнетала.

Получив записки Игнатъева, Горчаков поручил ему разработать программу реформ в христианских провинциях, так как полагал, что задача российской дипломатии – не столько критиковать существующее положение, сколько предложить позитивные решения.

Обострение положения на Балканах, а также грозные тучи надвигающейся франко-прусской войны побудили Францию к сближению с Россией.

В январе 1867 г. Париж предложил Петербургу за поддержку интересов Франции в Европе осуществить совместные действия по проведению реформ в защиту христиан Османской империи. Однако условием переговоров было выдвинуто сохранение целостности империи.

Подход к реформам у России и Франции был различен в принципе. В основе проекта реформ, составленного Л. Мустье, ставшего к тому времени министром иностранных дел, лежала идея укрепления власти Порты с помощью «османизации» всей империи, Мустье считал, что «принцип национальности», который Франция выдвигала в итальянском и польском вопросах, неприменим к христианским балканским народам, так как они не однородны, разъединены, слабы и должны оставаться в составе Османской империи. Реформы, по Мустье, должны были обеспечить «слияние» мусульманских и христианских подданных султана.

21 марта и 11 апреля 1867 г. Игнатъев направил Горчакову обширные записки с анализом плана реформ Мустье, где показывал его тождественность программе «османизации», основанной на националистических идеях «Молодой Турции» и «новых османов». Эту программу Игнатъев называл химерой, не учитывавшей реального положения вещей. Проект Мустье, считал он, отвергал национальную автономию христианских провинций, предполагая только участие христиан в работе административных и судебных органов, что было провозглашено еще в 1856 г. хатт-и хумаюном, но не реализовано. Вряд ли было возможно, подчеркивал посол, заставить жить христиан по Корану и формировать христианские военные соединения под началом мусульманских офицеров. Зато французские интересы Мустье ярко отстаивал, он требовал гарантий сохранения иностранной собственности на заводы, железные дороги, банки, земельные владения и др., большая часть которых принадлежала французам. Проектировалась и реорганизация морской службы с участием французских и английских офицеров.

Игнатъев делал вывод о том, что подобная реформа не отвечает интересам ни христиан, ни России. Он выдвигал собственный проект реформ в христианских провинциях, основанный на началах национальной административной автономии. Проект предусматривал:

1. Самоуправление в провинциях, создание провинциальных советов с пропорциональным представительством от всех национальностей.
2. Восстановление прав православных и армянских церквей и создание болгарских церквей.
3. Самостоятельность христианских школ и независимость их от правительства.
4. Широкое участие христиан в судебной системе.
5. Реализация равенства всех перед законом.

6. Введение улучшений в судебных организациях.

7. Публикация законов на сербском, болгарском и греческом языках.⁹

В донесении от 11 апреля 1867 г. Игнатьев сообщал, что послы Англии, Франции и Австрии в Константинополе поддерживают проект Мустье, поэтому надо перестать рассчитывать на поддержку держав, а провести переговоры о реформах непосредственно с Портой. Он рассчитывал на свои связи в Порте и благожелательное отношение к нему султана.

Полученные от Игнатьева и консулов сведения о положении на Балканах заставили Горчакова изменить тактику. В письме к консулу в Белграде Н.П. Шишкину от 24 февраля 1867 г. министр уже признал, что переговоры с Францией о реформах бесполезны: «Разница между стараниями нашими и Францией та, что у нас на первом плане выгоды и будущность христиан, а у Франции – упрочение турецкого владычества под исключительным ее влиянием».¹⁰ Горчаков понимал, что единственно верное решение, облегчающее положение христиан – предоставление им внутренней автономии. Он начал готовить почву для выступления с этим предложением перед державами, предварительно поручив Игнатьеву выяснить позицию Порты. В марте 1867 г. Игнатьев провел переговоры о реформах с министром иностранных дел Порты Фуад-пашой. Последний поставил условием согласия Порты 4 пункта: сохранение ислама в качестве основной религии, наличие турецкой администрации в провинциях, обеспечение гарантий правящей династии, оставление столицей империи Константинополя. Горчаков считал, что неприемлем пункт о сохранении турецкой администрации, так как это не обеспечивает национальной автономии.¹¹ Таким образом Порта дала понять, что возражает против идеи автономии. Но это не остановило Горчакова. Он надеялся, правда, без всяких оснований, что его идею поддержит Европа.

6 апреля 1867 г. Горчаков обратился к европейским державам с мемуаром, содержавшим проект реформ в христианских провинциях на базе национальной автономии. Суть его предложений сводилась к следующему:

Разделение Европейской Турции на области по этническому признаку. Области делились на санджаки и округа, в которых избирались советы округов (всеми жителями) и санджаков (из окружных депутатов). Депутаты от санджаков избирали Главный совет, под председательством генерал-губернатора области, назначаемого султаном.

Суды создавались на избирательных началах и подразделялись на суды 1-й инстанции (в санджаках - из христиан) и смешанные (для христиан и мусульман), а также суды духовные. Христиане освобождались от воинской повинности, внося выкуп, но могли служить в милиции. Налог с области назначался Портой и распределялся между округами. Создавались школы всех вероисповеданий. Все жители объявлялись равными перед законом и имели право занимать государственные должности. В будущем предусмат-

ривалось уничтожение права капитуляций. Исполнение реформ контролировалось державами.¹²

Реализация российских предложений означала бы шаг к дальнейшему освобождению балканских народов, что не входило в намерения держав. Франция сразу же оценила горчаковский проект, как путь к распаду Османской империи. Дальнейшие переговоры о реформах велись в Париже между Мустье и российским послом А.Ф. Будбергом.

Игнатъев же продолжал переговоры с Фуад-пашой. Последний был ярким приверженцем «османизации» и считал, что слияние христианского и мусульманского населения спасет Турцию. Рассмотрев план реформ Игнатъева, Фуад заявил, что он пригоден для дальнейшего обсуждения.¹³ Примирительная позиция Фуада-паши была обусловлена в значительной степени тревожным положением на Балканах и усилением весной 1867 г. освободительного движения. Сербия вела переговоры о заключении союза с Грецией и Румынией, готовилось восстание болгар на нижнем Дунае, в организации которого принимал участие Тайный болгарский центральный комитет. Ионин доносил в МИД о том, что Гарибальди собирается приехать в Эпир. Болгарский комитет связался с сербами и заключил соглашение о создании в случае распада Османской империи Югославянского царства во главе с сербским князем Михаилом. Некоторые болгарские отряды перешли Дунай и укрылись в Балканах. По просьбе Белграда российское военное ведомство послало в Сербию военную миссию для оценки состояния сербской армии и оказания помощи в ее укреплении. Россия безвозмездно передала Сербии 100 тыс. ружей и предоставила заем в 300 тыс. дукатов на выгодных условиях. Игнатъев надеялся на успех восстания, если оно примет общевосточный характер.¹⁴ Он прилагал для этого все усилия, стараясь наладить связь сербов с албанцами. Еще летом 1866 г. посланник убедил влиятельного албанского лидера Джемал-пашу направить в Сербию своего представителя для обсуждения вопроса об «обоюдных действиях». В январе 1867 г. в письме к российскому консулу в Призрене Тимаеву Игнатъев советовал связаться с албанскими вождями и восстанавливать их против Порты. «Мусульманский элемент в Албании сильнейший, – писал он, – мы должны стараться приобрести его приязнь и обратить его в орудие против Турции».¹⁵ Одновременно он сообщал П.Н. Стремоухову о передаче Джелал-паше 1 тыс. турецких лир для подготовки албанских отрядов, которые могли составить до 45 тыс. чел.¹⁶

Сообщая Стремоухову о готовности болгарских отрядов начать действия в Балканах, Игнатъев предлагал оказать им активную помощь. Однако 25 тыс. руб., выделенные Петербургом для болгар, поступили уже тогда, когда болгарская экспедиция потерпела неудачу. В связи с этим Игнатъев предложил передать эту сумму Сербии для выдачи болгарам, когда они будут действо-

вать вместе с сербами. Он считал, что отдельные неподготовленные выступления не могут поощряться Россией и что болгарское движение следует подчинить сербскому правительству, «в руках которого для достижения желаемых результатов должны быть по возможности соединены все нити христианских политических предприятий в турецкой провинции».¹⁷

Консулу в Янине Ионину Игнатъев советовал подготовить союз эпирских греков и албанцев, обещая выделить для этого необходимые денежные суммы. Таким образом, главной задачей Игнатъева весной 1867 г. было содействие объединению усилий балканских народов для предстоящей борьбы с Портой. Однако его действия не привели к существенным результатам. Освободительное движение свелось к отдельным локальным выступлениям, которые быстро подавлялись турками.

Ввиду событий на Балканах Порта все же решила предпринять некоторые шаги и смягчить позицию России. В августе 1867 г. в Ливадию, где в это время находился Александр II, прибыл Фуад-паша для обсуждения положения на Крите и в христианских провинциях в целом. Царь считал, что необходимо провести реформы в интересах христиан и немедленно прекратить военные действия турецких войск на Крите.¹⁸

Игнатъев предложил турецкому министру свой новый план реформ в христианских провинциях, имевший компромиссный характер. Посол^{1*} был уверен, что ни европейские державы, ни Порта не согласятся с мемуаром Горчакова. Фуад-паша прямо заявил ему, что национальная автономия провинций означает разложение Османской империи. Поэтому свой новый проект Игнатъев базировал не на идее национальной автономии, а на расширении положений хатта 1856 г. Проект предусматривал увеличение числа христиан в административных советах. Предлагалось создание национальных советов при патриархиях и в епархиях, назначение христиан на должности помощников высших административных чиновников, равное представительство христиан и мусульман в судах. В процессах христиан исключалось применение шариатских законов. Далее следовали пункты об участии христиан в полиции, о справедливом распределении налогов, о создании христианских школ и назначения учителей по выбору христиан и др. В целом проект предоставлял христианам во многом равные права с мусульманами, но верховная власть в санджаках и округах принадлежала по-прежнему туркам.¹⁹ Игнатъев надеялся, что в случае принятия Портой этого проекта в дальнейшем можно добиваться и большего. Фуад-паша, ознакомившись с проектом, заявил, что он согласен с большинством предложений и постарается склонить Порту к его принятию.²⁰ Однако проект Игнатъева вызвал неодобрение Горчакова. Министр считал, что компромисс невозможен и что

^{1*} В марте 1867 г. Игнатъев был возведен в ранг чрезвычайного и полномочного посла.

надо требовать максимума: «Я не люблю ограничивать круг действий локальными мерами», – писал он Игнатьеву.²¹ Горчаков был также уязвлен тем, что Игнатьев предварительно не сообщил ему о своей инициативе. Министр заявил царю, что расценивает подачу Игнатьевым собственного проекта, как ошибку. В действительности Горчаков уже решил снять с России ответственность за судьбу христиан, если, Россия не может ее радикально изменить. Игнатьев с горечью замечал в своих записках: «Мне пришлось взять обратно текст этого проекта, переданный мною Фуад-паше, и мы потеряли таким образом единственный случай упрочить наше влияние в Турции и добиться от нее существенных уступок в пользу христиан».²²

Обстоятельный доклад Горчакова Александру II от 6 сентября 1867 г. охарактеризовал позицию держав в Восточном вопросе как враждебную христианам. Только Россия, писал министр, серьезно печется об интересах христиан. Но Россия должна прежде всего преследовать свои собственные интересы и не подвергать себя опасности. Она может вести войну только в случае угрозы ее целостности или независимости. Екатерина II, продолжал Горчаков, поднимала Восток во имя задач расширения России. Сейчас другое время. Интересы России для нас важнее улучшения жизни турецких христиан.²³

Игнатьев также всегда ставил на первое место интересы Российского государства и был чужд альтруизма во внешней политике. Но, в отличие от Горчакова, он считал, что освобождение христиан соответствует задачам русской политики, а борьба за улучшение их жизни повышает престиж России в их глазах и, следовательно, нельзя бросать балканские народы на произвол судьбы и в объятия Запада.

В августе 1867 г. Франция и Австрия заключили соглашение в Зальцбурге о сохранении статус-кво на Балканах. Они договорились противодействовать присоединению Крита к Греции, а в случае общевосточного восстания препятствовать вводу русских войск на Балканы, если таковой последует. С этой целью Австрия намеревалась оккупировать Румынию. Возникла угроза создания европейской коалиции против России. В этих условиях Горчаков счел целесообразным 18 октября 1867 г. предложить державам подписать коллективную декларацию о невмешательстве в балканские дела. Свою позицию он обосновывал как необходимостью противодействовать европейским державам вмешиваться в события на Балканах, так и невозможностью для России вступать в войну и неготовностью балканских народов к эффективной совместной борьбе за свое освобождение. Их выступление неизбежно захлебнулось бы в крови, отмечал Горчаков в своем докладе царю о внешней политике России в 1856-1867 гг.: «Рано или поздно христиане спросили бы у нас отчета за их напрасно пролитую кровь. Императорский кабинет таким образом счел, что единственная линия поведения – оставить свободу действий христианам Востока на собственный страх и

риск, уведомив их при этом, что им не следует надеяться на какую-либо непосредственную материальную помощь нашей страны».²⁴ Россия могла, продолжал канцлер, оказать христианам только моральную поддержку.

Игнатъев был против позиции невмешательства и считал, что объявление декларации будет принято за акт бессилия России. Надеясь, что Горчаков еще передумает, он затягивал передачу Порте декларации (к которой присоединились Франция, Пруссия и Италия), и она была вручена только 30 октября. Теперь у турок были развязаны руки. Они сразу возобновили военные действия на Крите.

Накануне вручения декларации Игнатъев сообщил Горчакову о том, что он отзывает свой проект реформ, переданный Фуад-паше. Последний уже собирался обсудить его на заседании Совета министров и имел благожелательные отзывы на проект от ряда министров.²⁵ Для посла отзыв проекта был большим унижением, тем более, что он считал себя правым. В письме к родителям он излил свою горечь и обиду на Горчакова, обвинив его в желании популярничать и вместе с тем ничего не делать серьезного.²⁶ Но все же усилия посла не пропали даром. В феврале 1868 г. на Крите была введена ограниченная автономия. Можно предположить, что проект Игнатъева сыграл здесь известную роль.

После декларации о невмешательстве в конфликт султана с его христианскими подданными освободительное движение еще продолжалось некоторое время, но Россия воздерживалась от акций содействия. Приехавшим в декабре 1867 г. в Петербург болгарским депутатам было прямо сказано, что Россия не поддержит их стремлений, так как не хочет быть втянутой в неизбежную войну с Европой. Она может обещать только нравственную поддержку. Это же было заявлено Сербии и Греции.²⁷ 18 января 1868 г. консулам в Османской империи был направлен специальный циркуляр МИД, где говорилось, что министерство «находит крайне опасными всякие местные увлечения и нетерпеливые порывы, потому что нынешнее политическое положение отнюдь не может благоприятствовать успешному исходу».²⁸ 24 января того же года консулу в Янине А.С. Ионину была послана депеша с осуждением его действий по организации восстания в Албании: «Мнения ваши не вполне согласны с указаниями МИД... МИД недоумевает, на каких основаниях вы действовали», - говорилось в депеше.²⁹

Петербург решил определить свою дальнейшую балканскую политику в новых условиях. По решению императора А.Ф. Будберг и Н.П. Игнатъев представили свои записки на этот счет. Будберг рекомендовал политику ожидания, с чем Горчаков и император выразили полное согласие. Записка Игнатъева от 6 января 1868 г. подчеркивала безрезультатность курса на решение балканской проблемы с помощью Франции и вообще «европейского концерта». Свои надежды на успех освободительного движения Игнатъев связы-

вал с франко-прусской войной, о которой уже давно говорили в Европе. Он предполагал, что всеобщее восстание может начаться весной 1869 г. «Среди всех комбинаций решения Восточного вопроса, - писал посол, - европейская война без нашего участия наиболее благоприятна, она представляет минимум риска для нас и наших единоверцев и опасность для Порты и ее друзей».³⁰

Для этого, по его мнению, надо было использовать поддержку Пруссии и Италии. Особенно важна договоренность с первой, подчеркивал Игнатъев, «ибо Пруссия пока нуждается в России. Когда же она станет Германской империей, она оставит нас и будет диктовать уже сама правила поведения». Теперь же Россия должна выжидать и меньше показывать Европе свой интерес к балканским делам. Завершал посол свою записку такими словами: «Мы никогда, не должны принимать участия в европейской войне, но под предлогом войны между Францией и Пруссией должны сосредоточить армию на австрийской границе и парализовать участие этих двух империй в Восточном вопросе».³¹ Горчаков ожидал от Игнатъева требований активной помощи христианам. Не увидев этого в записке, он все же решил возразить своему оппоненту. Он отстаивал проводимый курс на согласие с Францией и позицию невмешательства, указывал на неизвестность сроков предстоящей франко-прусской войны и подчеркивал, что христиан не следует обнадеживать. С этим всецело был согласен и Александр II.³² В сложившейся ситуации канцлер был прав: Россия не могла эффективно помочь славянам, не вступив в большую войну, сами же они не имели сил для тяжелой борьбы, были разобщены, а правители балканских государств соперничали друг с другом. На совещании 22 января 1868 г. у Александра II, где рассматривались записки Будберга и Игнатъева император поддержал осторожный курс Горчакова.

Между тем ситуация в Европе и на Балканах менялась. В мае 1868 г. был убит сербский князь Михаил Обренович, и Балканский союз распался. Болгарские отряды были разбиты турками. Терпели поражение и критские повстанцы. Греция и Турция были на грани войны. В Европе обострились франко-прусские отношения. В этих новых условиях Игнатъев пытался определять задачи российской политики на Балканах. В августе 1869 г. он подал в МИД новую записку. Он указывал на усиление на Балканах влияния европейских либеральных идей и втягивание Турция в орбиту европейских интересов. Это грозило потерей престижа Россия на Балканах и угрозой безопасности ее южных причерноморских территорий. Выход Игнатъев видел в активной борьбе за независимость балканских христиан. По его мнению, можно было достигнуть целей без военных потрясений, для чего следовало укреплять материальные ресурсы и усиливать вооружение Россия, продолжать контроль за национально-освободительным движением на Балканах и перенести силовые действия России в Среднюю Азию, угрожая английским колониям.³³ И Горчаков, и Александр II отметили противоречивость записки. С одной стороны, Игнатъев

призывал к подготовке к активной борьбе в защиту христиан, с другой - к выжидательной политике. Это показывает сложность положения посла: он не мог отрешиться от своих многолетних убеждений, и в то же время вынужден был принять выжидательную тактику Горчакова. Цель записки, как нам кажется, заключалась в том, чтобы побудить правительство не забывать о балканской проблеме, постоянно иметь ее в виду и использовать наступление благоприятного времени для ее решения.

Начало франко-прусской войны летом 1870 г. оживило надежды Игнатьева, он рассчитывал, что поражение Франции повлечет за собой отмену Парижского трактата. Однако в циркуляре Горчакова от 19 октября 1870 г. об отмене нейтрализации Черного моря было сказано, что император имеет в виду только безопасность и достоинство своей империи и не собирается возбуждать Восточный вопрос, желая сохранения и упрочения мира в этом деле.³⁴ Сам же Игнатьев считал, что хотя «влияние Франции похоронено на время на Востоке», но ее место займут другие западные державы, поэтому нельзя сбрасывать балканские проблемы с повестки дня. 4 октября 1871 г., находясь в Ливадии, он подал Александру II еще одну записку, названную «О положении дел на Востоке», где говорил о задачах балканской политики Россия после франко-прусской войны. Игнатьев полагал, что поражение Франции и укрепление позиций России в Черном море смягчили отношения Россия и Турции, и призывал этим воспользоваться: добиваться запрещения присутствия военных флотов западных держав в Черном море (Лондонская конвенция 1871 г. разрешала султану пропускать в мирное время военные суда дружественных и союзных Турции держав через проливы), восстановления старых границ Россия по Дунаю, противодействовать австрийскому присутствию в Нижнем Дунае и др. Из помет Александра II следовало, что он признает значение указанных проблем, но мало верит в возможность их реализации. Но главной задачей Игнатьев считал «утверждение на солидной и длительной базе нашего влияния на Востоке». Он предлагал, используя улучшение русско-турецких отношений, укреплять влияние России на Балканах, вести политическую пропаганду среди христиан, осуществлять широкую благотворительность, организовывать школы, больницы, банки, развивать торговые связи, словом, бороться с Западом его же средствами.³⁵

Таким образом, посол перешел от призывов к помощи национально-освободительному движению (в их бесплезности он уже убедился) к призывам начать широкое идейное, финансовое, торговое и культурное наступление и вступить в соревнование с Западом на этом поле действий. Александр II, судя по его пометам на записке, не возражал, но и ничего не сделал для реализации этой программы. То немногое, что удалось осуществить в этом плане (постройка русского госпиталя в Константинополе, создание православных школ и др.) было сделано самим Игнатьевым по его инициативе и при под-

держке православного населения турецкой столицы. В этом духе действовали и консулы, и славянские комитеты в России, но масштаб подобной деятельности был не слишком велик. Горчаков вначале 70-х годов мало интересовался Балканами, его вполне устраивала политика невмешательства, подтвержденная созданным в 1872-1873 гг. Союзом трех императоров. Христиане же все более обращались к Европе. И когда с помощью русского оружия в 1878 г. на Балканах были созданы независимые государства и автономное Болгарское княжество, Россия оказалась в них лицом к лицу с сильными прозападными настроениями. А пока не была решена национальная проблема, на Балканах по-прежнему царствовали произвол османских властей, экономическое, культурное и религиозное угнетение и несправие христиан. Сопrotивление народов этому зрело исподволь. Этого не замечали в Петербурге, но это видел Игнатъев. От его предупреждений отмахивались, но посла не покидала надежда на скорое решение восточного вопроса. «Я верю в свою звезду, – писал он, – и потому убежден, что когда свыше {будет} предопределено, я понадоблюсь и принесу посильную пользу России, тем более, что рано или поздно, а Восточного вопроса не миновать».³⁶

Итак, в решении балканской проблемы во второй половине 60-х годов XIX в. в российской дипломатии столкнулись две тактики: осторожный курс Горчакова, направленный на проведение реформ в христианских провинциях Османской империи с помощью европейских держав, и курс Игнатъева, с одной стороны, рассчитывавшего на освобождение балканских народов путем объединения их сил и антиосманского восстания, с другой, предлагавшего реализацию реформ путем прямых переговоров с Турцией без участия Европы. Однако и планы Горчакова, и проекты Игнатъева оказались несбыточными как из-за противодействия европейских держав, стремившихся не допустить распада Османской империи и усиления России на Балканах, так и из-за слабости сил самих славян и неспособности их к объединению. Наконец, даже если Порты провозгласила бы реформы по улучшению положения христиан, то вряд ли смогла провести их в жизнь из-за сопротивления мусульманского населения и местных властей, а также протеста младотурецких националистических кругов, все больше и больше набиравших силу в Османской империи. Принцип невмешательства, провозглашенный Горчаковым, не решил проблемы. Она была загнана вглубь. Через несколько лет на Балканах с новой силой разразился кризис, закончившийся русско-турецкой войной 1877-1878 гг.

Примечания

¹ Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 327.

² Игнатъев Н.П. Записки // Русская старина. 1915. №2. С. 298.

³ Там же. С. 300.

- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. 7 30 (Н.П.Игнатьев). Оп 1. Д. 3422. Л. 8.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. 133(Канцелярия). Оп. 469. 1867 г. Д. 34. Л. 18.
- ⁶ Там же. Л. 3-23.
- ⁷ Там же. Ф. 161 (СПб. Главный архив).V-A₂. Оп. 181. Д. 534. Л. 19 - 31. Подлинник; Д. 3242. Л. 2-12. Черновик с авторской правкой.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4 488. Л. 106.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1867 г. Д. 31. Л. 148-167, 356 - 362.
- ¹⁰ Там же. Ф. 161. I-I. Оп. 781. Д. 43. Л. 18.
- ¹¹ Там же. Ф. 133. Оп. 469. 1867 г. Д. 35. Л. 201-202.
- ¹² Там же. Д. 48. Л. 454-455. «Проект МИД для улучшения быта христиан».
- ¹³ Там же. Д. 31. Л. 489-492. Н.П.Игнатьев А.М. Горчакову от 25 апреля /7 мая/ 1867 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 416 -419.
- ¹⁵ Там же. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517 /2. Д. 4328. Л. 17.
- ¹⁶ Там же. Л. 18-20. Письмо от 23 февраля 1867 г.
- ¹⁷ Там же. Д. 4326. Л. 13-14. Письмо от 11 июля 1867 г.
- ¹⁸ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 32. Л. 362-371. Деша от 22 августа 1867 г
- ¹⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. Документы. М., 1988. С. 93. Памятная записка Н.П.Игнатьева Фуад-паше.
- ²⁰ Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 306.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1867 г. Д. 35. Л. 355. Деша от 29 августа 1867 г.
- ²² Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 307.
- ²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 48. Л. 394 - 401.
- ²⁴ Канцлер А.М. Горчаков. С. 329.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1867 г. Д. 33. Л. 241-243. Деша от 24 октября /5 ноября/ 1867 г.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4489. Л. 105. Письмо от 24 октября 1867 г
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3242. Л. 14-16. Записка П. Н. Стремоухова А.М. Горчакову от 12 декабря 1867 г.
- ²⁸ Там же. Ф. 161. V-A₂. Оп. 181. Д. 535. Л. 121.
- ²⁹ Там же. I-1. Оп. 781. Д. 44. Л. 14.
- ³⁰ Там же. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 10. Л. 25.
- ³¹ Там же. Л. 24. О записке Н.П. Игнатьева см. также: Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856 -1871 гг. М. 1989. С. 150-152.
- ³² АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 10. Л. 75 - 83. Замечания А.М. Горчакова на записку Н.П. Игнатьева от 8 января 1868 г.
- ³³ Нарочницкая Л. И. Указ. соч. С. 154. Анализ записки Н. П. Игнатьева см. там же. С. 154- - 158.
- ³⁴ Канцлер А.М. Горчаков. С. 338.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4383. Л. 59-93.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4492. Л. 155. Письмо родителям от 27 декабря 1872 г.

В преддверии войны: Восточный кризис и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 гг.

Боснийско-Герцеговинское восстание, вспыхнувшее в июле 1875 г., положило начало новому кризису Османской империи, который завершился освобождением многих балканских народов от власти Порты.

В данной статье предпринята попытка осветить причины, ход и результаты восстания в Боснии и Герцеговине, а также позицию держав по отношению к восстанию.

Экономическое и политическое положение христианского населения Османской империи, несмотря на провозглашенное в реформах танзимата равенство христиан с мусульманами, к 70-м годам практически не улучшилось. По-прежнему кметы (крепостные крестьяне) находились под двойным гнетом: феодала и государства. Каждый крестьянин, который находился в зависимости от турецких феодалов, был обязан платить десятую часть урожая (десятину) государству, а остаток делился между читлук-сахибием (феодалом) и чифчием (крепостным крестьянином). Размеры доли феодала с урожая и продолжительность беглученья (барщины) в различных районах Боснии и Герцеговины зависели от существовавших обычаев¹. В 1858 г. принудительный бесплатный труд крестьян на феодала в Боснии был отменен. Теперь крестьянин должен был платить феодалу вместо 1/5 уже 1/3 урожая зерновых и половину сена и фруктов. На практике феодалы использовали новый закон в своих интересах. Они не отказывались от беглученья, не хотели выполнять своих обязательств в отношении крестьян, но неукоснительно требовали 1/3 урожая зерновых, что было особенно тяжело для крестьян там, где раньше доля феодала в урожае была меньше. Несмотря на многочисленные запреты, беглученье в Боснии и Герцеговине использовалось феодалами вплоть до 1878 г., т. е. до австрийской оккупации. Так называемый Саферский (ноябрьский) закон, принятый 13 ноября 1859 г., окончательно узаконил обычай, по которому крестьяне были обязаны платить феодалу за использование его земли 1/3 урожая². Взимание 1/3 урожая феодалами сопровождалось многочисленными злоупотреблениями.

К середине XIX в. турецкие финансы оказались окончательно расстроеными. Реорганизация армии, административного аппарата, расходы на ведение войн — все это требовало средств. Турецкое правительство было вынуждено прибегнуть к многочисленным заграничным займам. Это привело к тому, что в 1875 г. государственный долг Турции достиг астрономической цифры — 202 млн. фунтов стерлингов. И это в условиях, когда ежегод-

ный доход Турецкой империи составлял 18 млн. фунтов стерлингов, из которых султан и его двор получали 2 млн.³

Главную статью дохода государства составляла десятина. Перед восстанием 1875 г. турецкая казна получала от Боснийского вилайета 74 млн. пиастров, из которых на долю десятины приходилось 30 млн. пиастров. К 70-м годам XIX в. сложился следующий механизм сбора этого налога. Обычно Порта продавала сбор десятины с определенной территории откупщикам. Десятина с каждой отдельной области продавалась путем аукциона; при этом откупщик должен был сразу заплатить определенный залог, а остальную сумму после сбора десятины⁴.

Само собой разумеется, что откупщики десятины брали с крестьян много больше положенного по закону. Излишки оседали в их карманах. Размер десятины непрерывно повышался, причем особенно быстро после 1870 г.

1874 год в Боснии и Герцеговине был неурожайным. В Герцеговине урожай погиб от засухи, а в Боснии от дождей и холодов⁵. Но даже стихийные бедствия не привели к уменьшению налогов. В 1874 г. в связи с ликвидацией внутренних таможен доходы государства сократились. С целью компенсации потерь десятина была превращена в осьмину. В ответ на это в местечке Невесинье (Герцеговина) крестьяне отказались платить новую десятину. Их сопротивление было подавлено⁶. Зима 1875 г. была очень тяжелой для сельского хозяйства Боснии и Герцеговины. В ряде мест начался падеж скота. Несмотря на это, бюджет боснийского вилайета был определен в сумме 14 млн. франков. Такого размера он никогда прежде не достигал; стало ясно, что величина десятины на этот раз будет небывало высокой. Нет ничего удивительного в том, что в Боснии не нашлось откупщиков, которые бы взяли на себя смелость собрать требуемую сумму десятины⁷. Не помогло и продление срока аукциона. Когда все попытки продать десятину не увенчались успехом, власти решили силой принудить сельских старост взять на себя сбор десятины. Это означало, что сельские общины практически должны были сами себя ограбить. Положение крестьян осложнялось еще требованием турецких властей платить десятину не в натуре, а в денежной форме. Размеры десятины были таковы, что в некоторых районах продажа даже всего крестьянского имущества не смогла бы покрыть требуемую сумму⁸. Терпение крестьян лопнуло.

Из среды гайдуков выдвигаются организаторы восстания, такие, как крестьянин И. Гутич, торговец скотом С. Зечевич и другие. Уже в августе 1874 г. состоялось первое собрание по подготовке восстания, в котором, кроме вышеупомянутых лиц, принимали участие М. Гутич, И. Стеванович, Т. Грубачич, П. Радович и П. Рупар. Было сформировано руководство по подготовке восстания из 7 человек и принято решение выяснить отношение народа к восстанию⁹.

1 ноября 1874 г. на собрании близ Невесинья было принято решение начать восстание уже в этом году и немедленно послать делегацию в Черногорию с просьбой об оказании помощи оружием и боеприпасами. Отрицательный ответ черногорского князя¹⁰ вызвал разочарование среди герцеговинцев, но воинственные настроения не утихали. Вслед за невесиньцами в других районах провинции проходили сходки по подготовке к восстанию. Главной задачей восстания на первом этапе (по мнению его руководителей) было освобождение от власти османов одного из центральных районов Герцеговины — Невесиньского, чтобы затем распространить восстание на другие районы.

Между тем отношения народа Герцеговины с турецкими властями приобретали все более взрывоопасный характер. Летом 1875 г. турки увеличили десятину почти в 2 раза, превратив ее практически в пятину¹¹; крестьяне негодовали. Турецкие власти, почувствовав напряженность положения, потребовали во время переговоров с представителями сел Невесиньского района изгнать из этих мест гайдуческие четы П. Тунгуза и Ф. Ковачевича.

Вожди восстания согласились принять турецкое требование, опасаясь, чтобы гайдуки какой-нибудь преждевременной акцией не помешали подготовке восстания. Но П. Тунгуз не выполнил их распоряжения. В ночь с 4 на 5 июля 1875 г. он со своей четой устроил засаду на дороге Мостар — Невесинье и утром атаковал турецкий караван, направлявшийся из Мостара с продовольствием для гарнизона в Невесинье. Гайдуки убили несколько турок из охраны каравана и захватили часть продовольствия¹². Это столкновение вызвало сильное возбуждение в окрестных селах. Вожди восстания, собравшись в селе Биоград, решили послать гонцов по окрестным селам, чтобы приготовить народ к немедленному выступлению. 9 июля 1875 г. у села Креков около 90 вооруженных повстанцев вступили в бой с запятыми (турецкими полицейскими)¹³.

Так в 1875 г. началось восстание в Герцеговине. Порта направила специальную комиссию для переговоров с восставшими в надежде решить конфликт мирным путем, но турецкие уполномоченные отказались удовлетворить требования восставших герцеговинцев об уменьшении налогов. Султанский комиссар на переговорах в Невесинье Костан-Эфендия сообщил в Сараево, что восставшие отказались прекратить сопротивление¹⁴. Султанские власти решили использовать регулярные войска (низам) для подавления движения. 24 июля турки предприняли первое наступление на повстанцев, которое было отбито. Успех, одержанный в сражении, имел большое моральное значение. На помощь невесиньцам стекались подкрепления из других районов Герцеговины. 6 августа турки потерпели новое поражение¹⁵.

В Стамбуле пришли к выводу, что необходимо усилить правительственные войска в Герцеговине, где в это время было 1800 турецких солдат. В

Боснии, в распоряжение Дервиш-паши, главнокомандующего турецкими войсками обеих провинций, было 4 тыс. солдат низама¹⁶. После этого часть войск из Боснии была срочно переброшена в Герцеговину. Султанским властям помогала Австро-Венгрия. В августе 1875 г. турки получили возможность перебрасывать свои войска морем через австрийский порт Клек.

Под давлением общественного мнения вынужден был отказаться от своей нейтральной позиции по отношению к восставшим черногорский князь Николай. Он заверил герцеговинцев, что будет всеми силами помогать восстанию, поручив своему тестю, воеводе П. Вукотичу, возглавить его. Вукотич обосновался в Грахове и отсюда неофициально руководил восстанием¹⁷. Из Черногории в Герцеговину были посланы вооруженные отряды (четы).

Одновременно М. Любibrатич и А. Якшич, вернувшиеся из Сербии, собрали совещание герцеговинских вождей, на которое, наряду с руководителями восстания, были приглашены и мусульманские представители. На совещании речь шла об отношении восставших к иностранным державам, о позиции Сербии и Черногории, о путях получения оружия и боеприпасов, о лучшей организации самого восстания. Дебатировался также вопрос о выборе главнокомандующего всеми повстанческими силами на территории Герцеговины и об образовании временного правительства.

Тем временем повстанцы одержали ряд важных побед над султанскими войсками. Уничтожив несколько мелких турецких гарнизонов, расположенных в укреплениях на основных дорогах, 29 августа они предприняли нападение на Невесинье. Яростное сражение продолжалось целый день. Восставшие заняли город, захватили много оружия и продовольствия, однако взять невесиньскую крепость им не удалось¹⁸.

В конце августа в Герцеговине насчитывалось вместе с черногорскими отрядами около 10—12 тыс. повстанцев. 30 сентября 1875 г. 2 тыс. повстанцев атаковали на марше двигавшиеся из гавани Клек турецкие отряды и заставили их отступить.

В боевых действиях повстанцы придерживались тактики партизанской войны; из-за отсутствия пушек и взрывчатых материалов они избегали нападений на крупные, сильно укрепленные города.

Зимой боевые действия затихли; среди повстанцев начались разногласия, основными причинами которых были: отсутствие единого централизованного руководства и дисциплины, соперничество среди руководителей, подстрекаемое извне. По-прежнему П. Вукотич оставался неофициальным главнокомандующим; посредником между ним и вождями восстания был назначен священник Р. Ковачевич. Эти действия должны были замаскировать роль Черногории в руководстве восстанием. Зимой приступили к реорганизации повстанческой армии. Повстанческие отряды были сведены в батальоны и взводы. Устанавливалась беспрекословная субординация, вво-

дидась вечерняя поверка; был создан и специальный административный орган для снабжения войск боеприпасами¹⁹, оружием и продовольствием. Все эти меры способствовали укреплению боеспособности повстанческой армии.

Под давлением Австро-Венгрии, опасавшейся распространения восстания, весной 1876 г. Порта согласилась на 12-дневное перемирие (начиная с 1 апреля) для проведения мирных переговоров с повстанцами, которые происходили в Суторине. Турецкая сторона и на этот раз отказалась удовлетворить требования восставших; переговоры были сорваны. Восстание продолжалось. Турки несли тяжелые потери.

В конце июня 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. Это должно было принести облегчение восставшим герцеговинцам, уже год героически сражавшимся с султанскими войсками. Как только черногорские войска перешли границу Герцеговины, к ним присоединилось 6 тыс. повстанцев. Герцеговинцы участвовали в войне Черногории с Турцией в 1877 и в 1878 гг. Они сковывали турецкие войска в Герцеговине, пока черногорцы наступали на других участках фронта. После оккупации Герцеговины Австро-Венгрией в 1878 г. ее войска разоружили 6750 повстанцев²⁰. Трехлетняя героическая борьба герцеговинцев показала настоящую силу народа и стала примером для других народов Балканского полуострова.

Положение в Боснии летом 1875 г. было не менее напряженным, чем в Герцеговине. Попытка османских властей силой заставить сельских старост из Северо-Западной Боснии взять на себя сбор в очередной раз увеличенной десятины вызвала массовые протесты крестьян. Ситуация становилась критической. Многие крестьяне с семьями начали тайно переходить через границу в Австро-Венгрию.

Весть о восстании в Герцеговине вызвала сильное возбуждение у боснийских крестьян: «На нас большое впечатление произвела отважность герцеговинцев, — писал боснийский корреспондент воеводинской газеты «Застава»²¹.

Восстание в Герцеговине вынудило турецкие власти в Боснии серьезно задуматься над возможными последствиями. Началось экстренное размещение военных отрядов во всех стратегически важных местах, в селах собирались отряды ополчения и сельской стражи из мусульман. Мусульманское население запасалось оружием²². Все это вызвало еще большее возбуждение среди христианского населения. В ряде пограничных районов Боснии велась агитация в пользу восстания. На границе с Австрией действовали социалисты — К. Угринич, М. Хорвачанин и другие. Определенные связи существовали между Угриничем и Пелагичем²³ и другими социалистами. Социалисты непосредственно занимались подготовкой восстания²⁴. Ими был разработан план организации восстания, назначенного на 18 августа

1875 г. Но в действительности все получилось несколько иначе. Как и в Герцеговине, восстание вспыхнуло стихийно несколькими днями раньше, когда турки, возможно имея некоторую информацию о готовящемся выступлении²⁵, начали массовые аресты в селах. 13 августа 1875 г. восстали жители нескольких сел в районе Приедора, 15 августа восстание охватило ряд сел, расположенных в районе между Боснийской Дубицей и Боснийской Костайницей. Территория, охваченная восстанием, быстро расширялась. На борьбу с турками поднялись крестьяне в междуречье Врбаса и Уны и на правом берегу Савы.

Начало движения характеризовалось очень слабой организованностью. Крестьяне практически не имели оружия²⁶. На первом этапе у восставших не было общего руководства. Несмотря на это, движение достигло определенных успехов. В течение первых трех дней была очищена от тукок значительная территория. 19 августа повстанческие четы М. Байялицы и М. Дженадие совершили нападение на Боснийскую Костайницу²⁷.

Сразу же после начала восстания в Баня Луке, Приедоре, Травнике и других городах началось формирование многочисленных отрядов турецких иррегулярных частей (башибузуки). Одновременно концентрировались и силы турецкой армии. В конце августа началось наступление на восставшие районы. Повстанцы оказывали сильное сопротивление, но под напором превосходящих сил регулярной турецкой армии большинство чет распалось, многие повстанцы бежали в Австро-Венгрию.

Часть повстанческих отрядов сохранила свою боеспособность, отступив в горы. Этим закладывались основы для продолжения борьбы.

Несколько позже, чем в северной Боснии, началось восстание в юго-западной ее части. Восставшие жгли усадьбы и склады феодалов — агон и бегов, скрываясь затем в горах. Однако организованное восстание здесь начинается лишь после появления чета Г. Бабича, боснийского эмигранта, посланного в Боснию сербским правительством²⁸. 15 сентября он со своим отрядом (18 человек) совершил нападение на турецкое укрепление в Тишковце. Турки, несмотря на численное превосходство, в беспорядке бежали. В ходе дальнейших боевых действий чета сильно выросла. Повстанцам удалось нанести туркам несколько поражений. Благоприятные географические условия, обеспечивавшие повстанцам надежную базу на боснийской территории, а также отсутствие в начальный период разногласий среди восставших способствовали расширению восстания. С наступлением зимы столкновения с турками почти прекратились.

В отличие от других районов Боснии восстание в восточной ее части началось не со стихийного выступления крестьян, а вторжением через границу отрядов, сформированных на сербской территории. С самого начала восстания сербское правительство оказывало повстанцам всестороннюю по-

мощь. В этом районе Боснии вмешательство Сербии осуществлялось непосредственно. Была организована переброска в Боснию нескольких чет, но все они потерпели поражение и вынуждены были возвратиться. Поднять таким образом народ на восстание не удалось²⁹.

Вскоре после начала Боснийско-Герцеговинского восстания в Сербии, а позже и на территории Австро-Венгрии (вдоль западных и северных границ Боснии) стали возникать многочисленные комитеты по оказанию помощи восставшим. Задачей комитетов являлись сбор денежных средств, заготовка оружия и боеприпасов, одежды, лекарств и т. д. Комитеты осуществляли формирование новых отрядов. В июле 1875 г. в Белграде был создан Главный комитет по оказанию помощи восставшим. Аналогичный комитет образовался и в Загребе. В ряде хорватских городов — Осиеке, Сисаке, Шибенике, Петринье, Сплите и других — были также организованы подобные комитеты; в Дубровнике был создан комитет помощи герцеговинским повстанцам.

С боснийскими повстанцами сотрудничали комитеты, расположенные вдоль боснийской границы. Основным центром здесь был Главный комитет боснийского восстания в Новой Градишке. Он был основан организаторами восстания В. Видовичем, С. Бабичем и Л. Билбией в сентябре 1875 г. Комитет в Новой Градишке был связан с Главным комитетом в Белграде, который осуществлял политическое и организационное руководство восстанием в Боснии. Комитеты в Славонском Броде и Костайнице (хорватской) поддерживали повстанцев в северной Боснии, а комитет в Книне служил боевой базой Г. Бабича в юго-западной Боснии. Пограничные комитеты не только снабжали повстанцев оружием и продовольствием, занимались лечением раненых, но и снаряжали и вооружали целые отряды для отправления в Боснию. В деятельности Костайницкого комитета важную роль играли социалисты во главе с В. Пелагичем. Их усилия во многом способствовали укреплению организации и расширению восстания. Идеи В. Пелагича получили свое выражение в «Повстанческом манифесте народных прав», провозглашенном в феврале 1876 г. в Тишковце. В этом манифесте выдвигались требования равноправного раздела земли между крестьянами. В качестве местных органов власти предусматривались скупщины самоуправления, а высшим органом должна была стать свободно избираемая общенародная скупщина (парламент)³⁰.

На действия Главного комитета в Новой Градишке отрицательное влияние оказывали попытки Главного сербского комитета взять руководство восстанием в свои руки. Аналогичные притязания имели место и со стороны комитета в Загребе. Пелагич подверг острой критике подобного рода националистические устремления, призывая «...в интересах сербов и хорватов избавиться от национальных и религиозных предрассудков и усвоить святую

идею — идею братского человеческого союза»³¹.

В декабре 1875 г. в селе Ямница в Новой Градишке при активном участии В. Пелагича была созвана скупщина вождей восстания и руководителей комитетов помощи³². Все присутствующие единодушно выразили свое недоверие новым турецким реформам и решили еще активнее продолжать борьбу. Планировалось нападение на Боснийскую Костайницу. Скупщина направила представление державам, в котором повстанцы требовали признать их воюющей стороной, что являлось важным политическим требованием. Они также обратились с призывом к боснийским мусульманам принять участие в совместной борьбе.

Весной 1876 г. снова активизировались повстанцы в северной Боснии. Быстро увеличивалось число бойцов в отрядах. Но по-прежнему действия чет были разрозненными. Эффективного единого руководства не было. Следует отметить, что здесь повстанцы столкнулись с очень сильным противодействием турецких сил.

В марте 1876 г. в связи с бесчинствами султанских войск, резко возросло число боснийских беженцев в Австро-Венгрию. Это связано с тем, что 1 февраля в Сараево был объявлен указ (фирман) султана от 12 декабря 1875 г. об отмене откупа налогов, свободе вероисповедания, разделении исполнительной и судебной властей. Эти реформы, принятые Турцией под давлением великих держав, были встречены в Боснии яростным сопротивлением мусульманского населения, что практически сделало невозможным их проведение в жизнь. Чудовищные зверства разбойничьих отрядов башибузуков были одним из проявлений этого антиреформистского движения в Боснии.

В юго-западной Боснии чета Г. Бабича продолжала успешно бороться с турецкими войсками. По сравнению с повстанческими отрядами в северной Боснии здесь было гораздо больше организованности. В марте было занято турецкое укрепление Упад; повстанцы захватили большие трофеи. Был сформирован штаб для координации действий.

Восстание началось как стихийный протест против усиления феодального гнета. Однако национальные идеи проникали в повстанческую среду, прежде всего охватывали руководство движением. Определенные предпосылки для этого были созданы в предшествующий период.

В 60-х гг. Сербия предпринимала определенные усилия по созданию сети своих доверенных людей в Боснии. Был создан особый руководящий центр в Белграде, главную роль в котором играли Герцеговинский архимандрит Н. Дучич, М. Любibrатич и Н. Окан. Все эти люди получали ежемесячную плату от Сербского княжества (Дучич и Любibrатич были известными вождями прежних восстаний в Герцеговине). Главной целью их деятельности являлась подготовка восстания в Боснии для присоединения ее к Сербии. План, разработанный Н. Оканом в 1869 г. по указанию сербского

правительства, предусматривал сначала организацию восстания в Герцеговине, а затем в Боснии, посредством вторжения на ее территорию повстанческих отрядов, сформированных из боснийских беженцев, которые должны были поднять народ. После этого предполагалось объявление войны Турции со стороны Сербии и Черногории. Решающее значение в этом плане придавалось вооруженному выступлению Сербии и Черногории.

Деятельность сербских тайных организаций в Боснии должна была охватить не только православное население, но также католиков и мусульман. В этом сказалось влияние официальной концепции сербской народности, считавшей все боснийское население сербским народом, поделенным на три веры. Среди католиков соответствующая пропаганда велась в основном через католических священников, хотя в эту деятельность был вовлечен весьма узкий круг лиц³³. Вместе с тем делались попытки привлечь на свою сторону и представителей мусульманского населения, прежде всего бегов (феодалов). С этой целью давались обещания сохранить их земельные владения. Программа сербского правительства не учитывала интересов крестьянства, стремившегося к ликвидации феодального землевладения. Естественно, она не встречала поддержки широких слоев населения Боснии. Поэтому после ряда неудач сербское правительство оставило свои планы и начавшееся в 1875 г. восстание застало его врасплох «без какой-либо организации в Боснии»³⁴.

В южной Герцеговине, в пограничных с Черногорией районах, влияние черногорцев на местное население было весьма значительным.

Много внимания вопросу освобождения Боснии и Герцеговины уделяли и сербские социалисты. Известный сербский революционный демократ и социалист С. Маркович указывал, что это освобождение должно быть достигнуто не путем присоединения различных территорий к сербской монархии, а с помощью общенародной революции, которая уничтожила бы все имевшиеся тогда правительства и создала бы новое, основанное на федеративном принципе демократическое государство³⁵. Программа социалистов предусматривала организацию общенародного освободительного движения, в котором крестьянству отводилась решающая роль³⁶. Сербские социалисты поддерживали самые активные связи с русскими революционерами-народниками. В ходе подготовки восстания сложился русско-сербский революционный союз³⁷, который распался после смерти С. Марковича в 1875 г.

Но накануне восстания в Боснии и Герцеговине и сербские социалисты не имели эффективной организации по подготовке восстания.³⁸

Объявление Сербией и Черногорией войны Турции имело большое значение для восставших боснийцев. Авторитет Сербии сразу возрос, ее влияние на повстанцев стало преобладающим. 30 июня в северной Боснии и 2 июля в Трубаре (юго-западная Босния) был провозглашен Манифест о при-

соединении Боснии к Сербии. Без всякого сомнения, этот Манифест был подготовлен с ведома сербского правительства, о чем говорит быстрота его подписания. Провозглашение объединения Сербии с Боснией облегчало положение восставших. Восстание в Боснии стало составной частью широкого национально-освободительного движения на Балканах.

Сербское правительство направило к Г. Бабичу в юго-западную Боснию полковника Деспотовича, который должен был взять на себя командование повстанцами. Под руководством Деспотовича был взят город Оджак.

В конце 1876 г. в результате военных неудач Сербия вынуждена была подписать мир с Турцией, одним из условий которого был отказ Сербии от поддержки восстания в Боснии. Опасаясь, что турки могут заселить земли бежавших в Австро-Венгрию боснийских крестьян, сербское правительство посоветовало беженцам возвратиться обратно, а восстание прекратить. Несмотря на это повстанцы продолжали борьбу и в 1877 г.

Лишь после поражения основных сил повстанцев в юго-западной Боснии в начале августа 1877 г. их организованная борьба практически прекращается. И тем не менее вплоть до австро-венгерской оккупации Боснии в 1878 г. продолжались мелкие столкновения повстанческих чет с турецкими отрядами.

Восстание в Герцеговине и в Боснии поставило в повестку дня европейской политики восточный вопрос.³⁹ Русское правительство через своих дипломатических агентов внимательно следило за развитием событий в Боснии и Герцеговине. Однако даже для опытных русских дипломатов оказались неожиданными масштабы восстания.

Политика России по отношению к восстанию определялась общими задачами, стоявшими в тот период перед русской дипломатией на Балканах. Россия не стремилась к территориальным захватам в этом районе; ее главной задачей было восстановление поколебленного Крымской войной влияния на Балканском полуострове⁴⁰. Поскольку Россия в это время не была готова к проведению активной политики на Балканах, был взят курс на примирение враждующих сторон. Русское правительство первым обратилось к своим партнерам по Союзу трех императоров — Австро-Венгрии и Германии с призывом совместными усилиями предупредить дальнейшее углубление кризиса.

Позиция России была выражена в сообщении «Правительственного вестника» от 17 октября 1875 г., в котором отмечалось, что, принимая участие в Союзе трех императоров «императорский кабинет ныне, как и прежде при таких же обстоятельствах, не мог оставаться равнодушным и безучастным зрителем событий, совершающихся в Герцеговине»⁴¹.

А. М. Горчаков на переговорах с Австро-Венгрией в Вене в августе 1875 г. заявил, что Россия осуществит принцип «невмешательства» на Балканах,

если Австро-Венгрия не станет на сторону Турции против славян. По мысли канцлера, этот принцип «должен благоприятствовать христианам, а не быть им в ущерб»⁴². Он говорил о необходимости совместного вмешательства членов Союза трех императоров в боснийско-герцеговинские дела и высказал мысль о предоставлении восставшим довольно широкой автономии. Это не могло устроить Австро-Венгрию, так как Босния и Герцеговина, получив автономию, могли соединиться с Сербией и Черногорией и создать крупное славянское государство на Балканах, которого Австро-Венгрия так опасалась. Именно Австро-Венгрия, а позже Англия стали главными противниками России, проводившей политику поддержки восстания.

Австро-Венгрия сама вынашивала планы по оккупации Боснии и Герцеговины. 29 января 1875 г. на заседании Императорского совета австро-венгерской монархии было принято решение о том, что в случае возникновения восстания в Боснии и Герцеговине, поддержанного Черногорией, Австро-Венгрия должна будет вмешаться для предотвращения присоединения этих турецких провинций к Сербии и Черногории. Точных границ территории, подлежащей оккупации, определено не было, военные круги требовали занятия всей Боснии и Герцеговины⁴³. Таким образом, еще до начала восстания в Боснии и Герцеговине Австро-Венгрия ставила своей целью оккупацию этих турецких провинций, но в тот период не выдвигалась задача организации прямой военной интервенции, для которой пока что не было благоприятных условий. Этим объясняется упорное нежелание Венского кабинета согласиться на русские предложения об автономии для Боснии и Герцеговины. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши предлагал свой контрпроект реформ, которые из-за их половинчатого характера и непоследовательности не могли удовлетворить повстанцев. И последующие попытки Австро-Венгрии сыграть роль посредника и примирить повстанцев с Турцией потерпели провал, так как повстанцы требовали прежде всего гарантий европейских держав в проведении реформ.

В апреле 1876 г. Россия снова выдвинула предложение о предоставлении Боснии и Герцеговине автономии. Мандаты для устройства автономии должны были получить Австро-Венгрия и Россия. Это предложение встретило противодействие Австро-Венгрии и Германии. В результате появился Берлинский меморандум, который удовлетворял лишь второстепенные требования повстанцев; в нем совершенно не нашли отражения аграрные требования.

После начала войны Сербии и Черногории с Портой Боснийско-Герцеговинское восстание перестает быть главным объектом внимания русской дипломатии. Однако общее направление политики России по отношению к Герцеговине и Боснии остается неизменным. Россия защищает интересы славян и в Рейхштадском соглашении. Позже, подписав Будапештскую

конвенцию 1877 г., Россия согласилась на оккупацию Австро-Венгрией части Боснии и Герцеговины, но это была вынужденная уступка — плата за нейтралитет Австро-Венгрии в русско-турецкой войне. Однако в проекте мирного договора, подписанного в Сан-Стефано, предусматривалась автономия для Боснии и Герцеговины.

Помощь России повстанцам не ограничивалась только дипломатической поддержкой. Материальная помощь оказывалась как русским правительством (через Черногорию и русское консульство в Дубровнике), так и славянскими комитетами. В ходе восстания многие герцеговинцы, прежде всего семьи участников восстания, вынуждены были бежать в соседнюю Черногорию. Уже в конце сентября 1875 г. здесь находилось более 50 тыс. герцеговинских беженцев (при общей численности населения Черногории в тот период 120 тыс. человек)⁴⁴. В мае 1876 г. число беженцев достигло 60 тыс. человек⁴⁵. Черногория, не имевшая достаточно продовольствия и для своего собственного населения, не могла обеспечить продовольствием беженцев. Русский консул в Дубровнике А. С. Ионин писал в августе 1875 г.: «Если восстание еще продлится, эмиграция лишних ртов из Герцеговины станет всеобщей»⁴⁶. Черногория оказалась в очень тяжелом положении. В ответ на просьбу черногорского князя о материальной помощи русское правительство выделило Черногории субсидию на закупку продовольствия⁴⁷. 25 августа 1875 г. царь официально разрешил славянским комитетам проводить сбор средств в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине⁴⁸.

В сентябре 1875 г. в русской печати было опубликовано обращение члена международного комитета помощи герцеговинцам Веселитского-Божидаровича с просьбой об оказании помощи восставшим. Призывы русской печати и славянских комитетов нашли широкий отклик в народе. К ноябрю 1875 г. из России было послано в русское консульство в Дубровнике 73 101 гульден (60 603 руб.) частных пожертвований (от славянских комитетов, редакций газет и т. д.). Эти деньги использовались для покупки хлеба и одежды для беженцев, медицинских материалов и устройства госпиталей для раненых⁴⁹. Всего с 1 октября 1875 г. по 1 июля 1876 г. для закупки хлеба из России в Черногорию было переправлено 700 тыс. гульденов (583 тыс. руб.), собранных славянскими комитетами⁵⁰. По подсчетам Н. И. Хитровой, с 1875 по 1878 г. на закупку продовольствия для герцеговинцев, находившихся в Черногории, русским правительством было израсходовано 1390 тыс. гульденов (1056 тыс. руб.)⁵¹. Русское правительство не только давало деньги для закупки продовольствия, но и отправляло хлеб из Одессы непосредственно в Черногорию⁵².

Следует отметить, что после основания 16(28) августа 1875 г. в Париже Международного комитета по оказанию помощи восставшим в Герцеговине Франция, Англия, Швейцария, США и другие страны включились в эту

кампанию, но уже в январе 1876 г. прекратила свою помощь Франции, в апреле 1876 г. — Швейцария и Англия⁵³. В то же время русское правительство и после окончания русско-турецкой войны финансировало возвращение герцеговинских беженцев на родину; с помощью России все герцеговинцы из Черногории были переправлены в Герцеговину. Таким образом, Россией была оказана весьма внушительная помощь герцеговинцам, вынужденным эмигрировать в Черногорию и Далмацию. Эта помощь в буквальном смысле спасла от голодной смерти тысячи герцеговинцев и черногорцев.

Боснийско-Герцеговинское восстание 1875—1878 гг. начавшееся как крестьянское движение, направленное против непосильного гнета феодальной Турецкой империи, приобрело национально-освободительный характер. Сербия и Черногория стремились использовать его в своих целях — для освобождения Боснии и Герцеговины от власти Порты и присоединения этих территорий к Сербии и Черногории. Тут не обошлось без взаимных противоречий и соперничества. Часть руководителей восстания в Боснии и значительное количество православного крестьянства поддерживали идею объединения с Сербией. Однако правящие круги Сербии не поддерживали радикальные требования крестьянства о ликвидации беговских имений, они как и раньше в 60-х гг, стремилась заручиться поддержкой мусульманских боснийских феодалов в борьбе с Османской империей. Это порождало конфликт между руководством восстания и его главной движущей силой — феодально-зависимым крестьянством, что тормозило развитие восстания.

Все эти планы были надолго приостановлены австро-венгерской оккупацией Боснии и Герцеговины.

Хотя восстания в Герцеговине и в Боснии имели немало особенностей и специфических черт, тем не менее у них было много общего. Они происходили в едином Боснийском вилайете и были вызваны одинаковыми причинами — возмущением крестьян непосильным гнетом феодалов и злоупотреблениями султанских властей. Оба движения были во многом сходны и по целям, и по движущим силам, и по средствам борьбы. Поэтому движение в Герцеговине и Боснии в 1875—1878 гг. можно рассматривать как единое целое.

Примечания

¹ Буне и устанце у Босни и Херцеговини у XIX веку. Београд, 1952, С. 22-25.

² Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку, С. 25.

- ¹ См.: Екмечић М. Устанак у Босни. Сарајево, 1973 С. 25.
- ² См.: Екмечић М. Почетак босанског устанка 1875 г. //Годишњак друштва историчара Босне и Херцеговине, VI, 1954, С. 282.
- ⁵ См.: Кондратьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М., 1971, с. 138.
- ⁶ См.: Кондратьева В. Н. Указ. соч., С. 139.
- ⁷ См.: Екмечић М. Устанак у Босни, С. 33—34.
- ⁸ См.: там же, с. 34.
- ⁹ Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку, С. 11.
- ¹⁰ См.: Пророковић Р. Невесњска буна, 1874. Београд, 1905, С. 65.
- ¹¹ См.: Вукчевић М. Црна гора и Херцеговина очи рата (1874—1876 гг. Цетиње, 1950, С. 102.
- ¹² См.: Чубриловић В. Указ соч., С. 54—55.
- ¹³ Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку, С. 78,
- ¹⁴ См.: Чубриловић В. Указ соч., С. 56.
- ¹⁵ Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку, С. 79.
- ¹⁶ Там же, С. 79—80.
- ¹⁷ Там же, С. 80—81,
- ¹⁸ Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку, С. 84.
- ¹⁹ Там же, С. 96—97.
- ²⁰ Там же, С. 111.
- ²¹ Застава (Нови Сад), 1875, 20 авг.
- ²² См.: Екмечић М. Устанак у Босни, С. 75.
- ²³ См.: Чубриловић В. Указ. соч., С. 63—68; Екмечић М. Устанак у Босни, С. 76.
- ²⁴ См.: Екмечић М. Устанак у Босни, С. 77.
- ²⁵ См.: Чубриловић В. Указ. соч., С. 68.
- ²⁶ Новисадская газета «Застава» писала: «Весь народ от 20 до 60 лет берется за оружие: за топоры, вилы, ножи, косы и дубины. Ружей чрезвычайно мало» (Застава, 1875, 24 авг., № 96).
- ²⁷ Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку, С. 118.
- ²⁸ См.: Екмечић М. Устанак у Босни, С. 96.
- ²⁹ См.: Там же, С.110-113.
- ³⁰ Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку, С. 126—127.
- ³¹ Пелагић В. Историја Босанско-Герцеговачке буне. Будимпешта, 1870, С. 57—64.
- ³² См.: Екмечић М. Устанак у Босни, С. 144—145.
- ³³ См.: Екмечић М. Устанак у Босни, с. 47.
- ³⁴ Там же, с. 53.
- ³⁵ См.: Марковић С. Србија на Истоку. Београд, 1946, С. 180.
- ³⁶ См.: Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, С. 333—338.
- ³⁷ См.: Кушева Е. И. Из русско-сербских революционных связей 1870 г. // Учен зап. Ин-та славяноведения. Т. 1, 1949, С. 343—358; Карасев В. Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. //Учен. зап. Ин-та славяноведения, Т. XXX, 1946, С. 114—130; Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973, С. 464—473; Хевролина В. М. Революционное народничество и национально-освободительная борьба южных славян 1875—1876 гг. Автореф. канд. дис. М., 1968.
- ³⁸ Вопрос этот нуждается в дальнейшем исследовании. В югославской историографии нет единого мнения. В. Чубрилович, например, считает, что «социалисты первые начали организовывать восстание», в то время как М. Екмечић полагает, что социалисты непосредственно перед восстанием не имели особой организации для его подготовки и их роль не была решающей (См.: Чубриловић В. Босански устанак 1875—1878. Београд, 1930 С. 161; Екмечић

М. Устанак у Босни, С. 70).

- ³⁹ Подробнее см.: Писарев Ю. А. Восстание в Боснии и Герцеговине 1875—1878 годов и европейские державы. // Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 48—58; Међународни научни скуп поводом 100 годишњице устанка у Босни и Херцеговини, другим балканским земљама и источној кризи 1875—1878 године. (Сарајево—Илиџа, 1—3 октобра 1875). Т. 1—3.
- ⁴⁰ См.: Георгиев В. А., Киняпина Н. С., Панченкова М. Т., Шеремет В. И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в., С. 198.
- ⁴¹ Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. Спб., 1911, С. 274.
- ⁴² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961, С. 63.
- ⁴³ Екмечић М. Устанак у Босни, с. 116.
- ⁴⁴ См.: Хитрова Н. И. О русской помощи Черногории в период восточного кризиса 1875—1878 гг., // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 195.
- ⁴⁵ АВПРИ, ф. Политический отдел, 1875 г., Д. 1, Л. 11.
- ⁴⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1, с. 83.
- ⁴⁷ См.: Хитрова Н. И. Указ. соч., с. 196; АВПРИ, ф. Политический отдел, 1875 г., Д. 2, Л. 16., 16 об.
- ⁴⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1, с. 88.
- ⁴⁹ Там же, с. 142—145.
- ⁵⁰ См.: Хитрова Н. И. Указ. соч., с. 199.
- ⁵¹ Там же, с. 201.
- ⁵² АВПРИ, ф. Политический отдел, 1875 г., Д. 1, Л. 52, 60, 62, 64, 66, 70, 71, 72.
- ⁵³ См.: Јовановић Р. Помоћ Русије херцеговачким избеглицама у Црној Гори. // Историјски записи, 1976, № 2, С. 290.

**Боснийско-Герцеговинское восстание
1875-1878 годов – пролог Восточного кризиса
70-х годов XIX века**

Дважды в XX веке — в первом и последнем его десятилетии — Босния, точнее Босния и Герцеговина, становилась очагом крупных международных осложнений. Боснийский кризис 1908-1909 гг. едва не привел к «преждевременному», «досрочному» началу Первой мировой войны. Во всяком случае, он вошел в историю международных отношений как первый и острейший международно-политический кризис на пути мира к мировой империалистической войне 1914-1918 гг. Второй боснийский кризис, переросший в кровопролитную войну между населяющими его тремя славянскими народами - православными сербами, католиками-хорватами и мусульманами — случился в начале 1990-х гг. На этот раз в связи кризисом и распадом Социалистической Федеративной Республики Югославия. Кризисов и межэтнических и межконфессиональных неурядиц в многовековой истории этой страны было множество, но никогда прежде до вооруженных столкновений и вооруженного взаимоистребления этнически родственных боснийских народов дело не доходило.

Сложившаяся в Боснии и вокруг Боснии напряженная ситуация имеет длительную предысторию, генезис которой уходит вглубь веков, начиная по крайней мере с падения королевства и ликвидации собственной боснийской государственности в XVI в. в результате османского завоевания. Многовековое османское господство повлекло за собой глубокие сдвиги в этнодемографическом и этноконфессиональном составе населения страны, наиболее значительными из которых были массовая исламизация части населения, утверждение мусульманской религии в качестве одной из трех ведущих конфессий наряду с православием и католичеством, формирование мусульманского этноса в качестве третьей составляющей боснийского населения. Религия была главным этнодифференцирующим фактором для всех народов Боснии, т.е. не только для мусульман, но и для сербов и хорватов. Существенным при этом моментом было то, что процесс формирования современной нации у боснийцев-мусульман происходил позднее (был более медленным и запоздалым, чем у соседних этнических групп, а завершение его можно отнести скорее всего ко 2-й половине XX века. Существовавшие между этими основными группами боснийского населения этноконфессиональные и этнокультурные — несмотря на общность языка и принадлежность к христианской религии хорватов и сербов — различия создавали,

разумеется, благоприятную питательную почву для возникновения межэтнических противоречий. Тем не менее, народы Боснии и Герцеговины сумели вплоть до последнего времени избежать кровавых междоусобиц и вооруженных конфликтов на религиозно-этнической почве. Наоборот, в ходе многовекового сосуществования три народа сумели выработать своего рода модель взаимной веротерпимости, открывшей путь культурному взаимообогащению, к своеобразному синтезу элементов трех великих мировых цивилизаций - западной латинской, представленной хорватами, православно-славянской (сербы) и мусульманской. Явление уникальное и для западной части балканского региона, где сталкивались, перекрещивались пути распространения трех мировых культур, но без той степени культурной интерференции, которая была характерна только для Боснии и Герцеговины. В этом и заключается то неповторимое своеобразие Боснии, которое выделяет эту страну из всех субрегионов обширного евразийского пространства, населенного славянами.

Ареной почти беспрерывных восстаний и беспорядков эта балканская страна стала еще в начале второй половины прошлого века. Хроническая внутренняя нестабильность обеих османских провинций носила в это время преимущественно социальный и внутривластный характер. В основе ее лежали глубокий и необратимый упадок османской системы власти, исчерпавшей потенции экономического роста, растущий гнет и обездоленность крестьян-кметов, произвол и неслыханное лихоимство местной администрации, ее быстро прогрессирующее бессилие, неспособность обеспечить безопасность имущества и подчас личной безопасности подданных султана. Внутренние боснийские неурядицы послужили поводом для вмешательства со стороны внешних сил. Начавшееся в 1875 г. очередное восстание крестьян Герцеговины благодаря вмешательству соседних Сербии и Черногории, с одной стороны, а также великих держав, в первую очередь Австро-Венгрии и России, с другой, положило начало крупному международно-политическому конфликту, известному в истории как «Восточный кризис» 1875-1878 гг. С тех пор вплоть до сегодняшнего дня почти любой боснийский конфликт почти автоматически влек за собой крупные международные осложнения. Восстание 1875 г., а вслед за тем вооруженное выступление Сербии и Черногории против Османской империи, Апрельское восстание болгар, побудили Россию вступить в войну 1877-1878 гг. Таким образом начавшийся с крестьянского восстания в Герцеговине Восточный кризис приобрел общеевропейский характер. Судьбой Боснии занялись европейские державы на Берлинском конгрессе 1878 г.

В середине 70-х годов XIX в. Большая часть Балканского полуострова находилась в полной или частичной зависимости от Османской империи. В особенно тяжелом положении находилось население Боснии и Герцеговины

и Болгарии. Обострение социально-экономических противоречий, усиление национального гнета, с одной стороны, пробуждение и развитие национального самосознания, с другой, обусловили в 1875 году мощный подъем антифеодалного движения, тесно переплетавшегося с борьбой за национальное освобождение в одной из отсталых провинций Османской империи — Боснии и Герцеговине. Восстания 1875-1878 гг. в этих землях по существу несли в себе черты буржуазно-национальной революции. В своем развитии они положили начало новому этапу Восточного кризиса — одному из крупнейших международных конфликтов второй половины XIX века.

Вместе с тем, события 1875-1878 сыграли огромную роль в развитии национального самосознания сербского, хорватского и мусульманского населения Боснии и Герцеговины. Накопленный в ходе восстания опыт имел важное значение для дальнейшей борьбы боснийцев и герцеговинцев за свои права и свободу в период австро-венгерской оккупации, а затем в составе Австро-Венгрии.

Интересы ряда европейских государств настолько тесно переплелись на Балканах, что любая попытка изменения статус-кво неизбежно вела к вмешательству извне. Из всех великих держав только Россия, несмотря на сложную международную обстановку, поддержала восставших.

В 70-е годы XIX века российская дипломатия пыталась добиться дальнейшего укрепления своих позиций на Балканском полуострове. Поддерживая национально-освободительную борьбу балканских народов, Россия рассчитывала при опоре на молодые образовавшиеся балканские государства защитить свои интересы в этом регионе и не допустить усиления здесь позиции других держав. Необходимо отметить, что поддержка национально-освободительных движений на Балканах являлась одной из характерных черт внешней политики России в XIX в. Выступления российской дипломатии в защиту требований восставших в период восстаний 1875-1878 гг. явилась одним из проявлений этого общего внешнеполитического принципа царской России.

Выдвижение Россией идеи автономии для Боснии и Герцеговины было исторически прогрессивным, ибо отвечало насущным задачам освободительной борьбы боснийцев и герцеговинцев. Предоставление автономии могло бы стать первым шагом на пути обретения национальной независимости. Российская дипломатия отстаивала свои предложения в упорном поединке с австро-венгерской дипломатией, выступая инициатором серьезных преобразований в Боснии и Герцеговине в духе требований восставших.

Россия, вынужденная в преддверии войны с Турцией отступить в переговорах с Веней по вопросу о Боснии и Герцеговине, в ходе войны добивалась широкой автономии для ряда балканских народов. Линия русской политики в вопросе Боснии и Герцеговины не была ни случайной, ни конъюнктурной. Не

интересами момента она была продиктована, а являлась важной составной частью балканской стратегии России. В «предварительных условиях мира» было зафиксировано, наряду с другими политическими изменениями на полуострове, введение автономии в Боснии и Герцеговине. Эти положения были подтверждены в Сан-Стефанским мирным договором. Россия не смогла осуществить эти планы только из-за противодействия великих держав.

Постановлением Берлинского конгресса 1878 г. мандат на оккупацию и управление османскими провинциями получила Австро-Венгрия. Так начался новый этап в истории страны, который характеризовался переходом от османско-балканской модели уклада жизни к европейскому. Одновременно резкое ускорение получили процессы нациообразования, в ходе которых формировавшиеся три нации обрели современные формы организации и партийно-политическую инфраструктуру. Развитие национального самосознания боснийских народов в конце XIX - начале XX испытывало растущее воздействие как национальных движений югославянских и неславянских народов Монархии Габсбургов, так и влияние соседних югославянских государств – Сербии и Черногории.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и российская общественность

Восточный кризис 1875-1878 гг. завершился русско-турецкой войной 1877-1878 гг., освободивший многострадальную Болгарию от многовекового турецкого ига.

«...Помощь России в освобождении Болгарии, – писал современный болгарский историк, депутат Народного собрания, проф. Андрей Пантей, – является неумолимым и незыблемым реальным фактом в болгарской истории», который сегодня в угоду конъюнктуре стремятся принизить некоторые «модернизаторы». «Россия совершила великую освободительную миссию в Европе. И в данном случае Россия оказалась в большей степени европейским государством, нежели те либеральные общества, которые с безразличием смотрели на многовековые страдания болгарского народа»¹.

Сбылись предвидения Г. Раковского, высказанные им в поэме «Горски путник»:

Север нам помощь окажет!

Братскую любовь нам покажет,

Долг священный его на это зовет.

Он нас никогда не оставит...²

Этому знаменательному событию предшествовали многолетние дипломатические усилия русского правительства путем мирных переговоров с правительством Османской империи решить вопрос балканских славян. Но великие державы, ради корыстных интересов, препятствовали стремлению России улучшить положение южных славян. Они старались сохранить военно-феодальную систему Османской империи и с пренебрежением относились к южнославянским народам Балканского полуострова, страдавшим от иноземного ига.

Жестокое подавление Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии правительством султана Абдул Гаида II не вызвало возмущения и протеста посла Великобритании в Константинополе сэра Г. Эллиота, который со всей циничностью выразил отношение правительственных кругов Англии к событиям в Болгарии. В своем письме министру иностранных дел лорду Э. Дерби он писал: «По моему мнению, так же и по мнению многих английских политических деятелей, жертвы болгар – 10 или 20 тыс. человек – обычное явление в этой полудивилизованной азиатской стране... Эти жертвы не должны быть достаточной причиной для того, чтобы мы изменили единственно правильную политику, которая одна может сохранить наши интересы»³.

В июне 1876 г. русский посол в Константинополе Н.П.Игнатьев, удрученный действиями западноевропейской дипломатии и встревоженный международным положением России, обратился с запиской к императору Александру II. В своей записке Игнатьев дал анализ политических событий на Балканах. По его мнению, Россия не должна упускать создавшуюся политическую обстановку, вызванную Восточным кризисом, для решения вопроса как о южных славянах, так и о других народах Балканского полуострова. Игнатьев был убежден в «необходимости употребить физическую силу для перемены порядка дел в Турции» и считал «если настоящая минута будет нами упущена и немедленным же введением в дело славян мы не вовлечем теперь же в общую борьбу, то нам грозит одно из самых несчастных политических положений, которого позже не искупят, может быть, целые потоки русской крови»⁴.

Встречая противодействие со стороны Порты на все свои попытки мирным путем разрешить напряженную обстановку на Балканах, Россия вынуждена была 12(24) апреля 1877 г. объявить войну Турции. Забегая вперед, хотелось бы отметить, что если накануне войны министры Абдул Гамида II отвергли любую попытку мирного соглашения, возлагая особенно надежды на Англию, правительство которой подстрекало их к обострению отношений с Россией и обещало активную помощь, то впоследствии они с сожалением и прискорбием констатировали всю пагубность своего отношения к предложениям России. Так, во время подписания перемирия 19(31) января 1878 г. в Адрианополе в ставке Главнокомандующего Дунайской армии министр иностранных дел Порты Сервер паша заметил: «И за то, что мы отказались тогда удовлетворить ваши требования, касающиеся Болгарии, не захотели отдать несколько бесплодных скал Черногории, мы вынуждены сейчас потерять безвозвратно обширные и богатые провинции и создать на наших останках новые государства у самых ворот Константинополя»⁵. В этой беседе турецкий представитель преднамеренно упустил одну существенную деталь: он не сказал, что эти земли были завоеваны турками.

Внешнеполитические аспекты русской политики на Балканах в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и национально-освободительное движение в Болгарии всколыхнули общественное мнение России и вызвали активное участие народных масс в оказании моральной и материальной поддержки южных славян. Выражая настроение российского общества И.С.Тургенев в письме кн. И. Черкасской писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства, они только и живут во мне и коли этому нельзя помочь иначе как войною – ну, так война! Зарезанные болгарские жены и дети были бы не христианской веры и не нашей крови – мое негодование против турок не было бы нисколько меньше. – Оставить это так, не

обеспечить будущность этих несчастных людей было бы позорно – и повторю, едва ли возможно без войны»⁶.

Чтение манифеста об объявлении войны, – доносил начальник Владимирского губернского жандармского управления (ГЖУ), – проходило при большом стечении народа и встречалось криками «Ура!». Сочувствие всех классов общества к войне громадное»⁷. Помощник начальника Саратовского ГЖУ писал: «В настоящем году настроение народа самое патриотическое, у всех одна цель, одна мысль, одно желание – чтобы государю удалось совершить освобождение славян»⁸. Помощник Лифляндского ГЖУ сравнивал популярность войны среди населения с Отечественной войной 1812 г.⁹.

Об отношении различных слоев населения Москвы к объявлению войны в агентурной записке в III отделение говорилось следующее: «...По настроению жителей Москвы можно с достоверностью сказать, что объявленная война с Турцией соответствует общим желаниям; во всех слоях высказывается одинаковое ей одобрение, причем в мотивах к этому заметны некоторые оттенки, а именно: в высших слоях в разговорах приводятся соображения политического свойства о необходимости сохранения нашего влияния на южных славян и о том, что если бы война была устранена, то влияние наше было бы подорвано в ущерб интересам России и к несомненной выгоде наших политических врагов; простой же народ высказывается в пользу войны в смысле справедливого наказания русским царем врагов нашей веры»¹⁰.

Демократическая интеллигенция связывала с войной надежды на преобразования в России, осуществления ряда политических уступок.

Отношение народников к факту объявления войны было сложным и противоречивым. В принципе, сочувствуя восставшим балканским славянам, некоторые из них лично участвовали в борьбе за освобождение славян. Однако русское зарубежное революционное народничество в своей периодической печати «Вперед» и «Набат» выступало против непосредственного участия народников в этой борьбе, так как это отвлечет русских социалистов от основной цели – социальной революции. Народники не могли или не хотели понять, что национально-освободительная борьба в 70-е годы на Балканах была прогрессивным явлением, так как велась против военно-феодалного государства, сковывавшего развитие производительных сил и производственных отношений. Часть народников, группировавшаяся вокруг П.Н.Ткачева и отрицательно относившаяся к войне, выступала на страницах газеты «Набат» со статьями, призывавшими использовать войну для развертывания революционного движения в России¹¹.

События на Балканах в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в., борьба южных славян против турецкого ига вызывали сочувствие у эстонского народа, «...где нарастающее национальное и демократическое движение преследовало цель свержения ига прибалтийско-немецкого дворянства, широ-

кая кампания в защиту освободительного движения балканских народов и сама борьба за их освобождение вызывали горячее одобрение и поддержку»¹².

Грузинская периодическая печать, представленная газетами «Дроеба» («Времена») и «Иверия», выражавшими общественное мнение Грузии, поддержала объявление войны, заявляя, «что грузинский народ, известный своей храбростью, проявит себя не только мужеством в бою, но и жертвованиями на нужды войны»¹³. С готовностью служить делу России и делу освобождения Южной Грузии выступило дворянство Тифлисской и Кутаисской губерний¹⁴. Политический обозреватель ежеквартального армянского литературного журнала «Порц» («Опыт»), освещая вопросы, связанные с славяно-турецкими войнами, писал относительно сербско-турецкой войны 1876 г.: «Навряд ли когда-либо имело место более национальная и народная война, чем эта. Ее цель - защитить границы Родины и освободить соплеменников и единоверцев своих кровных братьев от ига магометан»¹⁵.

Война, объявленная Турции, вызвала патриотический подъем армянского населения как в Армении так и в Грузии. В письме наместнику Кавказа, подписанном 420 чел., говорилось: «...мы, армяне, жители города Тифлиса (Тбилиси), побуждаемые чувством христианского человеколюбия, не пожелаем оставаться равнодушными к невообразимым страданиям, переносимым нашими соплеменниками и единоверцами, живущими в пределах Азиатской Турции»¹⁶.

Выходившая в Тифлисе еженедельная либеральная литературно-политическая газета «Мшак» («Труженик»), редактируемая писателем, публицистом Г. Арцруни, писала на своих страницах об ориентации на Россию, об угнетенном положении западных армян в Турции и призывала их последовать примеру балканских славян. В своих публицистических статьях Г. Арцруни выступал в защиту законных прав южнославянских народов. «Мы громко требуем и совершенно справедливым и законным считаем право славян, – писал он, – на независимость... на свободную жизнь и свободное развитие... чего желают и хотят достичь все народы, все человеческие общества»¹⁷. В статьях «Единственный выход»¹⁸, «Священная война и положение христиан в Малой Азии»¹⁹ и др. он высоко оценил начавшуюся русско-турецкую войну, которая, по его мнению, будет иметь историческое значение для судеб болгарского и армянского народов.

Сразу же после объявления манифеста о войне население России откликнулось массовыми жертвованиями на нужды армии. Почин сбора пожертвований был сделан Московской городской думой, которая 12 апреля 1877 г. на общем собрании гласных приняла решение о предоставлении на санитарные нужды армии 1 млн. руб. и устройстве госпиталя на 1000 человек. 1 млн. руб. в помощь семьям убитых и раненых пожертвовало московское купечество, жертвования были также сделаны московским земством

120 тыс. руб. и устройством госпиталя на 50 коек, от дворянства поступило 95 тыс. руб., от мещанского общества - 25 тыс. руб., от ремесленного общества - 15 тыс. руб. и госпиталь на 60 коек²⁰.

В донесении Киевского генерал-губернатора говорилось, что при проходе 25 апреля 1877 г. через Сквирский уезд Моршанского пехотного полка крестьяне Харьковской волости дали бесплатно 182 подводы для перевозки войск, а крестьяне Соболевской волости поставили 61 подводу, крестьяне Корнинской и Сокольнической волостей - 5 тыс. печеных хлебов и 10 пудов сала²¹. Мещане и крестьяне Рязанского уезда пожертвовали 5 тыс. 200 руб.²² В пользу армии крестьяне пожертвовали 63 156 пудов сухарей, 71 539 пудов ржи, 1236 пудов сена и фуража, до 20 тыс. голов крупного и 6 тыс. мелкого рогатого скота, до 6 тыс. метров холста и полотна, 10 500 полушубков²³. Киргизы Внутренней Букеевской орды пожертвовали 7 тыс. руб., 500 лошадей, 500 полушубков и несколько кибиток²⁴. Рабочие Александровского механического завода под Петербургом решили жертвовать по 1 % из жалования в пользу раненых и больных. Значительные пожертвования внесли также рабочие Путиловского, Луганского заводов фабрики С. Морозова и др. В пользу красного креста пожертвования были сделаны эстонским и латышским населением. В Эстляндской губернии среди крестьянского населения к началу ноября 1877 г. было собрано 2 840 руб. 70 коп. Для сбора средств устраивались концерты и лотереи. Газета «Ээсти постимезс» («Эстонский почтальон») печатала сведения о пожертвованиях в пользу раненых и больных²⁵. Финляндский сейм внес 37 500 руб. на нужды Красного креста²⁶. Народные массы Украины приняли активное участие в пожертвованиях на нужды армии и Красного креста. Жители г. Житомира 12 сентября 1877 г. собрали 54 110 руб. В Волынской, Екатеринославской, Киевской, Харьковской и Черниговской губерниях было собрано около 500 тыс. руб. Население Екатеринославской губернии пожертвовало в пользу армии 200 147 кг. сахара, 16 320 кг. ржаной муки, 100 голов крупного и 600 голов мелкого рогатого скота. Жители Киевской, Подольской, Волынской губерний пожертвовали в пользу армии 2 465 полушубков, 375 одеял, 261 пару валенок, 68 телогреек и 3 066 овчин²⁷.

Осенью 1877 г. крестьяне 14 волостей Режицкого уезда Витебской губернии Белоруссии пожертвовали 150 полушубков, 23 шубы, 220 овчин, 135 варежек, 250 пудов сухарей, 114 пудов муки и 600 руб. К концу 1877 г. население Витебской губернии выделило в пользу Красного креста 72 тыс. руб., а Минской губернии - более 42 тыс. руб.²⁸.

Национальные меньшинства Российской империи внесли на военные нужды армии более 444 тыс. руб., из них 31 145 руб. внесено мусульманскими народами²⁹.

Многонациональное население Тифлиса (Тбилиси) с одобрением встретило известие о войне, в церквях и синагогах молились за победу России. Среди широких слоев населения начались сборы пожертвований в пользу Красного креста. В Тифлисе и Кутаиси на гуляниях, устроенных в пользу воинов, было собрано 8 тыс. руб.³⁰ Жители небольших грузинских городов готовились к работе в госпиталях, а жители Ахалкалаки в своих домах содержали на полном обеспечении по несколько раненых и больных солдат³¹. Популярная в Закавказье русскоязычная газета «Тифлисский вестник» в день объявления войны обратилась к жителям Закавказья с призывом оказать содействие России в ее войне с Турцией. В итоге в 1877 г. было пожертвовано 600 тыс. руб.³² Народы Закавказья приняли активное участие в военных действиях на Балканском и Кавказском фронтах, на территории Армении и Грузии начали формироваться добровольческие отряды. Горские народы Кавказа непосредственно приняли участие в военных действиях, как в освобождении Болгарии, так и на Кавказском фронте. В самом начале формирования иррегулярных частей правительством было объявлено, что они создавались на добровольных началах³³. Число добровольцев превзошло все ожидания командования и администрации. В июле 1877 г. командующий Действующим корпусом на Кавказском фронте генерал-адъютант, граф М.Т. Лорис-Меликов писал Главнокомандующему Кавказской армией в.к. Михаилу Николаевичу о большом желании местного населения принять участие в боевых действиях³⁵.

Помимо пожертвований деньгами и вещами были широко распространены такие формы помощи, как: безвозмездная перевозка призывников и помощь семьям солдат, обработка их земель и выплата за них выкупных платежей. Организацией сбора пожертвований занимались Славянские комитеты. К концу 1877 г. на нужды красного креста поступило около 10 млн. руб. Русская общественность в лице Славянских комитетов оказывала материальную помощь болгарским беженцам в Румынии. Впоследствии, по мере освобождения Болгарии, уполномоченный Санкт-Петербургского славянского комитета А.А. Нарышкин организовывал приюты для сирот и отправку осиротевших детей в Россию³⁶.

26 апреля 1877 г. Санкт-Петербургский славянский комитет обратился к русскому народу с речью о задачах славянских комитетов по отношению к болгарскому населению в связи с началом войны. «...Как скоро православным русским воином, – говорилось в обращении, – положен будет конец варварским действиям турок над нашими братьями, всему русскому обществу предстанет другая не менее святая задача – воскресить разоренную страну для новой самостоятельной жизни, залечить, хотя отчасти тяжелые язвы многовекового турецкого владычества и последнего турецкого погрома»³⁷. Имелось ввиду Апрельское восстание 1876 г.

О злосчастной судьбе братского болгарского народа с болью писал поэт М.Стахович:

Пострадало много наших братьев,
Однокровных с нами, соплеменных,
Все славяне бедствуют и гибнут,
Речью русской Бога призывая,
От болгар дунайских, наших братьев,
Мы приняли и язык церковный,
И писанья древняя, и книги.
А теперь у них и церкви запирают,
Запрещают языком славянским
Отправлять служенье, славить Бога.

Возросший интерес к судьбам южных славян накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг. усилился в период войны в результате непосредственного участия российских войск в освобождении Болгарии. Русскую общественность интересовали вопросы, связанные с историей, этнографией, культурой и литературой югославянских народов. Не менее важным был вопрос об исторических взаимоотношениях России и южных славян. Журнальные и газетные статьи, посвященные обзору предыдущих русско-турецких войн, подчеркивали, что, несмотря на все препятствия западноевропейской дипломатии при освобождении славян, румын и греков, результаты очевидны: политическое возрождение Молдавии, Валахии, Сербии и Греции, литературное возрождение Болгарии, несмотря на то, что о ней в трактатах специально не упоминалось.

Передовые деятели русской интеллигенции в своих выступлениях в печати неоднократно обращали внимание правительства на то, что для определения отношения к славянским народам и союзу с ними мы должны относиться с уважением к каждой славянской народности, только на почве полной равноправности, свободы, строгого отношения к себе мы достигнем сближения с ними.

Российская общественность проявляла неослабевающий интерес к военным действиям. Так, помощник начальник Витебского ГЖУ писал: «что сочувствие всего общества... настолько велико к настоящей войне, что не представляется возможным желать что-либо более в этом отношении.»³⁸. Интерес эстонского народа к событиям на Балканах наряду с моральной поддержкой борьбы южных славян усилился в период войны в связи с непосредственным участием эстонцев на театре военных действий. На страницах газеты «Ээсти постимезс» («Эстонский почталъон») печатались статьи о событиях на фронте. В газете была отведена специальная рубрика под названием «Военная газета», где кроме сообщений о боевых действиях под Плевной и на Шипке, печатались очерки по истории Болгарии, о ее городах

и древней столице Тырново³⁹. Армянская периодическая печать внимательно следила за развитием военных действий на обоих фронтах и сообщала о победе русского оружия. Падение Плевны вызвало радость армянское общественности. Газеты различных направлений писали о ликовании среди армян, а выдающийся армянский писатель Рафаэл Паткянян написал повесть, посвященную падению Плевны.

Наряду со сводками военных действий в русской периодической печати регулярно появлялись статьи, рецензии, заметки и сообщения о работах русских и иностранных ученых об историческом прошлом Болгарии. О выходе в свет автобиографии молодой болгарской учительницы Раины Георгиевой, прозванной турками «болгарской королевой», изготовившей знамя для участников Апрельского восстания 1876 г., сообщала газета «Гражданин», и призывала читателей «оказать несчастной девушке нужную поддержку посредством быстрой покупки ее занимательного жизнеописания»⁴⁰. Признавая интерес общества к истории Болгарии и других южнославянских народов «СПб. ведомости» дают обширный список литературы, где упоминаются работы П.М.Шафарика «Славянские древности», А.Ф.Гильфердинга «Письма об истории сербов и болгар», Л. Каравелова «Рассказы из болгарской жизни», сочинения М. Дринова, Н. Палаузова и др.⁴¹ На страницах еженедельного журнала «Славянский мир» печатались отдельные главы повести Л.Каравелова «Из записок болгарина», вызвавшие особый интерес читателей к забalkanской Болгарии, посещение которой было чревато опасностью для жизни европейских путешественников и менее известных европейскому читателю. Легальная газета «Неделя» – орган либерального народничества – считала замечательным научным событием издание в России книги известного чешского ученого-слависта К. Иречека «История болгар». Она писала «Наконец появилось и на русском языке замечательное произведение одного из лучших знатоков славянства вообще и болгарского в особенности»⁴².

Отношение консервативно-монархических кругов царской России к формированию болгарского ополчения было сформулировано «Московскими ведомостями». В принципе, не возражая против формирования болгарского ополчения, они боялись революционизирующего влияния на русских солдат-ополченцев, состоявших в большинстве из болгарских повстанцев, участников болгарских легионов Г. Раковского, Апрельского восстания в Болгарии и сербско-турецкой войны 1876г.⁴³. «С.-Петербургские ведомости» высказывались более осторожно и не комментировали решение главного командования «не допускать в кругах своих действий никаких частных партизанских частей и отрядов»⁴⁴, но подчеркивали, что в связи с огромным приливом добровольцев правительство решило сформировать болгарское ополчение. Через неделю газета вновь возвратилась к этому вопросу с критическими замечаниями по поводу упущенных возможностей и ошибок,

допущенных в прежних войнах. В частности, «С.-Петербургские ведомости» считали, что славянские народы Балканского полуострова должны «сосредоточиться около русских войск» для достижения своего освобождения»⁴⁵.

По мнению газеты, формирование болгарского ополчения послужит залогом будущей независимости Болгарии. Выражая сожаление по поводу печального исхода Крымской войны, газета считала, что одна из причин поражения заключалась в отсутствии желания русского командования использовать народное движение на Балканах. Одновременно она высказывала свое соображение, что создание армии из представителей славянских народов способствовало бы укреплению тыла русской армии, действующей на Балканском полуострове. Вопрос создания чет (партизанских отрядов) интересовал и лиц, не являвшихся непосредственными участниками военных действий. В этом отношении заслуживает внимания письмо члена С.-Петербургского славянского комитета графа П.А.Голенищева-Кутузова председателю С.-Петербургского комитета князю А.И.Васильчикову. Являясь представителем комитета в Болгарии, П.А.Голенищев-Кутузов 29 сентября 1877 г. из Систова посылает письмо А.И.Васильчикову, в котором, наряду с описанием деятельности комитета, излагает свои соображения относительно организации болгарских чет. По его словам, по этому вопросу им была написана статья и переведена для опубликования в болгарской газете. Насколько серьезно было стремление Голенищева-Кутузова заняться вопросом организации чет и как энергично он взялся за это дело, свидетельствует его желание сделать предметом обсуждения в Московском и С.-Петербургском славянских комитетах вопроса о создании болгарских партизанских отрядов. Он надеялся при прибытии императорской ставки в Систово постараться «выяснить этот вопрос у военного министра или у Игнатьева...», по мнению Голенищева-Кутузова, «от правительства было бы нужно прежде всего допущение *en principe* таких отрядов, затем обещание снабжать отряды оружием и снарядами. Все остальное могло бы быть принято на себя болгарскими и русскими комитетами»⁴⁶.

Таким образом, как мы видим, вопросами формирования чет занимались люди, считавшиеся с реальной действительностью и понимавшие необходимость воспользоваться помощью народа, желавшего оказать содействие русской армии в освобождении своей родины.

Учитывая прошлые ошибки и упущенные возможности русского командования, боявшегося организации чет из местного населения для ведения партизанской войны, полковники генерального штаба Н.А.Артамонов и П.Д.Паренсов, в период войны занимавшиеся организацией разведки на Дунайском фронте, полковник генерального штаба, военный писатель Г.И.Бобриков, состоявший при главнокомандующем Дунайской армией и дипломат М.А.Хитрово, начальник дипломатической канцелярии при глав-

нокомандующем, а также и некоторые другие либерально настроенные представители их класса сумели преодолеть страх и стать в данном вопросе выше узких интересов своей социальной среды во имя достижения столь долгожданной победы.

В этой связи представляет интерес статья в «С.-Петербургских ведомостях» от 15 июня 1877 г. неизвестного автора, подробно остановившегося на помощи болгарского народа русским войскам в предшествующие русско-турецкие войны и возлагавшего надежды, что сформированное болгарское ополчение сможет «поднять и остальное, доселе дремавшее болгарское население против своих угнетателей»

Вот, например, что писал в либеральной газете «Северный вестник» под псевдонимом «Санитар» В.М.Бехтерев, впоследствии выдающийся русский ученый-невропатолог: после одного из очередных набегов шайки башибузуков на болгарские села в районе г. Тырново болгары «собрали городской совет из 150 человек», чтобы принять меры по предотвращению подобных опасностей. В результате обсуждения было принято решение «об усилении набора болгарской «вольницы». Автор был очевидцем одной такой «вольницы», когда колонна болгар, состоявшая из 300 человек молодежи, «с восторженными лицами проходила по городу с песней «Шумит Марица окрававленна» и остановилась у дома полиции для получения оружия. Губернатор Тырново поблагодарил болгар «за принятие с их стороны активного участия в деле освобождения своей родины» и обещал в самый кратчайший срок выдать оружие⁴⁷.

Полемизируя в прессе о болгарском ополчении, часть консервативной печати в начале формирования ополченцев сомневалась в боеспособности болгарских добровольцев. Впоследствии, в период войны, начальник болгарского ополчения генерал Н.Г.Столетов в письме председателю Московского славянского комитета И.С.Аксакову, опубликованному в «Московских ведомостях» по просьбе последнего, писал: «Трехмесячная и славная боевая служба болгарского ополчения и доблестная битва 19 июля при Ески Загре и Железнике доказали, что многострадальный болгарский народ не только имеет право на свободу, но и достоин ее. Не напрасны были бескорыстные жертвы, принесенные русским братским народом, они пали семенами добра на болгарскую почву. Словом, более блистательного участия только что сформированного болгарского ополчения в настоящей войне быть не могло и не может»⁴⁸. Газеты, наряду с описанием героизма русских солдат, так характеризовали ополченцев: «Болгары превзошли все ожидания», «Честь и слава им». «Дружины болгар под начальством ген.Гурко дрались львами».

* Иррегулярные турецкие войска, состоявшие из местного населения и уголовных элементов.

Предельно ясно проявила свое отношение к борьбе балканских славян консервативная газета «Новое время». На ее страницах 23 декабря 1877 г. под псевдонимом «Дипломат» выступил член Государственного совета, бывший посланник в Константинополе (1840 - 1858) В.П.Титов. В своей статье он писал, что царское правительство не стремится к территориальным захватам, а ставит своей целью создание дружественных славянских государств, которые бы «не боялись» России, смотрели на нее как на свою опору и сами всегда и во всем готовы были бы поддержать ее. Россия тогда сделалась бы неуязвима и мы спокойно могли бы заниматься нашими внутренними делами, не опасаясь никаких политических комбинаций и переворотов в Западной Европе. Борьба за освобождение южных славян из-под многовекового иноземного гнета, по мнению либеральной печати, будет способствовать авторитету России не только среди славянских народов. Война, писали 8 мая 1877 г. «Современные известия», произведет «в умах Европы революцию в нашу пользу» и Россия приобретет «симпатии всего, что есть в мире жизненного, деятельного, либерального; мы сделаемся великой нацией освободителей, а не жадными до приобретений варварами».

По вопросу о будущем болгарского государства в либеральной прессе не было единого мнения. «Северный вестник» считал, что без согласия европейских держав нельзя будет решать дальнейшую судьбу Болгарии. «Голос» выступал с противоположной точки зрения и не допускал вмешательства западноевропейских государств во внутренние дела Болгарии. «Свобода, завоеванная исключительно русским оружием, — отмечала газета, — не может сделаться предметом обсуждения европейской конференции, так как «освобождение не затрагивает никаких общеевропейских интересов»⁴⁹. По данному вопросу взгляды консервативного «Русского мира» и либерального «Голоса» совпадали. Россия, считал «Голос», может оградить безопасность освобожденной Болгарии и предоставить в ее распоряжение снаряжение для формирования армии, способной охранять спокойствие и добытые уже права»⁵⁰.

Выступая в поддержку славянских народов Балканского полуострова, демократическая печать в лице «Отечественных записок», высказывалась за самую радикальную помощь восставшим, считая, что «война за освобождение славян от турецкого ига будет в полном смысле народной войной в России»⁵¹. Выражая взгляды демократических кругов России на будущее освобожденных балканских славян, «Отечественные записки» решительно отвергали всякие экспансионистские намерения любого государства, их программа сводилась к созданию независимых государств без всяких так называемых западноевропейских держав, которые могли воспользоваться поражением Турции и установить свой протекторат или опеку. Выступая за полное невмешательство во внутренние дела вновь возрождаемых славянских государств, «Дело» подчеркивало, что, как только будет свергнуто ту-

рецкое иго над славянскими народами, русское правительство должно предоставить им полную свободу во внутреннем устройстве согласно их собственной воле и желанию⁶¹.

В заключение можно констатировать, что существенную роль в ознакомлении широких слоев российской общественности с историческим прошлым болгарского народа, непосредственным участием болгар в освобождении своей родины, с различными направлениями, выражавшими интересы определенных общественно-политических кругов России на цели и задачи войны, принадлежали русской периодической печати времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Примечания

- ¹ Пантев А. Велика Освободителна война. // Български хоризонти. Кишинев, 2002, № 2, с.3,4.
- ² Раковски Г.С. Горски пътник. София, 1946. С.120.
- ³ Seton Watson R.W. Disraeli, Gladston and the Estem question. New York. 1962, p.331.
- ⁴ Улунян А.А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М.,1978. С.99-101.
- ⁵ Улунян А.А. Из истории национально-освободительной борьбы болгарского народа в период русско-турецкой войны (1877-1878) // Известия на Института за история. София, 1964.Т.14-15.С.37.
- ⁶ Тургенев И.С. Полн.собр.соч. и писем. М.-Л. 1966. Т. XI. С.349.
- ⁷ Хевролина В.М. Об отношении русского общества к войне и освобождению Болгарии от турецкого ига (Документальные материалы ЦГАОР) //Краткие сообщения Института славяноведения. 1964. № 40. С.41.
- ⁸ Там же.С.40,41.
- ⁹ Там же. С.40, 41
- ¹⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. документов. М.,1964. Т.2. С.47,48.
- ¹¹ Набат. 1877.№3-6.С.5.
- ¹² Бойнов В. Участие воинов-эстонцев в русско-турецкой войне 1877-1878 годов // Сб.ст. К столетию русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Под ред.акад. В.Маамяги. Таллин, 1977. С.79.
- ¹³ Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Батуми, 1955. С.39, 40.
- ¹⁴ Там же. С. 41.
- ¹⁵ Порц. 1876. №2. С.439.
- ¹⁶ Мегрелидзе Ш.В. Указ. соч. С.41.
- ¹⁷ Мшак. IX.1876.
- ¹⁸ Мшак. VI.1877.
- ¹⁹ Мшак. 18.VII.1877.
- ²⁰ Освобождение Болгарии... Т.2. С.52.
- ²¹ Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М.,1978. С.117.
- ²² Освобождение Болгарии... Т.2. С.79.
- ²³ Яковлев Н.А. Народная помощь в борьбе за освобождение балканских славян в 1877-1878 гг. // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев. 1963. Вып. 41. С.382.
- ²⁴ Хевролина В.М. Указ. соч. С.42, 43.

- ²⁵ Бойков В. Указ. соч. С.51.
- ²⁶ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878. Сб. документов. М., 1978. С.313.
- ²⁷ Сохан П.С. Очерци по история на украинско-българските връзки. София. 1979. С. 109-111.
- ²⁸ Хевролина В.М. Указ.соч. С. 42; Мельцер Д.Б. Априлското въстание 1876 и белоруската общественост // Българското възраждане и Русия. София. 1981. С.90.
- ²⁹ Яковлев Н.Н. Документы ЦГИА СССР о народной помощи во время войны за освобождение Болгарии от османского ига // Советские архивы. 1978. № 4. С. 392.
- ³⁰ Кавказ. 12.V.1877; Тифлисский вестник. 3.V I.1877.
- ³¹ Мегрелидзе Ш.В. Указ. соч. С.42.
- ³² Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Тбилиси. 1972. С.93-94.
- ³³ Муталибов Т. Х-Б. В одном строю. Грозный. 1978. С.39.
- ³⁴ Там же, С.42.
- ³⁵ Освобождение Болгарии... Т.2, С.228-229, 262-263.
- ³⁶ Освобождение Болгарии... Т.2, С.54.
- ³⁷ Освобождение Болгарии... Т.2, С. 398
- ³⁸ Бойнов В. Участие воинов-эстонцев в русско-турецкой войне 1877-1878 годов // Сб.ст. К столетию русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Под ред акад. В.Маамяги. Таллин, 1977. С.89.
- ³⁹ Гражданин 15 IX 1876 г.
- ⁴⁰ СПб Ведомости. 10 VIII 1876 г.
- ⁴¹ Неделя 12 VII 1876 г.
- ⁴² Московские ведомости 14 VI 1877 г.
- ⁴³ СПб Ведомости 12 VI 1877 г.
- ⁴⁴ СПб Ведомости 19 VI 1877 г.
- ⁴⁵ Улуния А.А. Участие болгарского народа в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. //Славянское возрождение. М. 1966. С.229.
- ⁴⁶ Северный вестник 25 IX 1877 г.
- ⁴⁷ Московские ведомости 19 X 1877 г.
- ⁴⁸ Голос 24 IX 1977
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Отечественные записки 20 X 1877
- ⁵¹ Дело 17 XI 1877
- ⁵²

Болгарские вооруженные отряды в русско-турецких войнах XIX в.

Участью болгарских патриотов в русско-турецких войнах XIX в. посвящено не одно исследование таких видных российских и болгарских историков, как В.Д. Конобеева, Ак.А. Улуныяна, А. Анчева, Й. Митева, Г. Вылкова и других. В них проанализирован массив архивных документов, воспоминаний участников походов и представлена яркая картина участия в боевых действиях болгарских вооруженных отрядов. Работа, проделанная учеными по каждой из четырех русско-турецких войн XIX столетия, позволяет рассмотреть динамику участия в них болгарских добровольцев и проследить изменение роли и места болгарских вооруженных отрядов в событиях того времени.

Начало затяжной русско-турецкой войны 1806-1812 гг. связано с военными действиями русской армии против Наполеона в Восточной Пруссии. Постоянная угроза с запада, сковавшая главные силы России, не позволила ей держать многочисленную армию на дунайском театре военных действий. Небольшая 35-тысячная Молдавская армия в середине ноября 1806 г. заняла Бесарабию, Молдавию, Валахию, не овладев с ходу только крепостями Измаил и Браилов. Главнокомандующий генерал И.И. Михельсон, желая упрочить положение своей армии, в течение зимы 1806-1807 гг. стал приглашать на службу запорожцев, некрасовцев, ранее принявших подданство Османской империи, обещая по окончании войны поселить их в России и предоставить им различные «выгоды». Главнокомандующий Молдавской армией также посчитал целесообразным по примеру прежних походов в Турцию «набирать арнаутов из христиан Османской империи, у которых назрело желание освободиться от турок». Во главе их он предложил поставить «начальника одного с ними происхождения, назначив пешему воину 100 руб. и конному 200 руб. платы» за вооружение. С мнением Михельсона вполне согласился Александр I. К тому же некоторые выходы из балканских владений Османской империи, перешедшие на русскую службу, просили у русского командования разрешение на формирование особых отрядов из наемников (волонтеров) из числа болгар, греков, сербов и других, переселившихся в Россию и Дунайские княжества. Дореволюционный военный историк А.И. Михайловский-Данилевский сообщал, что в двух первых походах воины из волонтеров и арнаутов составили 3 конных и 3 пеших полка, по 600 человек в каждом. Господарь князь Ипсиланти образовал батальон в 1000 человек. Кропотливая работа советских историков в архивах позволила вы-

явить имена многих выходцев из Болгарии, участвовавших в сражениях русской армии. Из многих вооруженных отрядов, сформированных в начале 1807 г., достойны упоминания отряд ротмистра Никитича в 975 всадников, арнаутская команда ротмистра Шейновича и прапорщика Галацана до 300 всадников и 100 пеших, сражавшихся вместе с русскими войсками на территории княжеств. Из рапорта М.И. Кутузова мы узнаем о доблести отставного Уланского Его Императорского Высочества Константина Павловича полка ротмистра Никитича, который был по просьбе князя Ипсиланти отправлен к нему министром иностранных дел Будбергом в Валахию, где «сформировал казачий полк, несколько арнаутов и пандур, содержа оными аванпосты по берегу Дуная от Зимницы до Турнова и далее, был с ними в сражении в 1807 г. под Журжею и под Обилештами под командою генерала Милорадовича с отличием»¹. Их мужество и отвага бесспорны, но хорошо также было известно, что «все сии войска были ненадежны, предавались грабежу, худо подчинялись. Желая извлечь из них возможную пользу, приказано употреблять их не иначе, как с половинным числом казаков»². Ярким примером, подтверждающим такую жесткую оценку волонтеров, служит отряд под командованием грека Н. Пангалоса, который обязался было набрать до 3-х тыс. человек. В историографии прежних лет отмечалось, что его отряд пестрый по своему национальному составу, но ядро которого составляли болгары из Македонии, насчитывал 567 человек. Он участвовал в осаде Браилова и затем был направлен в Сербию³. Однако действительность была несколько иная. Так, 22 июня 1807 г. Михельсон писал: «Чтоб у Пангала было 2500 человек, я весьма сомневаюсь, и в половине сего числа ибо оных нигде не видать было. В недавнем времени человек до 700 сблизилсь к генерал-майору Мичурину. Много, - пишет генерал-лейтенант Милорадович, грабят по деревням, многие не вооружены, хотя и отпущено от меня, исключая двукратного отпуска сабель, более 600 ружей. Призвать его людей в Букорест для дальнейшей отправки»⁴. В конце 1807 г. «греческий корпус», наспех набранный из случайных людей, распался. Н. Пангалосу, признанному виновным в развале отряда и его грабежах, запретили в дальнейшем организовывать волонтерские формирования. После подписания между Россией и Турцией Слободзейского перемирия новый главнокомандующий князь А.А. Прозоровский распустил иррегулярные вооруженные отряды. Некоторые из них были отправлены в Сербию, в частности, с этой целью болгарину Пиналову было позволено в начале 1808 г. набрать в Валахии до 500 вооруженных болгар и сербов.

В 1809 г. при возобновлении военных действий русская армия овладела Измаилом и, переправившись на правый берег Дуная, где проживали болгары, осадила Силистрию. Главнокомандующий Дунайской армией П.И. Багратион, назначенный после смерти генерала-фельдмаршала Прозо-

ровского, обратил особое внимание на установление мирных отношений с болгарскими, о чем свидетельствуют его приказы по армии. Из-за недостатка боеприпасов и распространения болезней в личном составе осады Силистрии была снята. «Главный мой неприятель не турки, но климат здешний... Болезни до такой степени свирепствуют, ... что немалое число батальонов имеет едва комплектную роту...»⁵, - докладывал Багратион императору. На зимнее время в связи с трудностями снабжения русская армия была выведена с правого берега Дуная, за ней последовали около 13 тысяч болгар, в переселении которых огромную помощь оказала русская армия. В разрабатываемом Багратионом плане летней кампании турецкая армия должна была быть повержена на территории Болгарии, поэтому вопросы взаимоотношений русской армии с болгарским населением рассматривались им с особым тщанием. Багратион предупреждал, что обиды и всякое разорение, заставят болгар стать непримиримыми врагами русской армии, что лишит ее «способов к продовольствию» и «причинит нам более вреда, нежели вдвое сильнейшая армия турецкая». Главнокомандующий не исключал возможности того, что Болгария, будучи «весьма населена, ... без всякого затруднения может поставить 35 тыс. человек весьма хорошо вооруженных и к войне приобывших войск». Но зимой 1810 г. он строго запретил возбуждать болгар к «поднятию оружия противу турок», а чрез посредничество старейшин и особенно чрез священников «увещевать их оставаться спокойными в их жилищах, обрабатывать их поля, пещись об их хозяйстве и доставлять войскам российским те пособия, в которых они могут иметь надобность»⁶. Тогда же начались были переговоры с представителями болгарской эмиграции и видным деятелем болгарского возрождения Софронием Врачанским о целесообразности привлечения болгарского населения к борьбе с турками⁷. В распространяемых в следующую кампанию воззваниях к болгарскому народу нет призывов к восстанию против турок, только содержится совет принимать русских как братьев, не отказывать им в поставке продовольствия и фуража, за которые будет заплачено сполна.

П.И. Багратион вскоре был отозван из Молдавской армии, его место занял молодой генерал граф Н.М. Каменский, успешно закончивший Финляндскую войну 1808-1809 гг. От нового главнокомандующего ждали быстрого завершения войны, русская армия насчитывала до 80 тысяч солдат. Она форсировала Дунай и овладела Туртукаем, Базарджиком и Силистрией, однако взять крепости Шумлу и Русчук не смогла, не хватило сил. Появление русских войск в Болгарии привело в движение ее жителей, объединявшихся в небольшие отряды, и действовавших, как правило, в районе своих сел. Отдельные небольшие отряды вооруженных болгар сражались вместе с русскими частями под Силистрой, Тутраканом, Базарджиком, Русчуком. В зимний период боевые действия вновь прекратились. В зимний период бое-

вые действия вновь прекратились. Вместе с русской армией отошли и болгары, которым предложили переселяться в Россию и в Валахию. Поскольку по условиям Тильзитского и Эрфуртского соглашений Россия обязывалась не расширять своих владений далее левого берега Дуная, то и не ставился вопрос о возможном освобождении Болгарии, речь шла только об условиях переселения в южные области России. Кампания 1810 г., несмотря на достигнутые значительные успехи, не сделала Высокую Порту более сговорчивой.

А между тем международная обстановка требовала незамедлительного подписания мира с Турцией. Новый главнокомандующий Дунайской армией генерал М.И. Голенищев-Кутузов, назначенный вместо умершего Каменского, имел в своем распоряжении только 4 дивизии (46 тыс. человек), остальная часть армии была отведена за Днестр. Изменила тактику ведения войны Порта: от 5-летних оборонительных действий она решила перейти в наступление и непременно отвоевать Бесарабию, Молдавию и Валахию. Кутузов отказался от растянутой, кордонной системы построения армии и собрал последнюю в кулак, чтобы действовать в решающем направлении⁸. Перенесение театра военных действий на левый берег Дуная влекло за собой массовые переселения болгар. Рост числа беженцев, меры, предпринятые Кутузовым для облегчения их положения (освобождение на 3 года от всех податей и повинностей) предопределили и успех создания отрядов из болгарских добровольцев. 6 мая 1811 г. главнокомандующий доносил: «Зная качества сего народа, твердого к опасностям и лишениям приобывкшего, ожидаю от них лучшей пользы, как от пандур, составленных большею частью из бродяг. Посему поручил я генерал-майору Турчанинову, командующему в Турно войсками, таковых болгар, ... всех переписать и разделить на сотни под названием болгарской команды, учредить порядок сообразной жизни и обыкновениям их и позволить им между собой назначить чиновников со званием по их желанию, а вооружить из турецкого оружия, хранящегося в ведомстве генерал-майора Турчанинова, в том числе боевые патроны выдать. Во время нахождения болгар сих на службе назначено производить им жалование и сверх того имеющим быть в нижних званиях и простым булгарам – порционные деньги на крупу, мясо и соль и им же солдатскую дачу провианта»⁹. 19 мая Кутузову было предложено представить сведения о стоимости содержания болгарской команды: «может ли ожидаемая от услуг их польза соответствовать издержкам, кои на них употребить должно будет». Вопрос был задан не спроста. «В 1806 г. князь Ипсиланти обещал выставить до 20 тыс. пеших и конных, издержал большие суммы и не выставил более 5 тыс. человек, а в сражении мы никогда не видали 2 тыс. человек»¹⁰, - вспоминал князь И.Ф. Паскевич. Тем временем болгары, переселившиеся на левый берег Дуная, нуждались в защите своего имущества и в обеспечении

покою своих селений от внезапных набегов турок. Они сами решили организовать свое земское войско. Каждые 5 семейств выделяли в него по одному человеку и обязывались его содержать. Составление такового Земского войска Кутузов возложил на генерал-лейтенанта П.К. Эссена. Предполагалось, что численность его должна была возрасти до тысячи человек. Вооружить его бойцов приказано турецкими ружьями, найденными в крепостях, снабдить и патронами. Если войско это будет удалено от жилищ своих, то тогда следовало отпускать ему провиант, - докладывал Кутузов М.Б. Барклаю де Толли 31 июля 1811 г.¹¹.

В Дунайскую армию после излечения ран, полученных в Сербии, возвратился ротмистр Никитич, представленный к награждению за предыдущие кампании орденом Св. Владимира 4 степени с бантом и золотою саблею. В 1810 г. сформированный им казачий полк, названный Сербским, с отличием действовал в Сербии. Главнокомандующий поручил именно Никитичу сформировать болгарскую кавалерию, т.к. «по знанию им языка, характера болгары охотнее окажут ему доверенность». В отношении от 11 июня 1811 г. Кутузов испрашивал чин поручика некому Ватикиоти за неоднократно оказываемые подвиги храбрости и за взятие в плен 2 турок. Его команде в 30 отважных болгар главнокомандующий велел выдать в поощрение по 2 червонца каждому. В сентябре за участие в поиске и захвате 30 турок поручику Димитру Ватикиоти, части вверенной ему болгарской команды и казакам Уральского полка была объявлена благодарность¹².

Идея о болгарском земском войске была столь распространена и популярна, что в июне 1811 г. и Димитр Ватикиоти со своей стороны также обратился к Кутузову чрез посредничество генерал-майора Инзова сформировать Болгарское земское войско. В.Д. Конобеев по архивным документам воссоздал организацию Болгарского земского войска. Оно строилось на строго добровольной основе и объединило как отряды, действовавшие в Болгарии 1810 г. и отошедшие вместе с русской армией, так и отряды, вновь создаваемые болгарской эмиграцией в Дунайских княжествах. Впрочем, не все болгарские отряды пожелали войти в состав Болгарского земского войска и подчиниться Ватикиоти. В войско вступило 500 человек, затем численность его возросла до 2 тысяч. Вначале болгарским ополченцам пропитание обеспечивали болгарские селяне, впоследствии они были поставлены на довольствие и постой, получали жалование. Болгарское земское войско подчинялось русскому командованию непосредственно генерал-майору Гамперу, но командиров десятков и сотен, на которые оно подразделялось, избирали сами ополченцы. Русское командование весьма бережно отнеслось к национальному чувству воинов-добровольцев, сохранив, как совершенно верно отмечали исследователи, определенный колорит и традиции гайдуцких чет. С момента своего создания Болгарское земское войско планирова-

лось как иррегулярное, и на зимнее время предусматривалось отпускать добровольцев по домам и соответственно снимать с довольствия. Им была поручена охрана левого берега Дуная от вторжения турок. Болгарским волонтерам довелось участвовать в различных совместных с русской армией операциях: в разведке, обеспечении переправы через Дунай, в боях под Тутраканом, Никополем, Силистрией, Видином. Кутузов высоко оценил боевые качества Болгарского земского войска. Его командир поручик Димитр Ватикиоти был награжден за храбрость золотой саблей¹³.

Затягивание Портой, которую поддерживала Франция, подписание мирного договора и приток в Дунайскую армию новых добровольцев предопределили решение Кутузова вооружить еще тысячу болгар. После Бухарестского мира новый главнокомандующий адмирал Чичагов в конце мая 1812 г. распустил Болгарское земское войско, воины которого вместе со своими семьями переселились почти все в Бесарабию, отошедшую к России. Россия стояла на пороге новых испытаний и блестящих побед.

Вероятно, нужно с большой осторожностью говорить о болгарских вооруженных отрядах в первые годы русско-турецкой войны 1806-1812 гг., поскольку «арнаутские» отряды были многонациональны, составлены зачастую из бродяг, плохо обучены и не дисциплинированы. Только массовые переселения болгар создали базу для появления действительно болгарских вооруженных отрядов, частью вошедших в Болгарское земское войско.

События в Греции 1821 г. всколыхнули всю общественность России. С этого времени в русском Главном штабе стали разрабатываться планы новой войны с Османской империей, в которых много внимания уделялось непосредственному участию болгарских добровольцев. Но в окончательном варианте операционного плана И.И. Дибича привлечение болгар решительно отклонялось. Николай I в специальном рескрипте подчеркивал, что необходимо «сохранять спокойствие» на занимаемых русской армией территориях, что было продиктовано опасением коалиционной войны. С одной стороны, Австрия стягивала свои войска к границам России, с другой, Англия грозила вмешаться в конфликт на стороне Турции, если Россия вызовет «общее восстание всех турецких христиан». Это также предопределило и выбор операционного направления движения русской армии, которое лежало в стороне от Сербии и Черногории и почти исключало возможность вовлечения в борьбу болгар. Наступление шло через пустынную Добруджу, не располагавшую продовольственными ресурсами, Малые Балканы, не удобные для военных действий, к Адрианополю, в районе четырехугольника крепостей, который турки считали неприступным¹⁴. Эта местность была населена мусульманами, враждебно настроенными к русским. К тому же Турция предприняла ряд мер к предотвращению любой помощи болгар русской армии. В прокламации от 8 декабря 1827 г. султан предупреждал своих право-

верных подданных, что войной с Россией воспользуются христиане, чтобы «сокрушить до основания Оттоманскую империю». Задолго до войны турецкие власти изъяли у болгар оружие, закрыли все частные предприятия по изготовлению пороха. Таким образом, обстоятельства войны 1828-1829 гг. в целом сложились весьма неблагоприятно для широкого развертывания формирований болгарских добровольцев.

Появление русских войск в Дунайских княжествах привело в движение болгарскую эмиграцию, которая стала решительно настаивать на восстановлении Болгарского земского войска, что в тех условиях расценивалось как нежелательное деяние. И, тем не менее, русское командование разрешило отдельным болгарским добровольцам вступать в 4-ю Уланскую дивизию при условии, что с окончанием войны они вернутся к прежним занятиям. Капитан русской армии Георгий Мамарчев и капитан Панайот Фокиано организовали отряд, очень пестрый по своему национальному составу: болгары, влахи, молдаване, греки, сербы, албанцы. Всего около 275 человек. Помощь отряда в нескольких разведывательных операциях, при переправе через Дунай русских войск в районе Силистры и самое участие в сражении с турецким гарнизоном были столь существенны, что первоначальное недоумение и даже возмущение главнокомандующего русской армией фельдмаршала графа П.Х. Витгенштейна от донесений генерала Л. Рота о болгарском отряде сменилось вопреки инструкциям на позволение остаться болгарам при русском войске. Фельдмаршал Витгенштейн просил генерала Рота представить свои соображения на предмет создания болгарского ополчения. Впоследствии отряд разделился на два: под командованием Панайота Фокиано состояли главным образом конные воины, которые вместе с казаками охраняли левый берег Дуная от вторжений турок. Отряд Мамарчева действовал на Дунае. За храбрость Панайот Фокиано был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с лентой, Георгий Мамарчев - орденом Св. Анны 3 степени. Стали создаваться и другие отряды. Всего в 1828 г. участвовало приблизительно 550 добровольцев¹⁵.

Неудачи и трудности кампании 1828 г., болезни, которые сокращали численность русской армии действенной, чем сражения с турками, заставили русское командование составить новый операционный план и частично пересмотреть отношение к болгарским волонтерам. Полковник И.И. Липранди, стремясь использовать опыт Отечественной войны 1812 г., ратовал за создание из болгар партизанского корпуса. Впрочем, Липранди удалось лишь объединить под своим командованием часть уже возникших добровольческих отрядов. В дислокации 2 армии в октябре 1829 г. отмечены при Силистрии и Туртукае «партии сербов и волонтеров полковника Липранди», но не указана их численность. Больше других отрядов волонтеров при русской армии на правом берегу Дуная не обозначено, хотя по Малой Валахии четко даны расположение и количество

батальонов пандуров, пеших волонтеров капитана Алекса, конных волонтеров, составивших 7 батальонов, численностью в 2750 человек¹⁶.

Значительный размах национально-освободительное движение приобрело в Южной Болгарии, в районе Созополя, после его захвата в феврале 1829 г. русским десантом. Адмирал А.С. Грейг перевел главные силы из Варны к Созополю, где сосредоточилась эскадра контр-адмирала Кумани в составе 4 линейных кораблей, 2 фрегатов, 2 бригов и 3 канонерских лодок. В городе возник вооруженный отряд - Созопольская болгарская дружина, к маю месяцу насчитывавший более 100 человек. Русское командование попыталось было координировать действия дружины, назначив ее командиром русского офицера подпоручика Екатерининского пехотного полка Ревельоти. Но уже в июне 1829 г. пришлось отозвать русского офицера, который, по словам болгар, сковывал их инициативу. Небольшие отряды появились в Месемврии, Анхиало. В стране в это время действовали десятки вооруженных отрядов, которые возникали по ходу движения русских войск по территории Болгарии и выполняли всевозможные функции: совместные с русской армией военные действия, охрана ее тыла и флангов, разведка, самооборона населения, доставка продовольствия для Дунайской армии, ремонт дорог, земляные работы и др.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. велась в сложной международной обстановке. Военные демарши Австрии и угрозы Англии заставили русское командование отказаться от заранее создаваемых формирований болгарских добровольцев, но обстоятельства войны внесли свои коррективы. В боях с турецкой армией на различных участках обширного театра военных действий сражались вместе с русскими войсками и болгарские добровольцы, и вооруженные болгарские отряды. В ходе войны была выражена надежда получить для Болгарии автономию, что было весомо высказано в «Меморандуме русскому царю от имени болгарского народа», который вручил Александр Некович русскому командованию для пересылки в Петербург. Но этот вопрос не был отражен в Адрианопольском мирном договоре 1829 г. С уходом русской армии из Болгарии несколько десятков тысяч болгар Северо-восточной Болгарии (в первую очередь из Добруджи) поспешили эмигрировать в Россию и Дунайские княжества, что определенно свидетельствовало о размахе активного сочувствия русской армии.

Накануне Крымской войны в правительственных кругах России изучался вопрос о привлечении балканских народов к военным действиям. На основе записок фельдмаршала князя И.Ф.Паскевича выработался план ведения войны, состоящий из трех этапов. На первом этапе предполагалась внушительная демонстрация, завершаемая занятием Дунайских княжеств, затем блокада Босфора. Третий этап состоял в признании независимости княжеств Сербия и Болгария и организации национальных восстаний в европейских владениях

Турции. «И тогда вряд ли Турецкая империя устоит и, вероятно, будут везде бунты христиан и настанет последний час Оттоманской империи»¹⁷.

Летом 1853 г. Дунайская армия численностью в 87 тыс. человек вошла в Дунайские княжества и, не обнаружив турецких войск, выдвинулась к Дунаю. Ей предстояло контролировать весьма обширную территорию, не позволяя неприятелю переходить на левый берег Дуная, поэтому главнокомандующий генерал-адъютант кн. М.Д. Горчаков расположил войска тонкой цепью по кордонному принципу. Фельдмаршал кн. И.Ф. Паскевич был твердо уверен, что у России «есть более страшное для Турецкой империи оружие, успеху которого ни одно государство в Европе воспрепятствовать не может: это влияние наше на христианские племена». Впервые стали обсуждать вопрос о формировании христианского ополчения. В записке от 11 сентября 1853 г. Паскевич сообщал свои соображения Николаю I: «Устройство ополчений произведет необходимое волнение во всех христианских подданных султана. Не все, конечно, к нам пристанут, но будут, по крайней мере, не против нас. Предпочитаю сие средство всем другим, потому что оно сохранит наши собственные войска, которые нам могут быть нужны на западной границе, а в Турции гибнут от болезней, во-вторых, сохраняют также и издержки, ибо содержание туземного войска не может обходиться так дорого, как посылка наших корпусов в Турцию». Рассматривая опыт «арнаутских» формирований предыдущих русско-турецких войн, Паскевич отмечал, что им недоставало учителей, которые бы дали прочное и правильное основание отчаянной, но не стройной толпе, также недоставало и умения употребить их в дело. Паскевич считал, что «зерном христианских ополчений» должны послужить войска Дунайских княжеств, число которых, «по слухам, простирается до 10 тыс. человек». Увеличив количество до 20 тыс. из старых служивых и из охотников и выбрав из них болгар, сербов и греков, следовало составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан присоединиться к созданным уже ополчениям, объявив при этом, что каждому явившемуся дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно. Если не жалеть денег, то новая армия составит в 30-40 тыс. человек, тогда как русские войска будут уменьшаться из-за болезней¹⁸.

4 (16) октября Турция объявила России войну. 21 октября в России был опубликован манифест о войне с Турцией. Придерживаясь оборонительной тактики, в начале ноября 1853 г. Николай I полагал: «Мы не иначе должны двигаться вперед, как ежели народные восстания за независимость примут самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в резерве». Хотя русского государя не покидали сомнения: «Признаюсь, не велика мне надежда на них, разве на сербов»¹⁹. Русское ко-

мандование постоянно получало сведения от болгар и их уверения о широко-масштабной подготовке восстания, которое, вспыхнув, облегчит проход русских войск по самой Болгарии. Но Горчаков не разделял твердую убежденность Петербурга в общем восстании христиан при оборонительном положении русских войск без перехода через Дунай, ибо «невозможно оказать какую-либо помощь нашим единоверцам», а они «возможно не поднимут восстания, исключая, может быть, население Эпира и Фессалии, но там не может быть ничего серьезного»²⁰. Н.Х. Палаузов, один из организаторов Одесского настоятельства и его руководитель, в «Записке о Болгарии» от 20 января 1854 г. также увязывал подготовку и планирование народного восстания, в котором «сотни тысяч» поднимутся на борьбу с турками, с ходом военных действий русской армии. «До перехода русских войск за Дунай невозможно и даже пагубно возбудить болгар к народному восстанию»²¹.

В декабре 1853 г. в Главной квартире русских войск было разработано «Положение для формирования батальона волонтеров в Придунайских княжествах». Батальон из 4 рот предусматривалось набрать из болгарских переселенцев и поручить им несение караульной и гарнизонной службы в освобождаемых русской армией населенных пунктах Болгарии. В дело его формирования активно подключились представители болгарской эмиграции: Болгарский Центральный комитет в Бухаресте (Епитропия) и Одесское болгарское настоятельство. 1 января 1854 г. была начата официальная запись добровольцев. Н.Х. Палаузов с воодушевлением писал: «Наши волонтеры молодцы, и их собирается довольно количество. Многие бросают свои занятия, торговлю, многие отцы с детьми записываются в волонтеры. Энтузиазм велик»²².

В связи с возросшей вероятностью войны с Англией и Францией, были разработаны новые планы, согласно которым в марте 1854 г. русская армия успешно форсировала Дунай, овладела почти без потерь крепостями в нижней части Дуная Исакчей, Тульчей, Мачином, вступила в Гирсово и оставалось ей завладеть Силистрией. Однако фельдмаршал Паскевич из-за угрозы выступления Австрии медлил с осадой Силистрии, пытаясь убедить царя в нецелесообразности наступления. 22 апреля 1854 г. он писал Николаю I: «На болгар надежды не много. Между Балканами и Дунаем болгары угнетены и не вооружены; они, как негры, привыкли к рабству. В Балканах и далее, как говорят, они самодеятельнее, но между ними нет единства и мало оружия. Чтобы соединить и вооружить их, надобно время и наше там присутствие... в Турции ждали бунта вследствие нововведения, но до сих пор это не подтверждается». Далее следует просто убийственный перечень просчетов, упущений и недомыслий: «Не думали, чтобы с Австрией теперь была Пруссия. Мы думали, что у турков нет армии, оказалось что армия их только по принятому плану не действует до присоединения к ней французской армии. Думали, что у них нет хлеба, теперь мы знаем, что Силистрия и вообще кре-

пости снабжены запасами на весь год. Думали, что гарнизон Силистрии не более 8 или 10 тыс., теперь он увеличен до 20 тыс., могут держаться одни, тем более, что крепость усилена 9 новыми фортами. Думали, что в начале мая можем взять эту крепость, между тем только 28 апреля можем приступить к осаде. Наконец, если даже и возьмем Силистрию, то это не принесет нам много пользы, ибо должны будем оставить ее, когда в тылу будут австрийцы. Чего мы требовали от Турции для христиан, подвластных ей, то и даже более, она дала им уже. Стояли мы в Княжествах только чтобы принудить Турцию к тому, что ею ныне уже сделано. Правда, она сделала это не для нас, но для Франции и Англии». Фельдмаршал предлагал «в настоящую минуту сообщить Австрии и Пруссии, что мы выходим из княжеств, предоставляя западным державам охранение обещанных им Оттоманской Турцией прав для подвластных ей христиан»²³. Государь же настаивал на взятии Силистрии и оказании помощи Сербии. Силистрия была обложена с двух сторон, но ни Паскевич, ни сменивший его Горчаков не торопились штурмовать ее, ограничиваясь лишь демонстрациями.

Русских тепло встречали в Болгарии, многие ее жители изъявили желание вступить в батальон волонтеров, в котором к началу июня было сформировано уже две болгарские и три сербские роты, создавалась румынская милиция²⁴. Эти подразделения находились в основном вместе с русскими частями под Силистрией, причем признавалось «употреблять волонтеров не целыми ротами, а по полувзводно каждый раз, когда полк тот, к которому они прикомандированы, выходит на работы или в прикрытие траншеям и батареям». Еще в январе 1854 г. рассматривались предложения о развертывании партизанской «малой войны» силами болгарских отрядов, посылаемых в тыл неприятеля. Члены Одесского настоятельства со своей стороны в записке «О формировании болгарских волонтеров», поданной русскому командованию, ратовали о создании отдельной военной единицы из отрядов болгарских волонтеров, которые самостоятельно действовали бы за Дунаем. Эти отряды должны были соединиться с восставшим народом и обеспечить продвижение русской армии вглубь Болгарии²⁵. Н.Х. Палаузов писал: «По-стараясь составить свободных волонтеров, ... чтобы не зависели ни от кого, а поднялись бы сами и увлекли бы с собою и других...»²⁶. Поэтому чтобы ускорить восстание христиан Османской империи, весной нескольким отдельным болгарским отрядам было поручено организовать партизанскую войну внутри Болгарии. В мае С.Н. Палаузов в письме к профессору Московского университета С.П. Шевыреву сообщал, что «в Габрово готовы 3000 и имеют оружие, в Тырново готовы 9000 (частью имеют оружие), в Елене – 6000, в Мелешеве гайдуки также готовы, и скоро начнется «малая война»²⁷. Мнение же русского командования было иное. Горчаков в донесении военному министру от 1 июня 1854 г. констатировал, что «христианские племена

вовсе не показывают готовности взяться серьезно за оружие, они молят Бога за Русского Царя, но жертвовать собой для успеха святого дела бояться и не хотят»²⁸. Действительно, сил нескольких болгарских отрядов, отправленных вглубь Болгарии, явно не хватило, чтобы они стали ядром будущего восстания, да и времени им было отпущено мало²⁹. Омер-паша в противовес объявил о формировании польского легиона и «султанского казачьего полка»³⁰.

Силистрия не была взята: когда все было готово, наконец, к штурму крепости 9 (21) июня 1854 г., прибыл курьер от главнокомандующего с секретным приказом снять осаду и начать немедленную эвакуацию войск на левый берег Дуная, что и было завершено к 14 (26) июня. Поспешность изменения планов была вызвана концентрацией сил Австрии (150 тыс.) на границе Дунайских княжеств, высадкой союзных войск Англии и Франции в Варне, а также явной задержкой «бурного выступления славян». Дунайской армии пришлось оставить занимаемые позиции и отойти за Прут. Вместе с нею ушли болгарские и сербские дружины, несколько тысяч болгарских семей переселилось в Россию. Батальон волонтеров был распущен, но часть болгарских добровольцев приняло участие в боевых действиях в Крыму и в несении караульной службы в низовьях Дуная и крепости Измаил.

При подготовке русско-турецкой войны 1853-1856 гг. впервые в политических планах России был поставлен вопрос о предоставлении независимости Болгарии. В связи с этим существенно возросла роль болгарских добровольческих формирований, которые создавались русским командованием согласно специально разработанным положениям. Им стали поручать выполнение самостоятельных боевых операций. На содержание и вооружение волонтеров были выделены значительные денежные средства. Но поражение России в Крымской войне приостановило процесс перерастания болгарского батальона добровольцев в регулярное воинское подразделение.

Последним этапом развития болгарских вооруженных отрядов стала русско-турецкая война 1877-1878 гг. В начале октября 1876 г. при обсуждении плана будущей войны, составленного генералом Н.Н. Обручевым, был решен вопрос о создании Болгарского ополчения. Согласно «Основаниям для организации болгарского войска» оно должно было стать основой для будущей армии независимой Болгарии. Но в предстоящей войне ему отводилась вспомогательная роль: содействовать русской армии в «сохранении спокойствия и порядка в Задунайских странах», поскольку считалось, что болгары не приобрели привычки к регулярной военной службе. Это выразилось в отсутствии артиллерии и в формировании только пехотных и кавалерийских подразделений. Начальником ополчения был назначен генерал Н.Г. Столетов. В Кишиневе была укомплектована полностью одна дружина и положено начало второй и третьей. Ее ядро составили болгарские добровольцы, которые сражались в составе сербской армии и после ее поражения

перебрались в Кишинев, «совсем бесприютные», лишенные «всяких средств к жизни»³¹. До официального объявления войны с Турцией создаваемое болгарское ополчение под видом Почетного конвоя главнокомандующего русской армией получало обмундирование и вооружение от имени Славянского комитета. 12 апреля был подписан манифест о войне с Турцией. В этот день состоялся высочайший смотр в Кишиневе, и болгарские добровольцы удостоились получить царское «спасибо». 29 апреля был дан приказ о формировании Болгарского ополчения. Его центром стал румынский город Плоешти, где размещался штаб русской армии. Численность 6 болгарских дружин возросла до 4300 человек. Однако попытки сформировать в Плоешти конные сотни не удалось; только с переходом болгарского ополчения за Балканы в г. Эски-Загре (Стара-Загора) в его конные сотни стали вступать добровольцы со своими лошадьми, снаряжением и обмундированием. Однако после отхода Передового отряда и болгарского ополчения к Шипкинскому перевалу болгарские конники вышли из ополчения. До конца войны в ополчении были только конные ординарцы.

За довольно короткий срок русские офицеры и унтер-офицеры сумели обучить болгарских волонтеров, что позволило начальнику ополчения Н.Г. Столетову добиться включения Болгарского ополчения в Передовый отряд Дунайской армии, воины которого героически сражались при Стара-Загоре, участвовали в обороне Шипки, в походах за Балканы в отряде Радецкого, в атаках Шейновского укрепления лагеря турок. Первое боевое крещение у Эски-Загре добровольцы выдержали с честью, и генерал И.В. Гурко записал в приказе 12 июля 1877 г.: «...в этом деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами... Вы ядро будущей болгарской армии. Пройдут годы, и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: «Мы потомки славных защитников Эски-Загры»³². После знаменитых боев на Шипке Болгарское ополчение стало получать винтовки системы Крнка.

Согласно планам генерала Столетова с переходом русской армии через Дунай предполагалось сформировать еще 6 болгарских дружин. Для этого от каждой дружины отделялось по роте, которая должна была стать основой новой дружины, провести обучение новых добровольцев. Свиштов, первый освобожденный город Болгарии, стал пунктом формирования второй группы ополчения. Но оно росло медленно. С одной стороны, его формирование было пущено на самотек, а с другой, чорбаджийские круги Болгарии проводили широкую агитацию против вооруженной борьбы и формирования ополчения. Неуспехи русской армии под Плевной и отступление Передового отряда из-за Балкан также не способствовали притоку добровольцев. Комплектование значительно ускорил; кулось после перевода дружин в Тырново и Габрово. Впрочем, по настоянию князя В.А. Черкасского, заведующего гражданскими делами

при главнокомандующем, эти дружины использовались в основном для караульной службы, что привело к сокращению их рядов.

Подъем национально-освободительного движения болгарского народа выражался также в создании народной милиции и вооруженных болгарских отрядов при частях русской армии в основном из жителей освобождаемых населенных пунктов. Они получали от русской армии оружие и обычно действовали в районе своего села или города. Как правило, вооруженными болгарскими отрядами командовали русские офицеры и они выполняли боевые задачи тех частей русской армии, при которых они возникали. Народная милиция несла патрульную службу, охраняла подступы к городам, вела бои с мелкими отрядами турецкой армии³³.

Русское командование, изучив записки полковника Г.И. Бобрикова, полковника Н.Д. Артамонова и М.А. Хитрово о возможности использования болгарских чет в военных действиях, поручило дело формирования и руководства ими на левом фланге русской армии Н.Д. Артамонову, помощником которого был П. Хитов. В районе Ловеча, на правом фланге, действовал М.А. Хитрово, также получивший деньги и ружья для чет. Численность каждой четы колебалась от 30 до 60 человек, поскольку присоединялись охотники из местных сел, которые возвращались домой при продвижении отряда далее вперед. Постоянны были воеводы и некоторое число македонцев. По окончании войны четы, ставшие в тягость местным жителям, были распущены, а их командиры-воеводы были награждены знаками отличия военного ордена³⁴.

Таким образом, в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. вооруженная борьба болгарского народа против турецких завоевателей приобрела новые черты и формы. Наряду с заранее созданными и обученными дружинами Болгарского ополчения успешно боролись четы, народная милиция и отдельные вооруженные отряды при частях русской армии. Победа России принесла Болгарии свободу и независимость.

Каждая русско-турецкая война XIX в. становилась качественно новой ступенью в развитии национально-освободительной борьбы болгарского народа, зрелости его политических устремлений. Росла и видоизменялась также роль болгарских вооруженных отрядов. От участия отдельных болгарских патриотов до формирования Болгарского ополчения – ядра армии свободной Болгарии – таков славный путь нескольких поколений борцов болгарского народа за свою независимость.

Примечания

¹ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 3. 1808-1812. М. 1952. № 473. С. 389.

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны с 1806-1812 гг. СПб. 1843. Ч. 1. С. 31.

- ³ Конобеев В.Д. Болгарского национально-освободительного движения. София. 1972. С. 110; Дойнов Ст. Болгарского национально-освободительного движения. 1800-1812. София. 1979. С. 123; Тодоров Н. Освободительные движения на Балканите и ролята на българите в тях //В памет на академик Михаил Димитров. София. 1974. С. 121.
- ⁴ Первое сербское восстание. М. Т. 1. С. 380-381. № 254.
- ⁵ Багратион в Дунайских княжествах. Кишинев. 1949. № 12. С. 37.
- ⁶ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М. 1945. № 34. С. 102, 104.
- ⁷ Конобеев В.Д. Болгарского национально-освободительного движения... С. 126-129.
- ⁸ М.И. Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения. М. 1947. С. 15.
- ⁹ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 3. № 449. С. 366.
- ¹⁰ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб. 1913. Т. 2. Приложение. № 41. С. 109.
- ¹¹ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 3. № 604. С. 525.
- ¹² Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 3. № 517. С. 444-445; № 722. С. 625.
- ¹³ Конобеев В.Д. Болгарского национально-освободительного движения. С. 152-155.
- ¹⁴ Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М. 1974. С.181-182.
- ¹⁵ Конобеев В.Д. Болгарского национально-освободительного движения. С. 204, 210-211, 217.
- ¹⁶ Лукьянович Н. Описание русско-турецкой войны 1828 и 1829 гг. СПб. 1847. Ч. 4. С. 249-254.
- ¹⁷ Зайончковский А.М. Восточная война... Т. 1. СПб. 1908. С. 745.
- ¹⁸ Зайончковский А.М. Восточная война... Т. 2. Приложение. № 40, 41. С. 103, 109-110.
- ¹⁹ Зайончковский А.М. Восточная война... Т. 2. Приложение. № 127, 129. С. 275, 281.
- ²⁰ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М. 1970. С. 126.
- ²¹ Забунов И.Д. Болгары юга России и национальное болгарское возрождение в 50-70-е гг. XIX в. Кишинев. 1981. С. 16.
- ²² Забунов И.Д. Болгарские волонтеры в Крымской войне, 1853-1856 //Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Кишинев. 1983. С. 56.
- ²³ Зайончковский А.М. Восточная война... Т. 2. Приложение. № 170. С. 402-407.
- ²⁴ Бескровный Л. Г. Русское военное искусство. С. 244.
- ²⁵ Болгаро-русские общественно-политические связи. 50-70-е гг. XIX в. Кишинев. 1986. С. 27.
- ²⁶ Забунов И.Д. Болгарские волонтеры... С. 55.
- ²⁷ Забунов И.Д. Болгары юга России... С. 19.
- ²⁸ Зайончковский А.М. Восточная война... Т. 2. Приложение. № 172. С. 410.
- ²⁹ Забунов И.Д. Болгары юга России... С. 18..
- ³⁰ Бескровный Л.Г. Русское военное искусство... С. 245.
- ³¹ Овсяный Н. Болгарское ополчение и Земское войско. СПб. 1904. С. 6.
- ³² Фортунатов П.К. Война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М. 1950. С. 94.
- ³³ Болгаро-русские общественно-политические связи... С. 213.
- ³⁴ Овсяный Н. Указ. соч. С. 59.; Улунян А.А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877-1878. М. 1871. С. 56-63.

Письма греческой королевы к отцу великому князю Константину Николаевичу Романову о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и Греции

Разразившийся в 70-х годах очередной Восточный кризис поставил греческое правительство перед необходимостью занять определенную позицию и в январе 1876 г. она была сформулирована тогдашним премьер-министром Греции Х.Трикуписом следующим образом: «Наш интерес побуждает сохранять сейчас спокойствие. Турция рухнет и без нас; славяне с этим справятся, а нам нужно только подождать».¹ Такую точку зрения, поддержанную активно англичанами, разделяла, конечно, не вся Греция. Пассивная политика греческого правительства, на фоне все возраставшей национально-освободительной борьбы славян балканского полуострова, вызывала растущее недовольство в стране. Греческие добровольцы уже сражались в войсках Сербии против турок, а сторонник совместных действий известный политик А. Кумундурос пытался выяснить через российского посланника в Афинах П.А.Сабурова, на какие территориальные приобретения может рассчитывать Греция, если в случае русско-турецкой войны она встанет на сторону России. Однако бурный всплеск национализма в Греции способствовал развитию антиславянских и антирусских настроений.² Их выразителем была политическая группировка во главе с Э. Делигиоргисом, которая выступала категорически против совместных действий с Россией, запугивала греческий парламент «славянской угрозой». Особенное беспокойство греков вызывал болгарский национализм, например, его желание завладеть всей Македонией (в отличие от греков и сербов, которые претендовали лишь на ее части), и его поддержка Россией. «Панславизм желает завоеваний, угрожает политическому равновесию и стремится получить преобладание над эллинизмом на Востоке», - говорили они.³ И довод Кумундуроса о том, что «спасение может быть только в братстве восточных народов» не всегда убеждали депутатов. За неделю до начала русско-турецкой войны министр иностранных дел России А.М.Горчаков, подчеркивавший единство веры двух народов, не скрывал большой заинтересованности России в вооруженном восстании греков Эпира и Фессалии против Турции. Он сообщал, что в случае участия Греции в войне Россия не будет возражать против включения в состав королевства провинций Европейской Турции, населенных греками. Однако и на этот раз Греция, несмотря на все возраставшее недовольство населения, осталась нейтральной. В результате острого политического кризиса у власти в Греции как раз к началу русско-турецкой войны оказалось правительство

Э.Делигиоргиса, известное своей русофобией и англomанией. Английская же внешняя политика в это время, как известно, настаивалась на русофобстве, что и копировала часть греческих политиков.⁴ Все политические группировки разделяли идеи панэллинизма, т.е. объединению греков в одном государстве со столицей в Константинополе, но по методам их достижения они различались кардинально.

Отношение греческих политиков к русско-турецкой войне и политические интриги в стране довольно подробно описаны в исторической литературе. Однако практически неисследованными остаются русско-греческие отношения, а также династические связи между Россией и Грецией в указанный период.

Большой интерес представляют неизвестные письма греческой королевы, урожденной великой княжны Ольги Константиновны Романовой (1851-1926), к отцу – великому князю Константину Николаевичу Романову (1827-1892), сыну императора Николая I в период Восточного кризиса.

В 1867 г. в 16-летнем возрасте русская великая княжна стала женой греческого короля Георга I (1845-1915), принца датского Вильяма. Король и королева эллинов были тесно связаны со всеми европейскими дворами, всегда являлись объектами пристального внимания и покровительства России. Отец греческой королевы великий князь Константин Николаевич был генерал-адмиралом русского флота и ближайшим помощником своего родного брата императора Александра II в его реформаторской деятельности и в вопросах внешней политики.

Письма Ольги Константиновны к отцу за 1876-1878 гг., которые легли в основу данного сообщения, затрагивают самые разнообразные темы, касающиеся русско-турецкой войны и Греции. Здесь и участие единой Греции в войне на стороне России и отношение различных слоев греков к войне, и помощь русской эскадры Греции, и положение греческой династии; здесь и единство православных народов, надежды греков на помощь России на мирной конференции и интриги англичан, и многое другое.

Греческая королева всегда старалась как можно дальше держаться от политики, и занималась в этот период в основном благотворительностью и воспитанием ее пятерых детей, (дочери Марии к началу русско-турецкой войны исполнился год). Однако королева эллинов тяжело переживала победу в Греции антирусских политических сил, которые ратовали за нейтралитет в Восточном кризисе, были ориентированы на западные державы и угрожали самому существованию православия на Ближнем Востоке и монархии. Сама Ольга была горячей сторонницей вступления Греции в войну на стороне России и совместно с другими славянскими народами, в чем видела залог успеха Греции и спасение династии. Из-за этого группировка Делиги-

оргиса обвиняла Ольгу в панславизме и использовала этот аргумент для борьбы с династией.

Ольга Константиновна писала отцу в самом конце 1976 г.:

«На днях была перемена министерства; в пятницу новое министерство присягало, а в субботу было опрокинуто. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, а главное – в эту минуту! Общее мнение сильно возбуждено против этих господ ... негодяев!»⁵

После окончания конференции послов в Константинополе, на которой стало ясно, что Восточный вопрос встает во всей своей полноте, Ольга писала отцу: «Сегодня уезжают послы из Царьграда. Что-то будет после этого.... Грустно начинается этот год!»⁶ Королева считала, что «если турки не примут условий держав, то следовало бы побить их сейчас же соединенными силами. А так турки показывают длинный нос Европе» и разыгрывают комедию.⁷

В марте Ольга все еще надеялась, что «войны не будет и все образуется», но 12\24 апреля 1877 г. Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции, ставшей самой популярной в народе из всех войн, которые когда-либо Россия вела за границей.

Первые известия о начале русско-турецкой войны и первых успехах русского воинства были с огромным энтузиазмом встречены греками, особенно населением Эпира, Фессалии и, конечно, Крита, которые были готовы к восстанию. Тем более, что с самого начала похода русских войск на Балканы было известно, что Россия не выдвигает претензий на территориальные завоевания и Константинополь, что вдохновляло многих греков - пазллинистов.

Очередное правительство Х. Трикуписа немедленно пало и новое приступило к переговорам с Россией, надеясь, что союз с ней приведет к осуществлению идеалов эллинизма. Одним из условий вступления Греции в войну, была защита греческого побережья и проведение наступательных операций на море. Для этого Россия должна была прислать некоторые военно-морские силы, которые плавали бы под греческим флагом и имели бы команды из греческих моряков из Одессы.

Узнав об этом и радуясь помощи, Ольга, тем не менее, писала отцу: «Афины 15\27 апреля 1877 г. Так, стало быть, все старания, труды, переговоры ни к чему не привели и война - это страшное наказание Божие - право началось. Ты можешь себе представить, что во мне происходит, и с какой жадностью я читаю всякое известие, которое, увы, всегда так поздно доходит к нам. Мысль, что ты может быть приедешь в Средиземное море со всею броненосной эскадрой меня страшно взволновала и не выходит у меня из головы. Я молю Бога, чтобы этого не случилось, несмотря на то, что я

страшно желаю Тебя видеть, душка папа, только уж, конечно, не таким образом!»⁸

Бесконечные колебания греков о вступлении их в войну привели к серьезным расхождениям во взглядах с русским правительством, и идея о морском походе в греческие воды не была осуществлена.

Русские военные корабли, а затем и Средиземноморская эскадра часто заходили и даже стояли в греческих водах, и Ольга всегда поддерживала самые дружественные отношения с русскими моряками. В 1875 году в Средиземном море довольно длительное время находился винтовой фрегат «Светлана», на котором плывал в чине гардемарина ее родной брат Константин, только окончивший Морской корпус. (Он посетил свою любимую сестру Ольгу в Афинах). Ольга очень сдружилась с семьей адмирала И.И.Бутакова, возглавлявшего эскадру. Она надеялась, что именно Бутаков вновь придет с военными кораблями в Грецию, о чем писала отцу: «Мы так его любим и так привыкли к нему, что нам было бы весьма грустно больше не иметь его здесь».⁹

В мае 1877 г. внутривосточное положение в Греции снова обострилось. Проходили массовые митинги, на которых звучали требования создания коалиционного правительства и немедленных военных приготовлений. В новый кабинет вошли политики различных направлений - и Трикупис, и Кумундурос, и Делигиоргис. Возглавил его прославленный герой войны за независимость Греции 84-летний адмирал К. Канарис. Греция ускорила военные приготовления, мобилизовала национальную гвардию; вскоре армия насчитывала уже более 30 тыс. человек и была сконцентрирована на границе с Турцией. Все это немедленно вызвало раздражение Порты. Греция оказалась в очень непростом положении и сильно нуждалась в помощи и поддержке великих держав. Вновь встал вопрос о морской поддержке Греции со стороны России.

Греческая династия также возлагала большие надежды на помощь России. Так, 26 ноября\8 декабря 1877 г. Ольга писала отцу из Афин: «Вчерашние депеши уверяли, что сюда идет Русская эскадра из Балтийского моря. Я этому не верю, потому что это было бы слишком хорошо. Но все-таки невольно я спрашиваю себя, а если это все - таки правда! Если бы ты знал, милый папа, как было бы хорошо прислать сюда эскадру; в случае войны наши берега совсем будут представлены произволу турок, и что тогда будет с бедной Грецией? Эта мысль и есть единственная вещь, которая все останавливает, легко же здесь осуждать в нерешительности, но не шутка же начинать войну, когда все двери, т. сказать, открыты внутрь страны. Если начнется война, то будут драться в Фессалии и Эпире и здесь что будет??? Ты, конечно, знаешь, что здесь безостановочно готовятся к войне, но никто, наверное, не знает, что будет; да поможет нам Бог! У нас ведь только два бро-

еносца и несколько других малых судов. Греки не раз показывали, что они храбры, и драться умеют, но надо же иметь что-нибудь порядочное для этого. Оставаться в бездействии в эту великую минуту, и не вступить в общую борьбу ведь было бы ужасно; и, кроме того, может быть, Греция проиграла бы всю свою будущность. Так что тут делать, не правда ли, ужасное положение, и ты можешь себе представить, что моему бедному Вилли (так звали греческого короля в семейном кругу) нелегко и не весело! Если бы это от тебя зависело, душка папа, то ты бы, вероятно, прислал бы сюда эскадру! Как будто это невозможно и все ради этих пакостных англичан? Но Англия ведь одна не объявит войну России из-за «милых» турок, не правда ли?; и мне кажется, что они уже без этого дошли до крайности наглости и бесчестия. Так что же, милый папа, можно надеяться или нет? С каким нетерпением буду ждать твой ответ и не давать воли слишком розовым надеждам». ¹⁰ Но и на этот раз надежды не оправдались, и вопрос о морской поддержке не был решен из-за чрезмерных аппетитов греческих переговорщиков, выдвигавших перед Россией новые территориальные требования, выходившие за национальные рамки. В результате переговоры с Россией не принесли ожидаемых Грецией конкретных обещаний. Англия же настойчиво призывала греков воздерживаться от каких-либо решительных шагов.

Военные неудачи России в начале лета 1877 г. вызвали оживление оппозиции, ратовавшей за нейтралитет, который поддерживала Великобритания.

В этот период серьезные политические разногласия внутри Греции не давали ей занять какую-либо четкую позицию в войне, а неучастие Греции в общей борьбе славян на Балканах вело к ее изоляции и угрожало будущности порабощенного эллинизма. Возмущение народа и армии неэффективностью правительства были чреваты внутренними потрясениями. В свою очередь, Георг I и греческая королева Ольга были сильно обеспокоены судьбой монархии в Греции, так как всю вину за бездействие греческие политики попытались тут же свалить на якобы бездействующего короля. 15/27 апреля Ольга писала отцу: «Какое это тягостное чувство жить в ежедневном ожидании и не знать, что нас ожидает в самой близкой будущности. Чем эта война кончится, для того ли она, чтобы образумить турок, или для того, чтобы покончить навсегда с Восточным вопросом?» ¹¹

Положение усугублялось отсутствием точной информации, и королевский двор жил, по выражению Ольги, «в мучительной неуверенности от телеграмм, которые так страшно врут». ¹² Только в октябре 1877 г. русский посланник в Афинах Сабуров стал получать почти каждый день депеши от министра Горчакова, «так что можно верить тому, что читаешь, – писала Ольга, – и оставаться хладнокровным при чтении турецких выдумок...» ¹³

В конце ноября 1877 г. русская освободительная армия добилась сдачи гарнизона Плевны, перешла в широкое наступление и в самое короткое вре-

мя, совершив чудеса героизма – таких как штурм Плевны, взятие Шипки отрядом М.Д.Скобелева, преодоление Балкан, которые не сходили с уст тысяч людей, нанесла решительное поражение турецкой армии. «Это была, – писал Ф.М.Достоевский, – неслыханная война, за слабых и угнетенных, для того, чтобы дать жизнь и свободу, а не отнять их, – это давно уже теперь неслыханная в мире цель войны...»¹⁴ Завершив освобождение Болгарии, русские войска начали продвигаться к Константинополю.

У Ольги Константиновны, восхищавшейся подвигами русских солдат и моряков, был и личный повод гордиться происходившим на Балканах. Ее любимый младший брат великий князь Константин также принимал участие, вместе со «Светланцами», в одной из операций на Дунае в июле 1877 г. и совершил боевой подвиг, за что был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Он участвовал в опасной экспедиции, во время которой были подожжены турецкие коммерческие суда.¹⁵

В начале декабря 1877 г. Ольга радостно писала: «Поздравляю тебя от всей души, милый папа, с нашим молодцом Костей, который в 19 лет заслужил Георгиевский крест. Я так была счастлива и горда, кроме того, этот крест будет ему служить талисманом, не довольно его заслужить, надо всегда, всю свою жизнь с юности быть его достойным, что Костя сам сознает, как и вижу из его письма... Если бы Ты знал, как каждое храброе, чудное дело наших милых моряков отзывалось в моем сердце, как оно билось и замирало при чтении всех описаний и рассказов о них. Вообще я никогда не забуду это лето, как меня тянуло к вам, и как я промучилась в вечном ожидании известий».¹⁶

Ольга чувствовала свою сопричастность всему, чем была занята Россия, и часто сокрушалась, что она живет «в такой дали» в Афинах. Брату Константину Ольга писала еще в июле 1877 г.: «С утра до вечера думаю о вас, о войне, о России, куда меня тянет иногда до того, что больно делается!»¹⁷

Ольга знала о больших потерях русской армии и «от души переживала». В это время она постоянно занималась благотворительной работой в Греции (в Красном Кресте, недавно созданном, и другой госпитальной работой), и сейчас пыталась сделать хоть что-то для любимой России. Так, Ольга Константиновна просила отца получить из департамента Уделов 5 000 (5 тыс.) рублей из ее «экономического капитала», и «принять для жен и детей, убитых или изувеченных в нынешней войне матросов». «Я знаю, - писала Ольга, - что это только капля в воде, но т.к. вода состоит из капель, то и мне хочется прибавить мою каплю».¹⁸

В январе 1878 г. - последнем месяце русско-турецкой войны - в Греции продолжался политический кризис, точнее он не прекращался весь период войны. Разногласия между членами коалиционного правительства не позволяли перейти к активным действиям. В Греции во всю разворачивалось

движение за вступление в войну; пресса осуждала бездействие правительства. Некоторые радикально настроенные политики и офицеры начали самостоятельные приготовления к восстанию. Сам король также перешел к действию через голову правительства и отдал приказ войскам в Восточной Греции выдвинуться на границу с Фессалией. Новым премьер министром стал сторонник активных действий и начала восстаний в Фессалии, Эпире, Македонии и на Крите А. Кумундурос. Было принято решение о вступлении греческой армии в пограничные владения Турции. Однако время участия Греции в русско-турецкой войне истекало. Во всю ходили слухи о предстоящем заключении перемирия между Россией с Турцией. 19(31) января греческие войска перешли границу с Турцией, о чем Георг I немедленно сообщил Александру II. Он выражал надежду на поддержку Россией интересов эллинизма. Державам были даны заверения в том, что акция носит временный, оборонительный характер.

Ольга писала в этот день брату: «Сегодня началась война, я надеюсь на Бога! Он нас не оставит, хотя мы должны были это сделать раньше, я давно страдала под этим сознанием; но кто не имел дело с этими людьми (политиками - О.С.), не может себе представить, что это такое».¹⁹

Бурная реакция Порты состояла в том, что флот ее был приведен в боевую готовность для отплытия в греческие воды, что вызвало настоящую панику в Афинах. Греческое правительство поспешило обратиться к великим державам за помощью. Реакция держав на шаги Греции была почти единодушной. Даже Александр II, который ранее надеялся на поддержку эллинизма и предлагал Греции принять участие в войне на стороне России, отвечал: «Я могу только сожалеть, что Ваше величество, объявляя войну Турции, избрали тот момент, когда я подписываю с ней мир». Посланники Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России и Франции потребовали немедленного вывода греческих войск. Греции оставалось только повиноваться, но одновременно с выводом греческих войск в Фессалии, Эпире, Южной Македонии и на Крите в феврале 1878 г. греческое население, при поддержке из Афин, подняло восстания против турецкой власти.²⁰

Подписанный 3 марта Сан-Стефанский мирный договор, справедливо считающийся первым днем независимой Болгарии, греки встретили с возмущением, особенно известие о передаче Болгарии всей Македонии до самых Салоник, т.е. некоторых территорий, на которые они рассчитывали сами. «Для эллинизма это означало катастрофу»²¹

Ольга описывала отцу происходящее в Афинах так:

Афины 18 февраля\12 марта 1878 г. «...Ты знаешь, что здесь происходило, и как у меня сделалась корь в самую критическую минуту; теперь я совсем поправилась, но положение наше все также безотраднo. Милый папа,

если бы ты знал, что мы пережили за тяжелые минуты! ... Ты, конечно, понять не можешь поведение прежнего правительства, в продолжение всего прошлого года, как и мы его не понимаем. Несмотря на неотступные усилия Вилли, несмотря на общее мнение и на желание народа, они ничего не хотели делать. Я уверена, что они это делали из собственных личных видов, т.к. любовь и преданность к отечеству играют в них самую последнюю роль, но они оправдываются тем, что им пришлось бы рисковать слишком многим, не имея гарантий и положительных обещаний России. Наконец пришло мирное известие о перемирии. Ты, знаешь, что тут делалось, как народ бросился к домам прежних министров и перебил им окна, как пришлось их усмирять оружием, были раненые и даже убитые. Все это было более, чем грустно, особенно, т.к. надо было употребить силу против толпы, - чувства, которые были так понятны и естественны. Один день... огромная толпа собралась перед дворцом и не успокоилась, пока не услышала несколько слов от Вилли. В этот раз они были весьма любезны и кричали «зито» для нас, но кто может ручаться за толпу – сегодня она за нас, завтра – против нас, тем более, что скоро начали шептать в городе, что король только играл комедию и, что, в сущности, он войну совсем не хотел. Бывшие министры... старались распространить эти слухи, особенно ехидный Делигиоргис. Они право ужасные люди и ты можешь себе представить, милый папа, как это «весело» для Вилли вот уж 14 лет беспрестанно лавировать между этими людьми, иметь связанными руки, присягать этой свинской конституции. И самое грустное то, что эти люди, которые виновники всего происшедшего, наверное, еще не потеряли своего значения и влияния, несмотря на то, что их четыре года назад чуть не убили, и если не произойдут здесь радикальные перемены, то мы воротимся опять к старому, и все тут пойдет снова как прежде... После этих происшествий, пришло известие, что наши войска двинулись на Константинополь. В греческих провинциях уже вспыхнули волнения, турки сожгли близ границы монастырь и замучили двух старцев-монахов, кроме жестокостей, совершаемых повсюду черкесами и башибузуками, наконец, и наше войско перешло границу, чтобы защитить несчастных жителей Фессалии. Это было потом, ты знаешь; чувства унижения и волнений в войсках и вообще во всей Греции трудно описать. Много офицеров вышло в отставку и отправилось с множеством добровольцев помогать инсургентам. Из солдат многие уходят без позволения; это, конечно, не должно быть, но это так понятно!»²²

Ольга писала отцу: «Теперь нам нечего делать, приходится ждать и надеяться! Что делают для нас на конференции?! Дадут ли нам Крит? Несчастные кандиоты не в первый раз дерутся за свободу.²³ Ведь, если б Государь сделал это для них и для нас! И Фессалия и Эпир, что с ними будет? Ведь Государь начал эту Святую войну за всех христиан Востока и греки ведь не

виноваты, что у них во главе были люди, забывшие свой долг к отечеству!!! Милый душака папа, ради Бога умоли Государя, чтобы он сделал что-нибудь для нас... То, что я желаю, это чтобы все греческие провинции достались бы Греции, мне кажется, что это справедливо. Но говорят, что это слишком большая претензия, т.к. мы не принимали участия в войне. Но греки, прежде часто сражались и у себя, и в Севастополе, и, кроме того, если бы целый народ должен был бы страдать от следствия глупости одного министра. Греки с давних времен всегда надеялись на Русского Царя, и Россия им всегда оказывала помощь, Государь им, наверное, не откажет в этот раз». ²⁴

Королева греческая беспокоилась, что Греция и весь эллинизм могут попасть под безраздельное влияние враждебных России государств. Она писала: «Я страшно боюсь, чтобы ненавидящие англичане не сделали бы что-нибудь для Греции, т.к. они уже заговорили об этом в парламенте и, конечно, они не только сделали бы в своих собственных видах, т.к. они самый грязный народ на свете и умеют все эксплуатировать в свою пользу. И я уверена, что Государь одним словом мог бы отстранить эту опасность, так как Турция принуждена теперь делать все, что он не пожелает». ²⁵

Беспокоилась она совершенно напрасно, так как Англия, получив Кипр, перестала вообще интересоваться греческим вопросом, и стала ярой защитницей сохранения Османской империи.

Вполне справедливо беспокоила греческую королевскую чету и будущность подраставших детей, так как они были убеждены, «что их положение скоро будет еще тяжелее и труднее». Ольга, видя спасение в увеличении греческого королевства и его укреплении, писала: «...И не только наша, но вся будущность для детей кажется такой безотрадной! Если Греция останется такой же, как теперь, то никак надеяться нельзя, чтобы дела здесь пошли лучше. Из такой маленькой страны, где политическая жизнь так узка и не развита, где личные интересы и мелкие интриги играют первую роль, никогда ничего не выйдет; надо, чтобы к ней присоединились другие элементы - новые интересы - тогда только люди, управлявшие ею до сих пор, потеряют свое теперешнее пагубное влияние. Ведь это просто было бы смешно, (когда бы не был так грустно), что мы никак не можем выйти из Кумундуроса, Заимиса, Трикуписа и Делигиоргиса, и что мы продолжаем ворочаться в этом порочном круге. Многим они опротивели (к сожалению еще не всем) нам от них просто тошно, но если не они, то кто - будет министром?? Кто тут не прожил некоторое время, не видел, что тут называется конституцией, тот просто понять не может, что это за положение. А народ такой славный, что все это вдвойне грустно. Если Государь не поможет, то я право, не знаю, что будет с нами и с детьми, т.к. это состояние продолжаться не может. Мы надеемся на Бога и стараемся не унывать... Ты не знаешь, как мне больно за Вилли во все это время!» ²⁶

Вскоре западные державы, разыграв «греческую карту», начали острую дипломатическую борьбу за пересмотр Сан-Стефанского договора, и греки возлагали большие надежды на открывшийся в Берлине в конце июля 1878 г. конгресс, где они изложили свои пожелания. Восстание греческих патриотов оказало, безусловно, влияние на позицию великих держав. Нельзя исключать, что и активная позиция греческой королевы Ольги была известна императору и также оказала свое действие в интересах Греции.

Все великие державы, за исключением Великобритании, поддержали передачу Фессалии и Эпира грекам. В результате появился лишь призыв к Греции и Турции приступить к переговорам об исправлении границы. Ольга писала отцу из своей летней резиденции Татой, 4\16 августа 1878 г.:

«Расширение наших границ будет большое счастье, но еще рано ликовать, т.к. туркам видно не хочется расставаться с этим кусочком, который Европа подарила нам еще на бумаге, а не на деле. Надо вооружиться терпением и мне так хочется осенью отправиться путешествовать по новым провинциям! Пока я опять взялась за греческие уроки. Ужасно трудно».²⁷

Лишь после трех лет трудной дипломатической борьбы грекам в июле 1881 г. удалось подписать греко-турецкую конвенцию, по которой вся Фессалия и округ Арта в Эпире передавались Греции. Греческий король получил 300 тыс. новых подданных, а все население Греции теперь составило 2 млн. 187 тыс. человек. Однако это было лишь частичным решением национального греческого вопроса и очень далеко от идей панэллинизма. Как мы видим из приведенных писем греческой королевы к отцу, русско-турецкая война была тяжелым испытанием для всех слоев греческого общества. Сама Ольга, несмотря на будущие обвинения ее со стороны греческих историков в панславизме, изо всех сил стремилась защитить интересы маленькой Греции, и, конечно, монархии.

При определенных условиях геополитические интересы России на самом деле не противоречили идеям эллинизма, а могли бы быть даже очень полезны, и этой точке зрения придерживались многие греческие и российские политики и дипломаты, а также королева Ольга, что и показывают ее письма к отцу.

Примечания

- ¹ Формирование национальных, независимых государств на Балканах. М., 1986, С.80
- ² См. Э.Кофос. Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. С. 144. // «Балканские исследования, т.11. М., 1989 г.
- ³ «Формирование...», С. 81
- ⁴ Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991., С.142 и др.
- ⁵ ЦГАРФ, Ф.722, Д.810, 18\31 декабря 1876 г., Л.10.

- ⁶ ЦГАРФ, Ф.722, Д.810, Л.13
⁷ ЦГАРФ, Ф.660, оп. 2, Д.205, Л.206
⁸ ЦГАРФ, Ф.722, Д.810, Л.19-20
⁹ ЦГАРФ, там же, Д. 17
¹⁰ ЦГАРФ, там же, Л.26-28
¹¹ ЦГАРФ, там же, Л.20-21
¹² ЦГАРФ, Ф.660, Д.204, Л.83
¹³ Там же, Л.83
¹⁴ Ф.М.Достоевский. Дневник писателя. 1877-1878гг.
¹⁵ Ю. Никоньчев. Предисловие «Вестник света» и «Бесы» русской литературы», «К.Р. Стихотворения». М.,1991
¹⁶ ЦГАРФ, Ф.722.Д.810, Л.29
¹⁷ ЦГАРФ, Ф.660, оп.2.Д.204.Л.60
¹⁸ ЦГАРФ, Ф.722 Д.810, Л. 30
¹⁹ ЦГАРФ, Ф.660,оп.2, Д.206, Л.8
²⁰ Формирование..., с.85
²¹ Э.Кофос, указ. соч., с.151
²² ЦГАРФ, Ф.722, Д.810, Л.31-34
²³ ЦГАРФ, там же, Л.34-35
²⁴ ЦГАРФ, там же, Л.35
²⁵ ЦГАРФ, там же, Л.35
²⁶ ЦГАРФ, там же, Л.36-37
²⁷ ЦГАРФ, там же, Л.51

Благими намерениями... (Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877-1878 гг.)

Одним из наиболее сложных вопросов в изучении событий Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг., составной частью которого является и русско-турецкая война, является анализ русской политики в отношении Сербии. Действительно, на первый взгляд представляется странным, что три четверти века активно поддерживающая сербские устремления к независимости и расширению территории, в период в 1875-78 гг. Россия занимает довольно сдержанную позицию в отношении сербских претензий. Сюжет этот вызывает многочисленные споры в историографии¹, где порой острота дискуссии достигает такой степени, что возникают обвинения в адрес России в забвении и предательстве сербских интересов в пользу создания Великой Болгарии. В своем исследовании русской политики в отношении Сербии в период Восточного кризиса сербский ученый Душан Берич приходит к следующему выводу: «Почти на протяжении целого этого периода Россия относилась с большим вниманием к болгарам, чем к сербам, а значит с большим сочувствием относилась к болгарскому, нежели к сербскому вопросу. Русские постепенно прибрали болгар к рукам. Именно в этом следует искать причину неспособности болгар целиком отдаться идеалам сотрудничества с сербами. В болгаро-сербские отношения вкрался раскол, проявившийся в размолвках по поводу еще не освобожденных территорий, по поводу разграничения территорий, которые контролировали или намеревались контролировать две Церкви, а также по поводу того как окончательно должна выглядеть Юго-Восточная Европа»².

Сербия сумела первой из славянских зарубежных стран восстановить формы своей государственности. В 1833 г. она получила статус автономного княжества, а в 1878 г. согласно решениям Берлинского трактата (июль 1878 г.) стала самостоятельным, независимым государством. В Белграде независимость торжественно была провозглашена 10 августа 1878 г. В речах и молитвах по этому поводу ни одним словом не упоминался вклад России в получение княжеством окончательного избавления от многовековой зависимости. Австрийский консул доносил своему министру иностранных дел из Белграда о том, что когда русский генеральный консул Персиани, оскорбленный таким замалчиванием имени России, обратился за разъяснениями к сербскому министру иностранных дел Йовану Ристичу, последний, «уклоняясь от объяснений отделался шутливыми замечаниями»³. Персиани был потрясен

этим, как он выразился в своем донесении от 13 августа «афишированием неблагодарности». он делает вывод о повороте в сербской политике, о «факте сближения, заметно проявляющемся в отношениях между правительствами Сербии и Австрии»⁴. Для Персиани это было громом среди ясного неба, а между тем такая политика правящих кругов Сербии просматривалась уже давно.

Русское участие в сербской судьбе в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. получило неоднозначную оценку в сербских политических кругах. И по сей день, бытует мнение о том, что основное внимание России было уделено Болгарии, а Сербии отводилось второстепенное место, что Россия не отстаивала сербские политические интересы. Особое негодование в Сербии вызывал Сан-Стефанский прелиминарный договор, который считается «черным днем» в истории русско-сербских отношений. В настоящей статье анализируется отношение официальной России к будущности Сербии на этапе между Сан-Стефано и Берлином, когда решался вопрос о судьбе балканских владений Османской Порты.

В июне 1876 г. два маленьких вассальных турецких княжества, Сербия и Черногория, объявили войну своему сюзерену - Османской империи. Война продолжалась четыре месяца и закончилась поражением Сербии. Это было совершенно естественно, если учесть несопоставимость сил противников. Что же заставило правительства этих стран решиться на войну? Источники свидетельствуют, что, начиная войну с Турцией, Сербия и Черногория рассчитывали на военную поддержку России.

Надежда эта подкреплялась тем, что в мае 1876 г. в Сербию приехал и возглавил ее действующую армию отставной русский генерал Михаил Григорьевич Черняев. Вслед за ним в Сербию прибыло около пяти тысяч русских добровольцев, офицеров и солдат, принявших участие в боевых действиях против Турции⁵.

Но официальная Россия к войне не была готова. Необходимо было выяснить позицию великих держав, и прежде всего Австро-Венгрии, чтобы не повторилась ситуация Крымской войны, когда Россия вынуждена была воевать не только с Турцией, но и с коалицией европейских государств. Переговоры, проведенные между русским и австрийским императорами летом 1876 г. в Рейхштадте, показали, что Австро-Венгрия решительно выступает против создания крупного славянского государства на своих южных границах. Империя Габсбургов почти на половину состояла из славянского населения и её правящие круги опасались, что крупное пограничное славянское государство может вызвать сепаратистские настроения в Австро-Венгрии.

28 октября 1876 г. Россия объявила Турции ультиматум, согласно которому турецкие войска теснившие сербскую армию, должны были немедленно покинуть Сербское княжество, в противном случае Россия угрожала ото-

звать своего посла из Константинополя, что означало начало войны. Россия фактически спасла Сербию от неминуемой турецкой оккупации и возможной утраты автономии. 31 октября 1876 г. началась мобилизация русской армии и подготовка к войне с Турцией.

Таким образом, прологом русско-турецкой войны 1877-78 гг. явилась сербо-турецкая война, начатая с целью завоевания полной независимости Сербского государства. События кровопролитной, стоившей России многих материальных жертв, и унесшей сотни тысяч жизней русских солдат и офицеров, Русско-турецкой войны 1877-78 гг. хорошо известны. Операции ее разворачивались на двух фронтах - Балканском и Кавказском. В историю вошли многомесячная осада Плевны, героический переход русской армии через Балканский хребет, освобождение Болгарии. Сербия, истощенная предшествующей войной присоединилась к русской армии лишь в декабре 1877 г., а 19 января 1878 г. война закончилась победой России и подписанием перемирия в г. Адрианополь. Русско-сербские официальные отношения во время русско-турецкой войны 1877-77 гг. были весьма сложными. Сербское правительство старалось оттянуть вступление Сербии в войну на стороне России, русское командование считало участие Сербии в боевых действиях непременным условием будущих территориальных приращений Сербии⁶.

Итак, в цепи событий восточного кризиса 1875-1878 гг. Сербия занимает важное место. В сербской историографии говорится о первой и второй сербо-турецких войнах. Это сербо-турецкая война 1876 г. и участие Сербии в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Перерыв между двумя войнами составил более года. Сербия вступила в войну на стороне России только 1 декабря 1877 г. после взятия Плевны и после перехода Русской армии через Балканский хребет.

Такая сдержанность и выжидательная позиция не могла не вызвать негативной реакции не только русского командования, но и общественного мнения России. Чем была вызвана такая позиция Сербии?

Ключом к решению и пониманию сербской позиции в событиях 1877-1878 гг. — является вопрос о Боснии и Герцеговине. Присоединение этих провинций (в особенности Боснии, ибо на большую часть Герцеговины претендовала Черногория) к Сербскому княжеству было главной задачей сербской внешнеполитической программы «Начертание», разработанной еще в 1844г.

Русская официальная политика по сербскому вопросу на протяжении Восточного кризиса 1875-1876 гг. неизменно сводилась к требованию придерживаться русских рекомендаций. Начиная с лета 1876 г. Россия практически дипломатическими переговорами и прямым вмешательством в форме ультиматума предотвращала возможность оккупации Сербии, как со стороны победившей в 1876г. Османской империи, так и со стороны Австрии. Вместе с тем к началу русско-турецкой войны стало ясно, что России не удастся способствовать значительному территориальному увеличению Сербии. Решать этот

вопрос следовало поэтапно. То есть добиваться, несмотря на условия Будапештской конвенции автономии Боснии и Герцеговины и передела Новипазарского санджака между Сербией и Черногорией. Все это создавало бы условия для дальнейшего сербо-черногорского объединения с включением Боснии и Герцеговины. Попытка реализации этой программы и представлена в соответствующих статьях Сан-Стефанского прелиминарного договора.

Решить сербские проблемы, без активного участия Сербии в войне было бы сложно, поэтому Россия считает не только возможным, но и важным участие Сербии в боевых действиях в 1877 г. Однако Сербия не только не спешила вступить в войну, выжидая коренного перелома в русско-турецком противостоянии, но и игнорировала прямые призывы русского командования и русского императора.

В начале июня 1877 г. в ставке командования Дунайской армии русский император Александр II принял сербского князя Милана Обреновича и премьер министра Йована Ристича. В ходе встречи были высказаны русские пожелания Сербии присоединиться к боевым действиям, как только русская армия перейдет Дунай. Ристич считал, что встреча прошла успешно, так как с одной стороны Россия не отвернулась от его страны, а с другой официальных обязательств у Сербии нет и возможно удастся избежать новой войны. От вступления в нее предостерегал его и посланник Сербии в Константинополе Ф.Христич, говоря о том, что необходимы твердые русские гарантии в вопросе будущих территориальных приобретений Сербии. Он писал: «Ты скажешь, что нам обещано, что интересы Сербии не будут забыты. Да мы получим Малый Зворник, а Болгария станет великой и самостоятельной, и это будет основным итогом войны...»⁷

16 июня 1877 г. русские войска форсировали Дунай, а 4 июля полковник Катарджи, представляющий Сербии в русской ставке Дунайской армии выступил на заседании сербской скупщины с сообщением, что главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, посоветовавшись с императором, предлагает Сербии двинуть свою армию к границе, объявить войну Турции и провозгласить независимость. Отказываться прямо означало потерять русское доверие и поддержку, поэтому было принято решение - сообщить России следующее: 1) для приготовления к вступлению в войну Сербии понадобится 5 - 6 недель; 2) чтобы Сербия могла завершить перевооружение, ей нужен миллион рублей; 3) на военные расходы Сербии необходима ежемесячная субсидия в миллион рублей на все время военных действий.

С этого времени начался период почти пятимесячного активного сопротивления кабинета Ристича призывам России вступить в войну. Не пять-шесть недель, а пять месяцев понадобилось Сербии, чтобы отважиться присоединиться к России.

На протяжении этого времени русское командование не менее восьми раз обращалось к Сербии с призывом выполнить свои обещания и начать войну, в том числе и сам император Александр II четырежды обращался по этому поводу к сербскому князю Ристич же рискуя навлечь на страну высочайший гнев, любыми способами старался оттянуть момент вступления Сербии в войну. Предлоги изобретались разнообразные: когда иссякла ввиду получения русской материальной помощи возможность ссылаться на отсутствие денег, выдвигался тезис о противодействии западных держав, затем о росте антивоенных настроений в народе и так далее. Ристич в своих мемуарах явно грешил против истины, заявляя, что причиной того, что страна не вступила в июле-августе 1877 г. в войну были сдерживающие указания России.⁸

На самом деле Россия настаивала на немедленном вступлении Сербии в войну. Александр II 14 июля 1877 г. приказал министру финансов выдать Сербии миллион рублей, и настаивал, чтобы уже через 12 дней Сербия начала боевые действия. Игнатьев добавлял, что в противном случае будущность Сербии будет скомпрометирована. 23 июля сербскому правительству был представлен составленный генералом Непокойчицким план кампании, предусматривающий движение сербской армии в сторону Старой Сербии. Однако Сербия вновь отложила выступление из-за изменившейся не в пользу России картины боевых действий (к этому времени были предприняты два неудачных штурма Плевны - 8 и 18 июля). Но русский военный министр продолжал верить в сербское скорое выступление. Милютин с удовольствием заносит в свой дневник 2 августа « Сербия, получив от нас миллион, обещала начать наступательные действия»⁹. Однако посланный со специальной миссией в Сербию А.Н. Церетелев в середине августа 1877 г. доносил, что сербское правительство «ни в коем случае не решится на объявление Турции войны ранее марта», что с неудовольствием было воспринято Александром II.

Неготовность Сербии к войне, открытые попытки ее правительства оттянуть момент вступления в боевые действия вызывали у части русского руководства сомнения в целесообразности военной кооперации. Так, управляющий канцелярией при Главном штабе Дунайской армии А.И. Нелидов 18 августа 1877г. составил докладную записку великому князю Николаю Николаевичу, в которой доказывал, что от Сербии ожидать серьезной помощи нельзя. Главнокомандующий и сам опасался, что, вовлекая Сербию, Россия может «навязать такого слабого союзника, которого бы мы сами принуждены, быди, в конце концов, спасти от гибели».¹⁰

Почему же все-таки царское правительство и сам император продолжали призывать Сербию к боевым действиям? На наш взгляд, хотя и были расчеты русского командования, что вступление Сербии в войну оттянет часть турецких войск и будет способствовать продвижению русской армии, все же главным было другое. Во всех русских призывах содержится стремление

привлечь княжество к боевым операциям, чтобы закрепить при заключении мирного договора его права на территориальное расширение. Это подтверждается и тем, что Александр II и главнокомандующий предложили сербскому князю начать военные операции задолго до неудачных атак Плевны, сразу же после форсирования Дуная.

Для выяснения реальной ситуации с военными приготовлениями в Сербии и для организации координации действий 21 августа в Белград прибыл полковник Генерального штаба Г.И. Бобриков. Выявив неготовность страны к военным операциям, он поставил своей задачей подготовить сербскую армию хотя бы к ноябрю. Главными в сентябре-октябре 1877 г. становятся переговоры о возможных размерах русской денежной дотации.

Новый русский генеральный консул в Сербии – Персиани – «1 сентября передал совет русского правительства сербскому князю: «Сербии не следует избегать участия в нынешней войне, что свидетельствовало бы об отречении от своего прошлого, своей прошлогодней войны, своих традиционных связей с Россией и своего будущего, ибо, воздерживаясь от выступления, Сербия не способствует русским победам и в своей собственной будущности»¹¹

Русские победы начала октября на Кавказском театре военных действий, сжимающееся кольцо вокруг Плевны и перспектива ее скорого падения вызывали воодушевление сербского народа. Однако официальная Сербия по-прежнему медлила. Александр II прямо телеграфировал Милану, что «желал бы, чтобы и армия князя приняла участие в войне». 10 ноября из русской главной квартиры поступило распоряжение князю Милану «немедленно принять меры для перехода сербскими войсками границы в возможно скорейшем времени». Сербия получила уже миллион рублей субсидий, но настаивала на новых дотациях. Было определено выдавать сербскому правительству по полтора рубля в день на каждую тысячу человек. Действующих вне пределов княжества, притом, что число их будет не менее 25 тысяч.

18 ноября 1877 г. на заседании Совета министров Сербии было оглашено решение князя Милана начать военные действия. Князь подчеркнул союзнический характер сербского выступления, предложив «для освобождения братьев в Турции и для освобождения и независимости сербского народа принять участие в войне России против Турции (термина «вторая сербо-турецкая война» тогда еще не было). Несмотря на то, что все было решено и подготовлены и тексты прокламаций и ноты Турции, сербское правительство тянуло с началом выступления, пока 28 ноября 1877 г. не пала Плевна. Это было настолько очевидно, что, отвечая на поздравления князя Милана по поводу блестящей победы русского оружия – взятия Плевны и пленения Осман-паши – русский царь писал, что не может скрыть сожаления, что сербская армия не последовала примеру румын, которые вместе с русскими проливали кровь под Плевной.

Прокламация о войне была опубликована 2 декабря. В ней, в частности говорилось: «Хотя доблестная русская армия может и без нашего содействия восторжествовать в святом деле, которое император Александр принял под свое могущественное покровительство, тем не менее, ничто на свете не может нас освободить от выполнения долга, падающего на сербскую нацию». Порте была передана нота, в которой мотивом военных действий объявлялось нарушение Турцией 2-ой статьи протокола о мире между Сербией и Турцией от 16 февраля 1877 г. об амнистии сербов-беженцев, вернувшихся на оттоманскую территорию.

Сербская армия начала военные действия 3 декабря 1877 г. В югославянской историографии справедливо отмечается, что вступление Сербского княжества в войну лишь после падения Плевны существенно уменьшило моральный эффект всей второй сербо-турецкой войны.¹² Причиной такого запаздывания называют что исход войны был предreshen для Сербии Будапештской конвенцией. Это не совсем верно, на наш взгляд. Восточные и южные границы будущей Сербии, а также ситуация в санджаке во многом зависели от масштабов участия в войне на стороне России.

Понимая это, сербское правительство думало о как можно более глубоком продвижении на юг и юго-восток, с тем, чтобы впоследствии предъявить на эти территории претензии. Такое продвижение совпадало с планами русского командования, а направление в сторону Боснии категорически воспрещала позиция Австро-Венгрии.

По единодушным отзывам русских военных сербы выполнили поставленные перед ними задачи полностью и вовремя. Сербы взяли Бабину Главу, Мрамор, Алие, Куршумлие, Ак-Паланку, Пирот, а 29 декабря овладели Нишем. Овладение этим городом имело важное значение для хода сербских военных операций, оно позволило армии закрепить достигнутые успехи, после чего она устремилась на юг в сторону легендарного Косова поля.

19 января 1878 г. в Адрианополе между Россией и Турцией было заключено перемирие, а через несколько дней, 22 января по приказу русского главнокомандующего Сербия также прекратила боевые действия. Начались дипломатические переговоры о возможном территориальном расширении Сербии.

Программным документом сербского правительства, в котором были определены претензии Сербии, явилось решение совета министров от 3 января 1878 г.: в предварительных условиях перемирия требовать передачу Нового Пазара, а в предложениях к мирному договору выставить независимость Сербии, присоединение к княжеству Старой Сербии в размерах Косовского вилайета с добавлением Видина¹³.

Эта программа была сообщена великому князю Николаю Николаевичу, который ответил, что для решения подобных вопросов не имеет дипломатической власти и рекомендовал сербскому князю обратиться с ходатайством в

Петербург¹⁴. 13 января 1878 г. Персиани, по просьбе князя телеграфировал в Петербург, что согласно рекомендации великого князя главнокомандующего, «князь Милан взывает к великодушью государя-императора, прося для Сербии при заключении мира независимости и присоединения Косовского вилайета в нынешних границах»¹⁵. На полях этой телеграммы Александр II написал: «Мы их не забудем»

На следующий день Персиани сообщил, что для уточнения притязаний Сербии он потребовал у Ристича карту косовского вилайета, которую направил в Азиатский департамент¹⁶. Персиани отмечал что претензии Сербии вызовут протест Австро-Венгрии. Следует отметить, что сербское правительство параллельно с просьбами к русскому императору (к которому для урегулирования всех проблем 20 января был направлен Милан Протич) вело переговоры с Австро-Венгрией по вопросу о Боснии. Австрийская дипломатия продолжала проводить политику, направленную на то, чтобы подчинить Сербию своему влиянию и настроить ее против России. Наотрез отказав Сербии в каких-либо претензиях на Боснию, Андраши всеми силами толкал Сербию на юго-восток, обещая поддержать ее претензии в этом направлении, а кроме того туманно намекал на возможность передачи Сербии части Ново-Пазарского санджака¹⁷.

Истинные же намерения Австро-Венгрии хорошо видны из письма Вреде к Андраши от 24 января (5 февраля) 1878 г. В нем он с радостью отмечает, анализируя итоги русско-турецкого перемирия, что, во-первых то, что для Сербии предусмотрено лишь незначительное расширение границ, вызвало горькое разочарование сербов. обиду на Россию, а во-вторых, вызвало озлобление против болгар. Заявляя, что общественное мнение Сербии начинает определенно выступать против России, Вреде пишет «считаю возможным, что Сербия в ближайшее время будет искать сближения с Императорской и Королевской монархией (Австро-Венгрией - Л.К.), и нам лишь следует, как подсказывает опыт, подождать, когда это стремление недвусмысленно проявится»¹⁸.

Вреде был прав, весть о том, что Сербия лишь незначительно увеличится по условиям перемирия, вызвала печаль и недоумение в Сербии. Единственным, пожалуй, кто ожидал подобного исхода, был министр иностранных дел Сербии Йован Ристич, которого предупреждал об этом Персиани. Особое недовольство вызвало предполагаемое присоединение к будущему болгарскому княжеству освобожденного сербами с боями Ниша.

Идея включить Ниш в состав Болгарии принадлежала князю Черкасскому, который с в своей записке от 18 декабря 1877 г. «некоторые соображения по поводу принятия Сербиею участия в Восточной войне»¹⁹, а также в письме к Г.И. Бобрикову в конце декабря 1877г. утверждал, что Ниш должен отойти к Болгарии, а Бобрикову предлагал пост Нишского губернатора. Соображения князя Черкасского были высочайше одобрены, а проведение в

жизнь его предложения ограничить район занимаемых сербскими войсками «районов Болгарии» передавались на усмотрение главнокомандующего 3 января 1878 г.²⁰ Г.И. Бобриков осуждая это решение писал: «только одним крайним увлечением идеальной Болгарией можно было объяснить возможность включения Ниша в состав нового болгарского государства»²¹.

Для переговоров по поводу Ниша, а также других спорных территорий с письмом от князя Милана в ставку главнокомандующего русской армией был направлен полковник М. Лешанин. Ему были даны инструкции «в крайнем случае» объявить, что сербская армия будет защищать Ниш, даже если придется сражаться за него с русской армией²².

Князь Милан обратился к русскому командованию с протестом против предполагаемого включения Ниша в состав Болгарии, а также телеграфировал Протичу в Петербург, чтобы тот сообщил русскому правительству, что если Сербия не получит Нишского пашалыка и, в особенности, самого Ниша, это будет для нее серьезным ударом²³.

Русская дипломатия и, прежде всего, Игнатьев и Нелидов при заключении Сан-Стефанского договора пошли навстречу Сербии и оговорили включение Ниша и Лесковца в состав Сербского княжества. Но именно в переговорах по поводу Ниша четко выявилась позиция сербского правительства, подталкиваемого Австро-Венгрией: если не удалось получить Боснию и распространиться на запад, любыми способами добиваться расширения границ на восток и юго-восток, даже если придется пойти на конфликт с Россией.

После заключения Сан-Стефанского договора (19 февраля 1878 г.) Андраши усилил нажим на Сербию, заявляя, что сербы могут продвигаться хоть до Софии, если примут предлагаемые Австро-Венгрией условия²⁴.

После заключения Адрианопольского перемирия (19 января 1878 г.) и вплоть до подписания Берлинского трактата (1 июля 1878 г.) просматриваются два различных варианта решения судьбы Сербии - русский и австрийский. Если Россия на всех стадиях дипломатических переговоров требовала предоставления Сербии независимости, то Австро-Венгрия предпочла бы видеть Сербию по-прежнему вассальным княжеством. Министр иностранных дел России А.М. Горчаков, инструктировал 30 марта 1878 г. русского посла в Вене Е.П. Новикова о русской позиции в связи с возражением Австро-Венгрии против некоторых статей Сан-Стефанского договора: «взятые в целом, предложения австро-венгерского правительства являются чрезмерными, они низводят Сербское и Черногорское княжества до вассального состояния. И, по сути дела, отдают Австро-Венгрии всю западную часть Балканского полуострова»²⁵. Здесь выражена суть основных положений, по которым развернулась борьба русской и австрийской дипломатии в отношении Сербии. Россия всеми силами старалась отстоять для Сербского княжества часть территории Старой Сербии, Ново-Пазарского санджака. Австро-

Венгрия же, твердо рассчитывая прибрать санджак к рукам, и в качестве компенсации предлагала Сербии претендовать на расширение на восток.

Овладение Ново-Пазарским санджаком было составной частью австрийского плана продвижения на Балканы. Главной составляющей этого плана была оккупация Боснии и Герцеговины, что было оговорено в ряде русско-австрийских соглашений накануне войны 1877-78 гг. Вся политика Австро-Венгрии была направлена на осуществление экономического захвата балканского плацдарма, усиление политического влияния на Балканах. Важной задачей было для нее строительство железной дороги, дающей выход к Эгейскому морю.

Австро-Венгрия в период между Сан-Стефано и Берлином любыми способами старалась подчинить Сербию своему влиянию, настроить сербское правительство враждебно к России. Но и сами сербские правящие круги, и прежде всего князь Милан Обренович, также шли на сближение с Австро-Венгрией, полагая, что она поможет им противостоять создаваемому Россией новому сильном государству - Болгарии. В сербской историографии утвердилось мнение, что русская дипломатия увлеченная идеей создания великой Болгарии, не проявляла интереса в усилении Сербии, и, фактически, толкнула ее в австрийский лагерь²⁶. Изучение источников свидетельствует о том, что, напротив, русские дипломаты максимум пытались удовлетворить сербские интересы, зачастую нарушая существенные предварительные договоренности.

Еще в ходе переговоров Н.П. Игнатьева с при о выработке условий Сан-Стефанского договора, турецкие представители решительно выступили против русских предложений о территориальном расширении Сербии²⁷. Особое сопротивление у них вызвал пункт о совместной сербо-черногорской границе. Они заявили, что «не могут согласиться на проведение границы, которая, делая смежными территории Сербии и Черногории, полностью изолирует Боснию и Герцеговину от остальной части империи»²⁸. Продолжая настаивать на своих условиях, Россия делала все возможное для того, чтобы создать для Сербии условиями Сан-Стефано благоприятные условия для последующего увеличения государства. Прежде, всего это выразилось в том, что вопреки русско-австрийской договоренности в Рейхштадте и тайной Будапештской конвенции (1877 г) по условиям Сан-Стефано предоставлялась автономия Боснии и Герцеговине. Таким образом, создавались реальные условия для подготовки последующего отделения Боснии и Герцеговины от Османской империи и соединения этих провинций с Сербией и Черногорией.

Прекрасно понимая такую перспективу, министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши начал борьбу против решений Сан-Стефано по вопросу Боснии и Герцеговины, завершившуюся в Берлине австрийской победой - решением конгресса об оккупации Боснии и Герцеговины австро-

венгерскими войсками. С этого времени и вплоть до 1918 г. Босния и Герцеговина перешли под управление Австро-Венгрии (аннексированы в 1908 г).

Не менее острой была борьба России против попыток Австро-Венгрии утвердиться в Ново-Пазарском санджаке, или как именовалась в ходе переговоров эта территория - «анклав». Стратегическая важность «анклава» для Сербии состояла в том, что это была предполагаемая пограничная территория между Сербией и Черногорией. Территория эта, являясь частью т.н. Старой Сербии имела и важное культурно-историческое значение для сербов и черногорцев. Здесь располагались церкви, монастыри, памятники средневекового сербского государства, павшего в результате турецкого завоевания. Австро-венгерское правительство боялось объединения Сербии с Черногорией и создания таким образом сильного государства с программой дальнейшего территориального расширения. Такое государство могло бы оспорить у Австро-Венгрии ее права на Боснию и Герцеговину и помешать реализации ее планов относительно Балканского полуострова в целом.

В марте 1878 г. в Вене на переговорах с русским представителем Н.П. Игнатьевым австро-венгерский министр иностранных дел заявил, что «... требует изменения западной границы, не желая уступать Сербии Новый Базар и Митровицу с прилежащими округами, а намереваясь присоединить их к Австро-Венгрии ... Признавая, однако же, справедливым дать Сербии вознаграждение, он предлагает взять его у Болгарии, отняв у сей последней Вранью, Тырн и даже Пирот ...»²⁹. Таким образом Андраши стремился осуществить сразу несколько задач: лишить Сербию возможности стать сильным государством, заполучить стратегически и экономически важные районы «анклава». Одной из далеко идущих целей было намерение воспрепятствовать славянскому единению на Балканах, и столкнуть сербские и болгарские интересы по вопросу совместной границы, заложив тем самым основу для будущих болгаро-сербских конфликтов.³⁰

Соглашаясь пойти на уступки Австро-Венгрии по ряду вопросов Горчаков и Александр II категорически отказывались удовлетворить австрийские претензии на «анклав».³¹ Русская сторона считала, что если не удастся передать Ново-Пазарский санджак Сербии и Черногории, то лучше оставить его в составе Турции. Причины такого решения, отражены в решении совещания в высших русских правительственных сферах от 15 апреля 1878 г.: «Что касается анклава между Сербией и Черногорией, то, если он не представляет серьезной материальной выгоды, он имеет для них большое моральное значение. Пока эта полоса земли находится в руках турок, оба княжества могли не в ущерб своему будущему терпеливо выжидать, когда настанет для них время действовать, уверенные в том, что когда-нибудь они завладеют этой полосой земли и соединятся в бассейне Лима. Кстати, эта территория была оставлена Порте Сан-Стефанским трактатом только потому, что Босния и

Герцеговина все еще принадлежали Турции. Но с того момента, как анклав перейдет к Австро-Венгерской империи, оба княжества становятся австро-венгерскими анклавами³² (подчеркнуто в документе -Л.К.).

Русская позиция, таким образом, объективно отражала интересы Сербии и Черногории, защищала от австрийской экспансии, превращения их в «буферные территории». Дальновидность русской дипломатии в этом вопросе основывалась на хорошем знании военно-политических амбиций Австро-Венгрии, ее стремления к гегемонии в Юго-Восточной Европе. Россия собиралась несмотря на протесты Австро-Венгрии отстаивать права Сербии на ту часть Ново-Пазарского санджака, которая принадлежала ей по Сан-Стефанскому договору, но помехой здесь явилась позиция сербского руководства, которое в поисках австрийской поддержки само отказалось от территории санджака. Австрийский чиновник Швегель, обсуждавший с министром иностранных дел Сербии Й. Ристичем условия австро-сербского соглашения сообщал накануне Берлинского конгресса Андраши: «Что касается вопроса территориального увеличения Сербии, то г. Ристич заявил, что Сербия в нашу пользу отказывается от той части санджака возле Нового Пазара, которая ей досталась по Сан-Стефанскому миру, с тем, чтобы при нашей поддержке получить компенсации в направлении юго-востока»³³. Как известно, Берлинский конгресс подтвердил эту договоренность, а также решил участь «анклава» в пользу Австро-Венгрии. Русская дипломатия считала эту уступку очень серьезным поражением для Сербии³⁴.

Вместе с тем, Россия решительно противилась австрийскому намерению компенсировать Сербии потери в санджаке за счет земель, отошедших по Сан-Стефано Болгарии. Вопрос о сербо-болгарской границе рассматривался в представленной на высочайшее имя записке русского военного представителя в Сербии полковника Г.И. Бобрикова от 20 апреля 1878 г.³⁵, в которой отмечалось: «при несомненной важности установления дружественных отношений между Сербией и Болгариею. Особое значение имеет точное и справедливое проведение их международной границы. Чрезвычайно трудно заметить, где предел одной народности и начало другой. Чрезвычайно трудно заметить, где предел одной народности и начало другой. Вследствие отсутствия резких естественных рубежей на сопредельном пространстве, обе народности соприкасаются друг к другу широкой полосой, где национальные цвета рода и обычая бледнеют, а переход от сербских селений к болгарским делается незаметным. Пятисотлетнее ярмо ислама было направлено здесь к сглаживанию национальных особенностей христиан, а расселением между ними арнаутов и черкесов турецкая администрация стремилась объединить их в единое стадо - райю»³⁶.

Россия не занимала и в этом пограничном споре «антисербской» позиции. Создание Великой Болгарии, действительно стояло на первом месте в

русских планах, об этом прямо говорили сербским представителям русские дипломаты, объясняя общую международную обусловленность необходимости этого решения. Но интересы Сербии учитывались Россией не только в отношении ее западных рубежей, но и в определении ее восточной границы. Так, вопрос о Врanye Россия обещала пересмотреть в пользу Сербии³⁷.

Между тем под предлогом помощи Австро-Венгрии Сербия на Берлинском конгрессе быстро шло сближение представителей этих двух стран. Особая роль в переориентации сербской внешней политики на Австро-Венгрию принадлежит князю Милану, который не считал нужным скрывать недовольство русскими решениями. Так в беседе с английским представителем Джернингамом 20 мая 1878 г. он заявил, что «его главная цель – добиться благосклонности великих сил и доказать любым способом, что он не игрушка в русских руках»³⁸.

19 февраля (3 марта) 1878 г. был подписан Сан-Стефанский предварительный мирный договор между Россией и Турцией. Договор предусматривал создание большого Болгарского государства, автономию Боснии и Герцеговины, независимость Румынии. Сербия и Черногория по договору также получали полную независимость и существенное увеличение своих территорий. Согласно договору Сербия и Черногория получали общую границу в районе Нови-Пазарского санджака и, таким образом, были созданы условия для их возможного объединения в одно государство.

Но условия Сан-Стефанского договора вызвали резко негативную реакцию европейский великих держав. Великобритания ввела флот в Мраморное море, Австро-Венгрия объявила о мобилизации своей армии. Россия оказалась перед угрозой войны с коалицией европейских государств и Турцией. Замаячила перспектива второй Крымской войны и России пришлось согласиться на пересмотр условий договора в Сан-Стефано.

Внешнеполитическая ситуация для России оставалась сложной. После подписания 18 мая 1878 г. англо-русского соглашения 1878 г. русский военный министр Д.А.Милютин считал, что даже в случае войны с Австрией у России есть верный союзник в лице Сербии и Черногории, выступление которых «заставят австрийцев считаться с лишними 50-60 тысячами союзного нам войска».³⁹ О том, что русское командование рассчитывало на поддержку Сербии свидетельствует записка командующего русской армией на Балканах Э.И.Тотлебена на имя императора Александра II от 1 июня 1878 г., одобренная государем.⁴⁰ Тотлебен подробно анализировал положение Сербии в случае войны: «Положение ее в случае войны с Австрией делается совершенно иным. При состоянии ее вооруженных сил Сербия не в состоянии оказать против австрийских войск никакого сопротивления в поле. Но она может бороться в крепостях. Такое сопротивление, хотя в конце концов и должно будет кончиться тем, что австрийские войска одержат верх, но упорная борьба сербов

может иметь весьма важное значение и в политическом, и в военном отношении»⁴¹. Далее в записке подробно разбирается план предполагаемых совместных действий русских и сербских войск. С целью выяснения положения сербской армии и ее возможностей в Белград был командирован штабс-капитан Чичагов⁴², а затем и отставной генерал Р.А. Фадеев.

Приведенные данные свидетельствуют, что Россия не только не оставила Сербию, но напротив считала ее своим верным союзником в случае военной опасности. Вопрос о судьбе Боснии Герцеговины был центральным на протяжении всего восточного кризиса 1875-1878 гг. Именно события боснийско-герцеговинского восстания ознаменовали собой новый этап национально-освободительной борьбы на Балканах. Судьба Боснии и Герцеговины обсуждалась на особом совещании у императора, проходившем 27 мая 1878 г. в Царском Селе. На совещании констатировалось, что поскольку не создается единая целостная Болгария, то Россия считает себя свободной от обязательств по поводу предполагаемой аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Было решено также неуклонно отстаивать на Берлинском конгрессе интересы Сербии и Черногории⁴³. Д.А.Милютин писал по этому поводу: «Важно не позволить Австро-Венгрии запустить свою немецко-мадьярскую лапу вовнутрь Балканского полуострова»⁴⁴.

Для решения всех вопросов судьбы европейских владений Турции в июне 1878 г. в Берлине был созван конгресс, в котором приняли участие помимо Турции и России – Германия, Великобритания, Австро-Венгрия, Франция и Италия. Представители балканских народов к участию в работе конгресса допущены не были. Итак, судьба Сербии и Черногории, как и других балканских территорий решалась великими державами.

Русская делегация на Берлинском конгрессе столкнулась с сильным противодействием великих держав, каждый пункт договора приходилось отстаивать с боем. Сербские интересы были важным пунктом русской позиции, но сами сербские представители в это время старались заручиться поддержкой Австро-Венгрии.

Положение России на берлинских переговорах было весьма сложным, надо было максимально отстоять решения Сан-Стефано, и вместе с тем не допустить создания антирусской военной коалиции. Защита интересов балканских славян - была одной из главных задач России в ходе работы Берлинского конгресса.

Министр иностранных дел Сербии, выдающийся дипломат, Й. Ристич был допущен к работе конгресса лишь в качестве уполномоченного, не имеющего права голоса. Он развернул активную закулисную работу, встречаясь и советуясь с представителями великих держав.⁴⁵ В историографии утвердилось мнение, что Ристич добился для Сербии очень многого, ибо Сербия единственная из балканских стран. Которая получила в Берлине большие территори-

альные приращения, чем по Сан-Стефано (с 8 тыс. кв.км до 11 тыс кв.км.). Но для этого ей пришлось пойти на кабальные условия договора с Австро-Венгрией. А также пожертвовать общей границей с Черногорией.

Русские представители на конгрессе были единственными, кто, отстаивая сербские интересы, выступил против попытки заставить Сербию выплатить дань Турции, которую она не платила с начала кризиса 1875-1878 гг.

Главным итогом для Сербии Восточного кризиса 1875-1878 гг. было обретение государственной независимости. Сербское княжество, а с 1882 г. – королевство, стало полноправным европейским государством. Именно с этой точки зрения следует оценивать роль России в сербском вопросе в ходе кризиса, войны и мирных переговоров. Несмотря на некоторое охлаждение официальных русско-сербских отношений после 1878 г., понимание исключительной роли России в деле восстановления сербской государственности всегда существовало в сербском народе. Решения Сан-Стефанского договора было воспринято сербскими политиками того времени как «драма» Сербии. Ее «национальная катастрофа». Период между заключением Сан-Стефанского и Берлинского договоров продемонстрировал расхождения между Россией и Сербией, связанные с неудовлетворенностью сербского правительства русской позицией по территориальному вопросу. После подписания Берлинского договора начинается фактическое охлаждение русско-сербских официальных отношений.

Представленные выше факты показывают, что это охлаждение наступило значительно раньше. Многие, что объединяло славянские и православные народы Сербии и России не означало полного взаимопонимания в области политики и политических обязательств обеих сторон. Представление об «обязанностях» России по отношению к славянским народам Османской Турции вовсе не означало для сербского правительства взаимных обязательств по отношению к России.

Примечания

- 1 См. анализ историографии: Кузьмичева Л.В. Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875-1876 гг. Автореферат диссертации. М., 1986.
- 2 Душан Берий. Српско питање и политика Аустроугарске и Русије 1848-1878. Београд, 2000. С.542.
- 3 Србија 1878. Документи. Београд. 1978. Док. 373.
- 4 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. III, М., 1967, док.108.(Далее - ОБТИ)
- 5 См. Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г.// Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. с.77-98.
- 6 См подробнее о русско-сербских отношениях в период русско-турецкой войны 1877-78 гг.: Кузьмичева Л.В. Русско-турецкая война 1877-78 годов и Сербия. //«Славянский альманах». 1996». М.,1997. С.68-86.
- 7 Писма Филипа Христића Јовану Ристићу .Београд.1953, № 160.
- 8 Ристић Ј. Дипломатска историја... књ.2, С.58-63.

- 9 Д.А.Милютин. Дневник. М.,1947. Т.2 . С.203.
- 10 Бобриков Г.И. В Сербии. СПб., 1891, С.15.
- 11 Записи Еврема Грујића. Београд,1923, С.301.
- 12 Историја српског народа. Београд,1981. Књ- 5, Т.1, С.399.
- 13 Записници седница министарског Савета Србије. 1862-1893. Београд, 1952, С.338.
- 14 Записи Еврема Грујића... С.315.
- 15 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Ф. Канцелярия, 1878, Д.17. Л.53.
- 16 Там же, Л.49; См. подробное описание границ Косовского вилайета (Нишский, Призренский, Скопленский и Новопазарский округа) и Старой Сербии утвержденных на заседании Совета министров Сербии 16 января 1878 г. //Србија 1878. Док.13.
- 17 Србија 1878. Док. 5; АВПРИ. ф. Канцелярия. 1878 г., д.17, л.51.
- 18 Србија 1878. Док. 24.
- 19 Особое прибавление к Описанию русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове - вып.6., Спб.,1911, С.237 -240.
- 20 Бобриков Г.И В Сербии... С.140-142: ОБТИ, т.» № 369.
- 21 Бобриков Г.И В Сербии... С.142.
- 22 Историја српског народа. Београд,1981 Књ- 5, Т.1, С.406.
- 23 Србија 1878. Док. 31,33,34,37.
- 24 Там же. Док.223 (условиями Австрии были - заключение льготного торгового договора, преимуществе при получении железнодорожных концессий и т.п.)
- 25 ОБТИ. Док. 34.
- 26 Наиболее фундаментальным исследованием этого периода в сербской историографии является монография Владимира Стоянчевича - Стоянчевич В. Сербия и Бугарска од Сан-стефанског мира до Берлинског конгреса. Београд, 1986.
- 27 Доиссения Игнатъева Горчакову от 7, 14, 18 февраля 1878 г. - ОБТИ. Т.П,М.,1963, док. № 455, 474, 487; Игнатъев Н.П. Сан-Стефано. Пг.,1916, С. 105,131,185-197, 265-295.
- 28 ОБТИ. Т.П, Док. № 487.
- 29 Игнатъев Н.П. После Сан Стефано.Пг.,1916, С.26-27.
- 30 Последнее намерение вполне удалось: сербо-болгарский пограничный спор послужил одной из причин сербо-болгарской войны 1885 г., а затем и второй балканской войны 1913 г. Во время первой и второй мировой войн Сербия (затем Югославия) и Болгария воевали друг против друга.
- 31 ОБТИ. Т.Ш, Док. № 34 (Инструкция А.М. Горчакова Е.П. Новикову о переговорах с Андраши от 30 марта 1878 г.)
- 32 ОБТИ. Т.Ш, Док. № 44.
- 33 Там же. Док. № 226.
- 34 Шувалов П.А. О Берлинском конгрессе. - «Красный архив»,Т.4 (59).М..1933.
- 35 Особое прибавление к Описанию русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове - вып.5., Спб.,1904, С.152-155.
- 36 Там же. С.152.
- 37 Србија 1878. Документи. Београд, 1978, Док. 123,153.
- 38 Там же, Док. 213.
- 39 ОБТИ. Т. Ш, № 67.
- 40 Особое прибавление ... , вып. III. С. 111-119.
- 41 Там же. С.117.
- 42 АВПРИ, Ф. Отчеты МИД. 1878, ЛЛ.183 об. -184.
- 43 ОБТИ.Т.Ш, № 68 (Инструкция особого совещания при Александре II русским уполномоченным на Берлинском конгрессе).
- 44 Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютин. ТТ.1-4. М.,1947-1950. - Т.3. С.70.

-
- 45 Ристић Јован. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875-1876. Т.2.С.184-242.

Освободительная борьба Черногории 1876-1878 гг. — накануне и во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Вступление в апреле 1877 г. в войну России с Турцией было с восторгом встречено в Черногории. До этого времени на протяжении почти двух лет черногорцы героически сражались против османской армии. Хотя первое время после восстания в Герцеговине в 1875 г. Черногория была вынуждена сохранять нейтралитет, многие черногорцы отправлялись в Герцеговину, чтобы принять участие в освободительной борьбе. В августе 1875 г. князь Николай принимает решение о вооруженной поддержке восстания.

После апрельского восстания 1876 г. в Болгарии война становится неизбежной. В июне 1876 г. Черногория и Сербия начали вооруженные действия. Численность черногорского войска составляла 19 тысяч человек вооруженных 8 тыс. скорострельных ружей, а остальные 11 тысяч - штуцерами.¹

На герцеговинском фронте первую крупную победу черногорцы одержали 16 июля 1876 г. при Вучем Доле, разбив наголову османскую армию под командованием Мухтара пашы. Эта победа была с большим воодушевлением встречена среди славянских народов. Болгарский поэт Иван Вазов обратился к черногорцам со стихотворением «Черная Гора». Он приветствовал черногорцев как представителей героического народа, одержавшего победу в битве при Вучем Доле, которую сравнивал со сражением спартанцев при Фермопилах. В связи с этим поэт восклицал: «Поздравляем твои высоты, горы, низины и в них героев, рожденных гобю».²

На Албанском фронте Порты обрушила против Черногории 42-тысячную армию (по некоторым сведениям – 52 тыс.). Ввиду превосходства турецких сил черногорцы заняли оборонительные позиции в неприступных горах, преградив путь в Черногорию. Российский военный агент полковник А.А.Боголюбов, который прибыл в Цетинье 7 августа 1876 г., назвал принятый князем Николаем образ действий «справедливым». Он отметил, что действия черногорцев «оправдываются не только тем, что они численно слабее турок, но и особенностями их тактики, вследствие коей оборонительный бой для черногорцев обещает несравненно больше успеха, чем наступательный. Тактика эта заключается в выборе позиций на неприступных, скалистых горах, крайне затруднительных для турок, в первоначальном отступлении фронтальных частей и затем, по истечении известного времени, в общей отчаянной атаке ятаганами с фронта и флангов. Их страшные атаки холодным оружием грозят туркам верным истреблением».³

Черногорцы осадили крепость Медун и препятствовали сообщению ее гарнизона о Подгорицей. 2 августа 1876 г. снова была одержана победа над 12-15-ти тысячной османской армией, сделавшей попытку совершить прорыв из Подгорицы в Медун. Бои развернулись в скалистой местности. Черногорцы открыли огонь по продвигающимся османским силам. Используя горные условия, они начали атаку сначала с фронта и левого фланга, а затем обрушились с правого фланга на обращенных в бегство османских солдат и стали их уничтожать. Турецкие потери составили 5300 человек. У черногорцев было 250 человек убитых и 350 раненых.⁴

После решительных поражений, понесенных Османской империей в Герцеговине и Северной Албании, турецкие генералы долгое время не решались возобновлять наступательные действия. Все их внимание было обращено на усиление боеспособности армии. Порта назначила на албанский фронт нового главнокомандующего, старого врага черногорцев Дервишпашу, возглавлявшего в прошлом против них карательные походы. Первоначально новый главнокомандующий ограничился продвижением своих войск, на которое черногорцы ответили сильной пушечной стрельбой. 25 августа 1876 г. произошло решительное сражение при Рогами, 3-х тысячный отряд под командованием воеводы Божо Петровича нанес сокрушительное поражение 11-ти тысячной османской армии. Под прикрытием своего огня османские солдаты стали спускаться в долину реки Зеты и затем пытались взобраться на противоположные крутые скалы. Черногорцы трижды оставляли и вновь занимали свои позиции. По прибытии подкрепления со стороны Медуна они перешли в стремительную атаку. Обрушившись с холодным оружием на противника, черногорцы обратили его в бегство. Чтобы спастись, турки бросались в реку и сотнями тонули. Согласно оценке А.А.Боголюбова, «ожесточение, с которым дрались черногорцы, превосходит всякое вероятие».⁵ Турки потеряли 2 тыс. убитыми и утонувшими, не считая раненых. Потери черногорцев – 66 убитыми и более 150 раненых.

На Герцеговинском фронте войска под командованием Мухтара паши заняли лишь самую незначительную часть черногорской территории. Черногорцы перекрыли важнейший путь к Никшичу. На албанском фронте Дервишпаше так и не удалось снять блокаду с Медуна, хотя он пожертвовал жизнью еще 4 тыс. солдат. 8 октября 1876 г. гарнизон Медуна сдался черногорцам.⁶

Таким образом, во время войны черногорцы нанесли существенный урон османской армии. Ее потери составили от 10 до 15 тыс. убитыми. Черногорское войско потеряло 923 убитыми и 1500 человек было ранено. В результате успешной борьбы Черногории удалось добиться освобождения от османской власти части пограничной территории Шкодринского санджака. Во время боев было продемонстрировано превосходство черногорской так-

тики, основным принципом которой являлось нанесение удара по противнику внезапной атакой.⁷

Война против Османской империи значительно исчерпала боевые и продовольственные запасы, на приобретение которых были потрачены все средства Черногории, а также значительные денежные суммы, ассигнованные Россией. Часть денег поступила за счет сборов, организованных российской общественностью. Русское правительство помогло и в организации медицинского обслуживания населения и раненых. Российское общество попечения о раненых и больных воинах и славянские Комитеты направили в Черногорию несколько санитарных отрядов, снабженных всем необходимым для оказания медицинской помощи в полевых условиях. В Цетинье была открыта больница, с началом военных действий преобразованная в госпиталь, и два лазарета: в Грахове и Жупе. После прибытия первого санитарного отряда (с начала 1876 г.) на протяжении восьми месяцев в них находилось на излечении 1058 больных. Значительно сократились смертные случаи. Во время амбулаторного приема врачи оказали медицинскую помощь 16373 человекам.⁸ Князь Николай в разговоре с уполномоченным общества попечения о раненых и больных воинах С.Ф.Панюгиным дал высокую оценку налаженной Россией медицинской помощи: «Ваши госпитали – сколько они принесли нам добра и пользы! Какой уход за ранеными. Мы никогда не видели ничего подобного. Никому не отказывается в помощи. В вашу амбулаторию приходят со всех сторон больные массы».⁹

С вступлением Черногории в войну и увеличением числа раненых русское правительство согласилось расширить состав медицинского персонала. В июле 1878 г. в Черногорию прибыл профессор Медико-хирургической академии Н.В.Склифосовский, который был назначен главным врачом. В первых числах августа были открыты лазареты в Даниловграде, где находился центральный перевязочный пункт, и в Негушах. Врачи выезжали в действующую армию для оказания помощи раненым. В августе 1876 г. был организован подвижный санитарный отряд в составе двух врачей - В. Зальца и И. Унковского, а также двух фельдшеров.

Во время боев под Медуном Зальц оказывал первую помощь на поле сражения. Затем на носилках, иногда верхом на лошадях или же пешком раненых отправляли в Даниловград – в 6 - 7 часах пути. Унковский перевязывал раненых во втором перевязочном пункте при действующей армии на южной границе Черногории.

В Даниловграде прием раненых производил Я. Петкович. Им оказывали первую помощь, а затем многих отправляли на дальнейшее лечение в госпиталь в Цетинье. Легко раненых, а также тех, которых было нельзя транспортировать, оставляли в Даниловграде. За период с 6 августа по 6 октября 1876 г. в лазарете была оказана медицинская помощь 1210 человекам. В обслу-

живании раненых Петковичу помогал герцеговинец Йован Дреч, студент 4-го курса Московского университета. Последний взял на себя все хлопоты по хозяйственной части – доставку перевязочных средств, а также связь с перевязочными пунктами, где оказывали первую помощь Унковский и Зальц.¹⁰ «Деятельность и рвение всех этих докторов заслуживает величайшей похвалы: можно смело сказать, что они спасают Черногорию не одну сотню людей», – указывал А.А.Боголюбов.¹¹

В сентябре 1876 г. черногорцы продолжали оказывать сопротивление османской армии на герцеговинском и албанском фронтах. Но к туркам все время подходили подкрепления, а у черногорцев при каждом столкновении «вырывается из рядов сотня людей, которых заменить некем. К тому же они терпят всевозможные лишения от голода, от недостатка одежды и пр. Нельзя не удивляться и не любить этих железных людей, но всему есть предел и, как я уже вам писал, мир необходим, чтобы положить конец бесполезному кровопролитию и окончательному разорению страны», – сообщил С.Ф.Панютин председателю общества А.К.Баумгартену.¹²

Наступившее двухмесячное перемирие (с 21 октября 1876 г.), затем продленное до 17 февраля 1877 г., прервало военные действия. Но надежды Черногории на уступки ей Портой некоторой пограничной территории не оправдались. Поэтому черногорское правительство прервало переговоры в Константинополе. Таким образом, Черногория так и не подписав мирного договора с Турцией, снова возобновила военные действия. Однако теперь ей, истощенной в военной кампании, предстояло одной противостоять превосходящим силам противника, так как в феврале 1877 г. Сербия, подписав мир, вышла из войны.

13 апреля 1877 г. в Цетинье было получено известие об объявлении Россией войны Турции. Это событие было с большой радостью встречено черногорцами. «Стрельба в городе из ружей и револьверов, крики живио и пр.», – так описывал настроение народа очевидец событий.¹³ На следующий день князь Николай обратился с Манифестом к народу, объявив, что «великая братская Россия», взялась за оружие, вынужденная к тому Портой, чтобы добиться того, чего не могла достигнуть мирными средствами. Он призвал черногорцев доказать в борьбе своим героическим поведением, что они достойны своих предков.¹⁴

Во время русско-турецкой войны Россия стала оплачивать военные расходы Черногории. Еще накануне войны 3 декабря 1876 г. Александр II отдал распоряжение об отпуске Черногории 1 млн. рублей, на которые был закуплен хлеб и частично покрыты военные расходы. В Черногорию были отправлены восемь пароходов, груженных мукой, с общим грузом 700 тыс. пудов. Всего за период с конца 1876 г. по 1878 г. Россия предоставила княжеству 4 829 639 рублей, не считая денег, поступивших за счет средств, соб-

ранных российской общественностью.¹⁵ 4 июня 1877 г. Боголюбов докладывал Милютину, что продовольственных средств должно хватить черногорцам на 2 месяца, а затем потребуются «новые денежные затраты и новая помощь»¹⁶

После вступления России в войну турецкое командование решило принудить Черногорию к капитуляции, чтобы затем перебросить войска на Дунайский фронт. Возглавить наступление должен был опытный полководец Сулейман паша. Общее количество войск, сконцентрированных против черногорцев, составляло 52 тыс. человек, что почти в три раза превышало черногорские силы – 17 тыс. человек.¹⁷

В мае 1877 г. османские войска начали с трех сторон наступление на Черногорию, чтобы решительными действиями быстро расправиться с ней. Главную опасность представляли османские силы под командованием Сулеймана паши, которому удалось прорваться в Никшич и снабдить продовольствием турецкий гарнизон. Это придало силы туркам. Сулейману паше удалось совершить прорыв у Крстаца, и он двинулся на соединение с другими османскими войсками. По словам очевидца, никто не предвидел вторжения турок, так как не подозревали, что Сулейман паша решится покинуть Герцеговину, чтобы ударить по Черногории. «Ожидались стычки при снабжении Никшича, но и тут никто не сомневался в успехе черногорцев, так как Дужское ущелье такое непроходимое место, что в прошедший год горсть (в несколько сотен) усташей никогда не пропускала турок. Нынче же в этих неприступных местах у князя было 12 тыс. хорошо вооруженного войска».¹⁸

Пропустив неприятеля у Крстаца, черногорцы потерпели поражение у Пресеки, а затем – Острога. В начале июня османские войска вступили в Белопавлическую долину. Впереди шли башибузуки, которые все сжигали на своем пути. Долины Белопавличей и Лукова были сожжены дотла, Васоевичи и Жупа - тоже. Население бежало в горы не успев захватить ничего с собой. На левом берегу Зеты было сожжено 2/3 сел. Сгорел и Острожский монастырь. Пришлось срочно вывозить госпитали из Острога и Даниловграда. Черногорские войска отчаянно сопротивлялись, но их силы были сильно истощены. В особенности ожесточенные сражения происходили со 2-го по 9-е июня 1877 г. – «9 кровавых дней».¹⁹

Используя свое численное превосходство, османские войска вошли в долину реки Зеты и стали продвигаться к столице Черногории. 9 июня российский генеральный консул в Дубровнике А.С.Ионин телеграфировал в МИД: «Черногория находится в критическом положении. Если турки соединенными силами пойдут на Цетинье, то успех их вероятен».²⁰ В это время османские войска с трех сторон угрожали черногорцам. Войска Сулеймана паши продвигались навстречу с Мехмедом Али, который двигался по долине реки Морачи, и Али Саибом, прилагавшим все усилия, чтобы овладеть

высотами, господствующими на юге над долиной Белопавичей. Войскам Сулеймана пашы и Али Саиба удалось соединиться, и они начали угрожать Цетинью. «Черногорцы пришли в замешательство», – констатировал А.С.Ионин.²¹

После взятия Острога Австро-Венгрия и Италия пытались воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы заставить Черногорию при их содействии заключить сепаратный мир с Портой. Князь Николай понимал, что державы стремятся запугать Черногорию и вынудить ее заключить под их покровительством мир.²² Но вместо того, чтобы подорвать мужество черногорцев, эти предложения Австро-Венгрии и Италии способствовали его укреплению. Черногория отказалась от каких-либо переговоров о сепаратном мире. Черногорцы продолжали стойко отражать натиск османских войск. К этому времени русская армия успешно совершила переправу через Дунай. Известие о переправе русских войск подняло мужество черногорцев. 16 июня они нанесли поражение османской армии в долине Морачи.²³

Переправа русской армии через Дунай вынудила Порту перебросить войска Сулеймана пашы на Дунайский фронт (41 батальон направлен в Болгарию и 7-в Боснию). Против Черногории было оставлено 23-х тысячное войско.²⁴ Это позволило черногорцам перейти в контрнаступление. Благодаря содействию России подготовка к военным действиям была осуществлена в довольно обширных размерах. В это время Черногория имела до 5 млн. патронов. Черногорская армия располагала всего 16 орудиями. В августе 1877 г. из России были доставлены 4 пушки с 2 тыс. снарядов к ним. Для обучения стрельбе из русских орудий были направлены два артиллерийских офицера – капитаны Гейслер и Циклинский с семью фейерверкерами. Русские артиллеристы прошли с черногорской армией весь боевой путь до окончания военной кампании.²⁵

Наступательные действия Черногория начала в направлении Никшич – Бар, так как оно имело большое значение для выхода к Адриатическому морю. Решающую роль при штурме Никшича сыграли русские артиллеристы, прибывшие к городу 8 августа 1877 г. 23 августа османский гарнизон капитулировал. 3-тысячный гарнизон Бара оказывал сопротивление в течение двух месяцев. Решение о взятии русскими войсками Плевны вызвало у князя Николая решение сузить кольцо блокады. 28 декабря гарнизон Бара сдался. В январе 1878 г. был освобожден Ульцинь. Таким образом, была освобождена значительная часть Приморья до реки Бояны. На албанском фронте черногорские войска осадили Подгорицкий лагерь османских войск.

Военные действия Черногории были приостановлены начавшими переговорами о мире между Россией и Турцией.

Заслуги Черногории в борьбе с Турцией были высоко оценены русским командованием: «Несмотря на отдаленность ее от главного театра войны, ее

ополчения принесли существенную помощь общему делу, долго удерживая перед собой армию Сулеймаа паша и до конца войны отвлекая на себя часть сил Турции» - отмечал российский военный агент полковник А.А.Боголюбов.²⁶ Участие Черногории совместно с Россией в войне против Турции имело для нее значительные последствия. Черногория стала суверенным государством, а ее территория была увеличена почти в два раза. В результате присоединения части Адриатического побережья с портами Бар и Улцинь, она получила выход к морю. Благодаря этому были созданы более благоприятные условия для социально-экономического развития государства.

Примечания

- ¹ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878 гг. М., 1978. С.109-110.
- ² Вазов И. Събрани съчинения. В 22-х тт. София. Т.1. С.129. Июль 1877.
- ³ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск V. СПб., 1904. С. 311-312. А.А.Боголюбов военному министру Д.А.Милютину 11 (23) VIII 1876 г.
- ⁴ Там же. С. 310 - 314. А.А. Боголюбов - Д.А. Милютину 17 (29) VIII 1876 г.
- ⁵ Там же. С.315 - 319. Его же, 26 VIII - 7 (IX) 1876 г.
- ⁶ Там же. С. 339 - 340. Его же, 17 (29) 1876 г.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Отчеты МИД, 1876. Л. 332 об.
- ⁸ Голос, 28 IX 1876 г.; Хитрова Н.И. О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. //Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 206-207.
- ⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 277. Оп. I. Д.71. Л.142-144. С.Ф.Панютин русскому генеральному консулу в Рагузе А.С.Ионину, 26 V (7 VI) 1876 г.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1750. Д. 84.Л. 128-130 об.; Д. 86. Л. 32-33. Я. Петкович председателю Московского славянского комитета И.С. Аксакову, 12 (24) X 1876 г.
- ¹¹ Особое прибавление...С. 318. А.А. Боголюбов - Д.А. Милютину, 26 VIII (7 IX) 1876 г.
- ¹² РГВИА. Ф. 277. Оп. I. Д. 71. Л. 568-570. С.Ф.Панютин - А.К.Баумгартену, 4 (16) IX 1876 г.
- ¹³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. В 3-х тт. М., 1964. Т. 2. С. 24. Уполномоченный Российского общества попечения о раненых и больных войнах. К.А.Бух - неизв. лицу, 16 (28) IV 1877 г.
- ¹⁴ Никола I Петровић. Целокупна дјела, Београд, Књ. V. С. 420.
- ¹⁵ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах.С. 110 - 111.
- ¹⁶ Особое прибавление. С. 7 - 9. А.А.Боголюбов - Д.А.Милютину, 4 (16) IV. 1877.
- ¹⁷ Освобождение Болгарии. М., 1964. Т. 2. С. 113; А.А.Боголюбов указывает цифру в 48 тыс. Особое прибавление. С. 11. Его же, 4 (16) IV 1877 г.
- ¹⁸ ОР Российской государственной библиотеки. Ф. 43. П. 7. Д. 17. Учительница в Цетинье Н.П.Пацевич - К. А. Буху. 6 (18) VI 1877 г.
- ¹⁹ Освобождение Болгарии. Т.2. С. 113.
- ²⁰ Там же. С. 112. А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, 9 (21) VI 1877 г.
- ²¹ Там же. С. 124. А.С.Ионин - А.М.Горчакову, 15 (27) IV 1877.
- ²² Там же. С. 125.
- ²³ Особое прибавление. С. 58 - 59. А.А.Боголюбов - Д.А.Милютину, 1 (13) XII 1877. XII 1877 г.
- ²⁴ Там же. С.25 - 27. Его же, 6 (18) VI 1877 г.

²⁵ Там же С. 7. Его же. 4 (16) VI 1877 г.; Освобождение Болгарии. Т.2 . С. 113, 115.

²⁶ Особое прибавление. С. 60 - 61. А.А.Боголюбов - Д.А.Милотину, 26. I (13) XII 1877 г.

Тверь и освобождение Болгарии. 1877-1878 гг.

Тверская земля неразрывно связана с Болгарией. Наш город Тверь — побратим Велико-Тырнова. Между двумя городами завязалось экономическое и культурное сотрудничество. Тверской университет имеет договор о сотрудничестве с университетом им. свв. Кирилла и Мефодия в Тырново. Ежегодно к нам приезжают студенты и преподаватели из Болгарии, студенты университета и Тверского филиала Академии славянской культуры изучают болгарский язык, бывают в Болгарии на практике. В ноябре 2002 г. администрация Твери совместно с университетом проводила научную конференцию, посвященную освобождению Болгарии. Мы пригласили представителей из Велико-Тырнова, в составе делегации был и митрополит Григорий. Это не первый визит болгарских гостей в наш город. История нашей дружбы началась со времен русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Военным действиям на Балканах, как известно, предшествовали длительные дипломатические переговоры, но, к сожалению, возникший Восточный кризис не удалось разрешить мирным путем. В 1875 г. поднялись повстанцы в Боснии и Герцеговине, а вскоре начались военные действия в Сербии. Накалялась обстановка и в Болгарии. В апреле 1876 г. здесь также началось восстание, но правительство Османской империи жестоко подавило его. Вся европейская пресса сообщала о зверствах турок в Болгарии. Погибли и стали жертвами террора свыше 30 тысяч безвинных мужчин, женщин и детей. Десятки народных героев погибли на виселицах, сотни были отправлены в ссылку и на каторгу.

Сведения, поступающие из Болгарии о продолжавшихся жестокостях, всколыхнули широкие слои русского общества. То, что это было искреннее и прочное чувство самого народа, признавали многие современники. Иван Сергеевич Аксаков на заседании Московского славянского благотворительного комитета говорил: «Наше народное движение изумило не одну Европу, но и русское общество, то есть образованный, мыслящий слой России, именно тем самым, что оно было народное, не в риторическом, а в точном смысле этого слова».

В Тверской губернии о событиях на Балканах стало известно из газет и рассказов людей, связанных с руководителями Славянского благотворительного комитета. Секретарём Московского комитета был Нил Александрович Попов, выпускник Тверской гимназии, а в то время — профессор Московского университета. Он часто бывал в Твери, поддерживал переписку с родными и друзьями, приезжали в губернию и члены комитета. Характери-

зую настроения в Твери, один из корреспондентов комитета писал Попову: «В настоящее время наше сочувствие основывается не на родстве с южными славянами, а на чувстве гуманности — в более образованной среде, с примесью сознания единства веры в простом народе».

О роли Славянских комитетов в те годы в жизни России точно сказал русский философ В.С. Соловьев в статье «Народная беда и общественная помощь»: «Славянские комитеты удовлетворяли сперва нашему славянолюбию лишь в скромных размерах... но, когда в 1876 г. разнеслись по России вести об избиениях в Болгарии и возникло сильное и, по крайней мере, некоторое серьезное стремление помочь избиваемому народу, те же самые славянские комитеты, над которыми года два перед тем покойный Катков в качестве реального политика издевался, как над пустою затеею «старца Погодина и его молодого друга Нила Попова», вдруг выросли и стали руководящею общественною силою и увлекли за собою самого Каткова в числе прочих».

В начале лета 1876 г. комитеты обратились с воззванием: «Люди русские, да не оскудевает и ныне ваша помогающая рука. Вы спасли от голодной смерти многих и очень многих, бежавших из Боснии и Герцеговины. Теперь не оттолкните от вашего сердца и припавших к ним болгар!»

Обращение комитетов быстро распространилось по стране. Кто и как организовывал сбор пожертвований в Тверской губернии? Данные об этом можно получить из архивных документов. Сохранилось несколько дел в фонде канцелярии Тверского губернатора, датируемых 1875—1880 гг. Чтение и анализ этих дел показывают, что Тверской губернатор Афанасий Николаевич Сомов как председатель Тверского управления общества попечения о раненных и больных воинах 13 июля 1876 г. издал за № 3570 предписание об открытии сбора добровольных пожертвований в пользу больных и раненных на Балканском полуострове.

Правительство, встревоженное действиями на местах, решило проконтролировать деятельность славянских комитетов, и 3 августа 1876г. был издан циркуляр Министерства внутренних дел. В нем указывалось, что «до сведения государя императора дошло, что настроение, возбужденное в русском обществе событиями, происходящими на Балканском полуострове, принимает столь широкие размеры, что не только устраивают в некоторых местах по этому поводу собрания без разрешения начальства, но и самый сбор пожертвований в пользу славян южных славян производится иногда неправильно».

Губернатору предлагалось контролировать сбор пожертвований и проведение собраний выдачей письменных распоряжений. По уездам 16 августа было разослано губернаторское распоряжение о том, что все желающие пожертвовать в пользу славян должны быть направляемы исправником к местным предводителям дворянства, или городским головам, или волостным старшинам. Частным лицам разрешалось производить подписку и сборы

денег и вещей только при получении письменного удостоверения, причем исправник обязан «сообщать подробные сведения о нравственных качествах и благонадежности лица, предполагающего принять на себя труд пожертвований»¹. То есть сбор пожертвований возглавили губернские чиновники.

Позднее, 18 августа, на имя губернатора от председателя Комиссии по сбору пожертвований в пользу страждущих семейств славян Боснии, Герцеговины и Болгарии, состоящей при С-Петербургском отделе Славянского благотворительного комитета, Т.И. Филиппова поступило официальное письмо, датированное 31 июля 1876 г. К нему прилагались конверты с печатными воззваниями комитета и подписными листами для сбора пожертвований. Филиппов просил губернатора сделать распоряжение о рассылке конвертов к волостным старшинам. Тверской губернатор 27 августа разрешил рассылку подписных листов по уездам, но указывал, что «подписка эта ни в коем случае не должна быть принудительной»². Деньги предлагалось отправлять либо в Тверь, либо по адресу славянских комитетов, а исправников обязывали вести учет пожертвований и доставлять сведения губернатору. На основе их донесений можно получить достоверные факты о реальной помощи тверитян южным славянам.

В те годы в Тверской губернии было 12 уездов, в них проживало 1,5 миллиона человек. В губернском городе значилось около 30 тыс. человек. Численность дворянского сословия была невелика: менее 1% от общего числа жителей губернии, но именно они были самыми активными при сборе пожертвований. В губернии было проведено несколько концертов с приглашением столичных артистов, поставлены любительские спектакли, организованы городские гуляния и танцевальные вечера, полученные средства передавались в комитеты. В целом это составило более 2,5 тыс. рублей. Значительные поступления были от торговых городов: Корчевы, Кашина, Вышнего Волочка, Осташкова. Земские собрания Бежецка, Кашина и Вышнего Волочка постановили пожертвовать из сумм земства 3 тыс. рублей. Поступали пожертвования от чиновников, которые просили отчислять процент от жалования. Даже тверские арестанты собрали 52 рубля. От евреев, проживавших в Твери, поступило пожертвований в пользу славян 71 руб. 80 коп.

Тверские крестьяне жертвовали от 3 до 50 копеек. В деле имеется уникальный текст приговора Кузьминского волостного схода от 22 августа 1876 г. В нем сказано, что уполномоченные Кузьминской волости Вышневолоцкого уезда единодушно постановили собрать с 1774 душ по 3 копейки серебром, в итоге было собрано 82 рубля. В подписных листах кроме денег указаны вещи, принесенные крестьянами. Среди них рубахи, подштанники, полотенца, много белого холста, ниток, бинтов, корпии. Мастера с. Кимры Калязинского уезда отправили в Московский славянский комитет 401 пару сапог, из них 20 пар офицерских.

В целом, по моим подсчетам на основании сведений исправников, было собрано около 10 тыс. руб. Точные подсчеты сделать невозможно, так как часть денег поступала непосредственно в комитеты от их членов, собиравших деньги в кружки в базарные дни, в церквах и просто на улицах.

Сохранилось любопытное дело о сборе пожертвований в г. Старице сестрой старицкого помещика доктора математики Сергея Валентиновича Де-Роберти, Марией Валентиновной Ватсон, которая была членом дамского кружка Петербургского славянского комитета. Эта история, рассказанная старицким исправником почти как детектив, показывает, что отношение к кружечному сбору со стороны начальства не всегда было положительным. Власти боялись народных волнений, поэтому не разрешали молебствия и панихиды на соборных площадях, где, естественно, могло собраться много народу. Сбор пожертвований проходил в основном осенью 1876 г.

С объявлением войны Турции началась мобилизация, многие тверские крестьяне оказались на войне, об их судьбах мы почти ничего не знаем, и сегодня сохранились лишь устные воспоминания о предках-воинах. О тверских дворянах — участниках русско-турецкой войны известно больше.

Уже в начале войны, 25 июня 1877 г., Передовой отряд под командованием генерал-лейтенанта Иосифа Владимировича Гурко освободил древнюю столицу Болгарии город Тырново. При этом русские войска почти не имели потерь. Жители Тырново радостно встречали русских солдат: дома и балконы были украшены гирляндами цветов. Эта встреча запечатлена на многих художественных полотнах, имя генерала любимо и почитаемо болгарами. Самая красивая улица Тырново носит имя Гурко. Судьба связала жизнь И.В. Гурко с тверской землей: здесь, в своей усадьбе Сахарово, рядом с Тверью, он и захоронен. Сейчас восстановлена домовая церковь Гурко, расчищен парк, в местном музее хранится архив генерала, его книги и вещи, свидетельствующие о боевых заслугах. Ежегодно представители болгарского посольства возлагают цветы на могилу генерала. Осенью 2003 года митрополит Велико-Тырновский Григорий отслужил здесь молебен и подарил храму икону.

Во взятии Плевны участвовал наш земляк А.Н. Куропаткин, тогда 30-летний начальник штаба 16-й пехотной дивизии генерала М.Д. Скобелева, впоследствии военный министр России. Недавно на могиле Алексея Николаевича Куропаткина в с. Наговье Торопецкого района Тверской области, рядом с его родовой усадьбой, был торжественно открыт памятник талантливому полководцу в связи с его 150-летним юбилеем.

Под Плевной героически сражались и другие наши земляки: Константин Николаевич Манзей, генерал-адъютант, командир Гвардейского корпуса (его родовое имение — Боровно, Вышневолоцкий уезд); Александр Алексеевич Свечин, генерал-лейтенант, командир 2-ой гренадерской дивизии (родовое имение — Дубровка, Новоторжский уезд); сестра милосердия и

создательница общества сестер милосердия «Утоли моя печали» княгиня Софья Александровна Шаховская, урожденная Олсуфьева (родовое имение — Горицы, Корчевской уезд); сестра милосердия баронесса Юлия Вревская (родовое имение — Малинники, Старицкий уезд) и другие.

Ужас той войны запечатлел для потомков великий художник Василий Васильевич Верещагин, происходивший по материнской линии из дворян Калязинского уезда Тверской губернии. Знаменитый дипломат, посол в Константинополе граф Николай Павлович Игнатьев тоже связан с Тверской землей, его родовая усадьба — село Чертолино Ржевского уезда.

Судя по тверским газетам, русско-турецкая война волновала общественность. Газеты печатали официальные сводки с мест событий, сообщали о главных сражениях и потерях. На страницах газет мы встречаем и статьи о географическом положении Болгарии, ее экономике, о ситуации в сельском хозяйстве. Печатались также этнографические заметки.

Весть о заключении мира 3 марта 1878 г. радостно встретили в Твери. «Тверские губернские ведомости» писали: «На другой день, рано утром, уже дома на главных улицах расцвелись флагами, появились даже флаги на церковных храмах и как знаменательно развевались они на высоте храмов, как бы подтверждение того, что Русская православная Церковь сердечно сочувствует освобождению восточных христиан от мусульманского ига! При встрече все поздравляли друг друга с радостной вестью, а вечером зажглась иллюминация, и народ гулял до поздней ночи, оглашая улицы криками ура».

И через 125 лет после тех грозных событий дружба русского и болгарского народов, Твери и Велико-Тырнова не слабеет, а крепнет и приобретает новые качества.

Примечания

¹ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 792. Л. 8.

² Там же. Л. 11.

Берлинский конгресс 1878 г.: первый опыт балканского миротворчества

18 декабря 1906 г. в итальянской Палате депутатов с программной речью выступил министр иностранных дел страны Т. Титтони. Непосредственным поводом к этому послужила яркая речь депутата от крайне левого крыла Барцилаи, поставившего под сомнение необходимость членства Италии в Тройственном союзе. Министр - что вполне понятно – выступил в защиту внешнеполитического курса правительства и вообще излучал оптимизм. Он солидаризировался с оценками, уже звучавшими из уст его германского и австрийского коллег Б. фон Бюлова и А. Эренталя о необходимости тесных союзных отношений между Италией, Германией и Австро-Венгрией. Он заверил депутатов, что внешняя политика Рима останется неизменной и будет заключаться в искреннем поддержании как Тройственного союза, так и дружбы с Францией и Англией; причем, по его словам, лучшим примером подобного дружественного соглашения служит как раз представленный на утверждение парламентом англо-итальянский трактат об Абиссинии. С Австрией у Италии имелась не менее дружественный и взаимовыгодный «уговор» – по поводу сохранения статус-кво в Албании. Что же касается в целом балканских дел, то, по словам главного итальянского дипломата, его страна сочувствует разумному применению принципа национальностей на Балканском полуострове. В этом вопросе, - продолжал он, - Италия находится в единомыслии с другими державами, подписавшими Берлинский трактат, которые, вверив Австрии и России специальные полномочия по выполнению Мюрцштегской программы, тем не менее, не отказались от права подавать свой голос в балканских делах.¹

Какую роль в балканских делах сыграл проходивший с 13 июня по 13 июля 1878 г. Берлинский конгресс? Какое направление дал он балканскому миротворчеству – став, по сути, его первым опытом? На этот счет в накопившейся обширной историографии имеются подчас диаметрально противоположные мнения.

По оценке российского историка В.Н.Виноградова, именно в результате подписания 13 июля 1878 г. Берлинского трактата «рухнула доктрина статус-кво, препятствовавшая развитию полуострова, подкреплявшая османскую власть в регионе...»²

Британская исследовательница Миранда Виккерс подчеркивает, и, видимо, во многом даже преувеличивает влияние решений Берлинского конгресса на пересмотр внешнеполитических приоритетов России. По ее словам, «Берлинский конгресс более или менее заглушил амбиции России на Балканах. И она была вынуждена с этого времени переключить свое вни-

мание на восточное направление, где вскоре вступила в конфликт с молодой японской державой».³

А Колин Шиндлер в своей статье на такую, казалось бы, весьма далекую от Берлинского конгресса и Балкан тему, как политическая история Израиля 90-х годов XX в., прямо призывает использовать опыт Берлинского конгресса для решения современной палестинской проблемы. «Почему великие державы, передавшие, согласно Берлинскому договору от 1878 г., Болгарию болгарам и Сербию сербам, не могут вернуть Палестину евреям?» – задается он хоть и спорным, но базирующимся на исторических аналогиях вопросом.⁴

Хватает в историографии и сугубо эмоциональных оценок. Так, французский историк А. Мале полагает, что, «вернув Македонию под владычество султана, Европа по наущению Англии и Австрии вопиющим образом нарушила требования гуманности».⁵ Однако подобные констатации насколько могут быть по-человечески понятны, настолько бессмысленны, когда речь идет о глобальных вопросах большой европейской политики.

Говоря о Берлинском конгрессе как о первом опыте балканского миротворчества, необходимо, прежде всего, отметить ту масштабную предварительную подготовительную работу, которую провели практически все его участники из «концерта великих держав» - и которой подчас так не хватает сегодня, когда тот же «концерт» (пусть и называющийся по-другому – например, Контактной группой) слишком часто навязывает балканским странам сырые, плохо согласованные и не закреплённые документально решения, что приводит к срыву широко разрекламированных международных форумов, дальнейшей эскалации конфликтов и даже к последующему одностороннему вооруженному вмешательству одного отдельно взятого военно-политического блока. Уровень подготовки международных конференций по Косово в Рамбуйе и Париже в начале 1999 г. не идет ни в какое сравнение с качеством подготовительной работы, проведенной накануне Берлинского конгресса – да и их решения по своей проработанности и долговременности сравнить трудно.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что сам Берлинский трактат стал своего рода верхушкой айсберга, в основе которого находились скрытые от постороннего взгляда двусторонние торги, согласования и взаимные уступки. По инициативе председательствовавшего на конгрессе германского канцлера О. Бисмарка, участники форума всячески избегали дискуссий на открытых заседаниях. Как только намечались противоречия, вопрос снимался с обсуждения и переносился на уровень частных переговоров заинтересованных делегаций. И лишь после достижения согласия он вновь ставился в официальном порядке «для официальной формулировки решения».⁶ Более того, как справедливо подчеркивает американский исследователь в области международных отношений Сидней Фей, «почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных перегово-

ров; таким образом конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился Бисмарк, чрезвычайно старавшийся удовлетворить интересы как Австрии, так и России». ⁷ Последняя мысль, правда, представляется не столь очевидной – принимая во внимание характер принятых в итоге решений и наступивший затем кризис в российско-германских отношениях. Впрочем, «сан-стефанская» Болгария – способная стать региональным гегемоном – не отвечала интересам отнюдь не только Австро-Венгрии или Англии – занявших в период подготовки Берлинского конгресса наиболее жесткую позицию. И в Афинах, и в Белграде, и в Бухаресте также негативно отнеслись к условиям Сан-Стефанского договора ⁸; а значит, настаивая на его полной реализации, Россия рисковала наряду с одним – пусть и мощным – союзником – обрести на Балканах враждебный блок. Тот же самый блок, который, кстати, спустя 35 лет поставил ту же Болгарию на грань военной катастрофы в дни второй Балканской войны 1913 г.

Берлинский конгресс действительно явил собой международный форум, лишь засвидетельствовавший предварительно проделанную его участниками гигантскую подготовительную работу. Каждая из великих держав готовилась по-своему, но придавая одинаково большое значение предстоящим решениям – выходящим далеко за рамки собственно Балкан. Преддверие Берлинского конгресса – это не только дипломатические контакты, меморандумы и требования. Это срочные меры военно-политического характера, как, например, вотирование австрийской и венгерской парламентскими делегациями кредита в 60 млн. форинтов на пополнение запасов вооружений, это и послание английской королевы к очередной сессии национального парламента, из которого следовал вывод о грядущей мобилизации резервистов, это и приведение в боевую готовность румынской армии, и активная закупка Россией в США судов с прицелом на возможное начало общеевропейской военной кампании ⁹ и многие другие элементы – имевшие одновременно военно-прикладной и демонстративный характер. ¹⁰ В плане же, что называется, чистой дипломатии, непосредственной предтечей Берлинского трактата стал особый русско-английский меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 г. Именно этот документ формально закрепил пересмотр самого спорного положения Сан-Стефанского договора о расширенных границах Болгарского княжества. В обмен на это, а также на отказ от ряда завоеваний на кавказском фронте, Россия заручилось поддержкой со стороны Англии других положений Сан-Стефана. Конечным результатом сложной игры британской дипломатии стало приобретение Лондоном права занять стратегически важный остров Кипр – что предусматривалось тайным договором Англии с Османской империей от 4 июня 1878 г., содержавшим положение о британском содействии Порте в защите ее владений на Кавказе, но при этом признававшим передачу России Батума, Ардагана и Карса. Подписанное же 6 июня Англией и Австрией соглашение о совместной политической

линии на предстоящем конгрессе фактически стало завершающим документом, предопределившим решения, принятые в Берлине. Обе державы договорились не допустить расширения болгарской территории к югу от Балканского хребта. Кроме того, Австро-Венгрия заручилась британской поддержкой своих планов оккупации Боснии и Герцеговины.

Пожалуй, единственным моментом, когда ход заседаний Берлинского конгресса мог серьезно отклониться от заранее расписанного сценария, был связан с демаршем английского делегата Б. Дизраэли (лорд Биконсфилд) – пригрозившего 20 июня покинуть форум. Поводом послужили, как водится, дотошные британские журналисты, обнародовавшие содержание секретного русско-английского меморандума от 30 мая, но не знавшие о существовании англо-турецкой Кипрской конвенции от 4 июня. В результате английское общественное мнение стало обвинять Дизраэли в излишней уступчивости России – что и спровоцировало всплеск его активности в Берлине, в частности, по вопросу о статусе Восточной Румелии, судьбах Софийского санджака и сроках пребывания в Болгарии русских войск. В результате компромисс был достигнут на основе передачи Софийского санджака Болгарии при одновременном предоставлении Порте права вводить войска в Восточную Румелию. Что же касается продолжительности русского военного присутствия в Болгарии, то она была установлена в 9 месяцев – в отличие от полугодового срока, предусматривавшегося англо-австрийским соглашением от 6 июня.¹¹

Не допустить создания на Балканах региональной сверхдержавы¹² – пожалуй, именно этот принцип стал ключевым для подавляющего большинства участников Берлинского конгресса – за исключением представителей России и Болгарии.¹³ В течение трех месяцев до созыва Берлинского конгресса российская дипломатия в лице, прежде всего, бывшего посла в Турции графа Н.П.Игнатьева, пыталась уладить противоречия с Австро-Венгрией. Однако ему не удалось добиться от Вены согласия оставить в силе положения Сан-Стефанского договора касательно границ Болгарии. К тому же другие российские дипломаты, участвовавшие в балканском урегулировании – министр иностранных дел А.М.Горчаков и российский посол в Лондоне граф П.А.Шувалов – занимали более сдержанную позицию, понимая невозможность для истощенной войной России эффективно противостоять коллективной воле других великих держав.¹⁴ Для последних же «Великая Болгария» с выходом к Эгейскому морю являлась фактическим синонимом средиземноморской «Великой России». Кроме того, зафиксированная в Сан-Стефано болгаро-турецкая граница настолько приближалась к Константинополю, что создавала непосредственную угрозу как столице Порты, так и столь дорогим сердцу всей Европы Черноморским проливам. К тому же позиция Австро-Венгрии по своей сути вытекала из секретной русско-австрийской конвенции, подписанной в январе 1877 г. в Будапеште. В этом документе уже были прописаны и недопущение создания на

Балканах большого славянского государства, и нейтралитет Австро-Венгрии в русско-турецкой войне, и даже право Монархии Габсбургов оккупировать Боснию и Герцеговину.

Вряд ли стоит однозначно негативно оценивать стремление Европы уменьшить границы «сан-стефанской Болгарии» и еще по одной причине. Разве сам вышеуказанный принцип недопущения образования на Балканах региональной сверхдержавы не являлся главенствующим на общеевропейской и общемировой дипломатической сцене как до, так и после Берлина? И разве те же великие державы не предприняли в 1913 г. – после фатальной уже для Болгарии второй Балканской войны – немалые усилия для того, чтобы умерить чрезмерные аппетиты победивших союзников, отдавая себе отчет, что миру и стабильности на Балканах противопоказаны как чрезмерно усилившиеся, так и униженные страны и народы. Последующая роль Болгарии в первой мировой войне лишь подтвердила этот нехитрый тезис.

Именно Берлинский договор – предусматривавший создание на Балканах целого ряда национальных независимых государств – стал фактически первым документом во всемирной дипломатической истории, предусматривавшим международно-правовое обеспечение прав национальных меньшинств; когда, говоря словами Даниэля Филпотта, защита меньшинств, наконец, стала нормальным условием, возложенным на новые государства.¹⁵ Турция обязалась провести реформы местного самоуправления в областях, где проживало армянское население. В Болгарии, Восточной Румелии, Румынии, Сербии, Черногории, а также на всех территориях Османской империи провозглашалась полная свобода совести, все граждане вне зависимости от вероисповедания получали гражданские и политические права. Таким образом, религиозное, гражданское и политическое равноправие впервые документально провозглашались универсальными ценностями для Балкан вне зависимости от государственной принадлежности тех или иных областей. Статья 44 – обязывавшая Румынию обеспечить равные права проживавшим на ее территории евреям – прямо касалась так называемого «еврейского вопроса», традиционно не считавшегося особо актуальным для Балкан.

Представляется очевидным, что слабость и противоречивость решений Берлинского конгресса во многом явились следствием попыток нарисовать сбалансированную картину – в том числе в плане определения границ. Балканы – один из классических регионов на земном шаре, где границы, проведенные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнических проблем. Да и сами эти этнические границы очень часто носят условный характер, не учитывая национальную «чересполосицу», сложный процесс многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграни-

чительными линиями. Как справедливо пишет Ричард Дикинсон, принципы национально-государственного размежевания, провозглашенные в Берлине, в частности, являются неприемлемыми для африканских стран, поскольку культурные разломы заметны как между нациями, так и внутри их.¹⁶

Понятие «балканизация» - означающее подчас неконтролируемое и сопровождающееся кровавыми конфликтами дробление, распад существующих государственных образований, в последнее время стало весьма популярным и применяется отнюдь не только по отношению к балканскому региону. Не стал ли Берлинский трактат примером своеобразной насильственной «балканизации» сверху, когда из одной Болгарии делалось две, их границы искусственно сужались за счет возвращения под владычество султана македонских областей, когда сербский народ оказывался, по сути, разделенным на три части? При этом, создав на Балканах мозаику независимых, автономных, оккупированных и прочих государств, территорий и областей, державы-«миротворцы» в лучших традициях геополитики позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности «святая святых» – транспортные пути. Главная балканская водная артерия – Дунай – объявлялась нейтральной и свободной для судоходства от Железных Ворот до устья. Проход военных судов через черноморские проливы по-прежнему запрещался, и даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко (вольной торговой гавани) и должен был использоваться исключительно торговыми судами.¹⁷

Вряд ли серьезные основания быть недовольными решениями Берлинского конгресса имелись у трех балканских государств, обретших, наконец, международно-признанную независимость. Хотя даже в ходе заседаний в Берлине турецкий представитель попытался ограничить данные положения. В частности, был поднят вопрос о возможности сохранения за Константинополем права взимать с Румынии и Сербии дань под предлогом того, что их участие в войне не имело-де решающего значения. Что характерно, это требование было поддержано одним из английских делегатов лордом Солсбери. И лишь благодаря жесткой позиции России удалось пресечь попытки навязать Сербии и Румынии финансовые формы зависимости от Османской империи. Как заявил граф Шувалов, «румынская и сербская армии достигли серьезных успехов: одна овладела несколькими редутами в Плевне, а другая заняла и до сих пор еще занимает часть Оттоманской империи. Если бы, при наличии таких обстоятельств, княжества должны были бы еще, ценою денег, выкупать свою независимость, то пришлось бы спросить, что же они выиграли от войны».¹⁸ А глава сербского правительства Й. Ристич, выступая 25 июля 1878 г. на закрытом заседании народной скупщины в Крагуевце, следующим образом охарактеризовал значение принятых в Берлине решений для судеб своей страны: «Не следует думать, что завоевание независимости

– незначительный выигрыш. Не нужно это событие оценивать с точки зрения материальной и говорить себе: мы не будем больше платить ежегодно 40 000 дукатов в качестве дани и это все! Мы получили значительно больше! То, что означает свобода для каждого отдельного человека, означает она и для целого государства». ¹⁹

Теперь балканским странам предстояло употребить усилия на хозяйственное освоение приобретенных территорий, преодоление финансово-экономических последствий трехлетнего международного кризиса, решение накопившихся политических вопросов и новых межнациональных – то есть заняться тем, что с присущим им красноречием сербы называли «консолидацией военных завоеваний». ²⁰

Упоминание о возникших межнациональных проблемах отнюдь не случайно. В балканских условиях любое изменение политической карты и направления границ неизбежно добавляет сложности и пестроты в этническую мозаику. Намного сложнее стал национальный состав той же Сербии, территория которой увеличилась почти на 11,000 кв.км., а население – почти на 300,000 человек за счет присоединения четырех новых округов – Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого. ²¹ Впрочем, точные этнографические данные на сей счет получить было невероятно сложно вследствие активных переселенческих процессов, когда, в частности, приграничные области с Болгарией и Османской империей представляли собой «неустойчивый этнический и демографический пояс». ²²

Критики Берлинского конгресса и его решений традиционно используют в качестве одного из аргументов игнорирование великими державами так называемого албанского вопроса. Этот аргумент имеет под собой определенные основания. Во время работы Конгресса его делегатам направлялись петиции и послания лидерами албанского национального движения – оформлявшегося в это время в формате такой неоднозначной по своему составу и требованиям организации, как Призренская лига. Одним из первых требований лидеров албанцев стал проект объединения трех вилайетов Османской империи, где проживало большинство албанцев – Шкодринского, Ускюбского и Косовского – и придания статуса его административного центра Охриду. Впрочем, наиболее радикальные участники Призренской лиги вполне укладывались в формулу создания на Балканах «Великой Албании» – то есть объединения всех земель, на которых к тому времени проживали албанцы, но, правда, под верховной властью Константинополя. Одним из первых дипломатических шагов Лиги стало направление специального меморандума лорду Биконсфилду. В нем говорилось: «Не являясь и не желая быть турками, мы точно также будем сопротивляться всеми своими силами любому, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков, мы хотим быть албанцами». ²³ Албанские представители обращались напрямую

к председателствовавшему на Конгрессе канцлеру О. Бисмарку, однако именно он произнес крылатую фразу «албанская нация не существует»²⁴) Да и остальные участники форума трактовали понятие «Албания» скорее как географическое, а не национально-государственное.

Впрочем, подобный подход для того времени был по-своему обоснован – если учитывать реальную геополитическую ситуацию в Балканском регионе и вокруг него в те летние дни 1878 года. Берлинский конгресс – если рассматривать его как первый опыт балканского миротворчества – был призван, во-первых, положить конец кровопролитному Великому восточному кризису 1875-1878 гг. – вместившему в себя Герцеговинское восстание, сербо-турецкую войну, военные операции русской армии – а также создать в регионе и в Европе в целом новый баланс сил, учитывавший изменившуюся обстановку, и в первую очередь – военный и политический кризис Османской империи. Албанский же фактор – хотя и начинал уже заявлять о себе – все же не достиг такого уровня, чтобы заставить великие державы еще больше расширить без того обширный круг рассматриваемых непростых вопросов.

Впрочем, албанский фактор все-таки сыграл свою роль – но уже в контексте реализации решений Берлинского конгресса, что называется, «на месте». Обеспечение территориальных приращений Черногории сопровождалось весьма непростыми коллизиями, включившими в себя и действия не желавших считаться ни с какими международными решениями албанцев, и попытки Османской империи любыми путями затянуть реализацию невыгодных для себя положений, и продолжавшиеся закулисные маневры великих держав. Трудности с реализацией на практике пусть даже и максимально выверенных решений всегда представляли немалую проблему для международного миротворчества. В еще большей степени это традиционно относилось к Балканам, ибо – говоря прозвучавшими позднее жесткими, но не лишенными справедливости словами российского поверенного в делах в Черногории Н. А. Обнорского – «установившийся среди хорошо сложившихся культурных наций принцип международной этики по отношению к договорам, формулированный в свое время одним из величайших исторических народов – римлянами – «*pacta servanda sunt*» («договоры должны выполняться» – *Авт.*) – по-видимому долго еще будет чужд культурно слабым и не особенно твердым в морали народам Балканского полуострова».²⁵

И Сан-Стефанский договор, и Берлинский трактат предусматривали передачу ряда турецких территорий с преобладающим албанским населением соседним балканским государствам – Болгарии, Сербии и Черногории.²⁶ Это сразу же вызвало резкую негативную реакцию в рядах набравшего силу албанского национального движения, все активнее выступавшего за объединение всех албанских земель в одно государственно-политическое авто-

номное образование и противодействие планам великих держав и балканских государств добиться отторжения территорий, населенных албанцами. По последнему вопросу взгляды албанцев, разумеется, в принципе соответствовали интересам турецкого правительства (которое стремилось использовать албанское движение в целях сохранения территориальной целостности Османской империи), а также вписывались во внешнеполитическую стратегию некоторых великих держав, в первую очередь, Англии и Австро-Венгрии. Важнейшими пунктами программы созданной накануне начала работы Берлинского конгресса - 10 июня 1878 г. - в городе Призрен Албанской лиги стали следующие требования:

«1. Безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану

2. Борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий

3. Объединение всех населенных албанцами территорий (что традиционно трактовалось албанскими лидерами весьма расширительно – *Авт.*) в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором».²⁷

Участники собрания также направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса, турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. Кроме того, в Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдулем Фрашери.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей и даже добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса; великие державы – как уже отмечалось выше - отрицали факт существования албанской нации и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия. И хотя решение Конгресса о сокращении территории Болгарии тем самым оставляло стратегически важный район города Корча в составе Османской империи, Черногории передавались два города со смешанным албано-славянским населением - Плав и Гусинье, а Греции - значительная часть Эпира, в том числе с преобладающим албанским населением. Афинский корреспондент лондонской газеты «Таймс» сообщал о том значении, которое греческое руководство придавало «албанскому направлению» своей внешней политики, рассматривая присоединение города Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании.²⁸

Согласно последующим решениям Призренской лиги, в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление решениям великих держав и снабжавшиеся турецкими властями оружием и боеприпасами. Турки даже предложили руково-

дству Призренской лиги направить албанские отряды в Боснию и Герцеговину для организации отпора австро-венгерским властям, оккупировавшим эти турецкие провинции с санкции остальных великих держав, однако понимания не встретили. Константинополь не преминул использовать «албанский фактор» и для того, чтобы максимально затруднить греко-турецкое разграничение. Соответствующие переговоры начались 6 февраля 1879 г. в городе Превеза, но уже в следующем месяце они были прерваны по инициативе турецкой стороны, которая была осведомлена об отвечающем ее интересам и уже принятом на состоявшемся здесь же заседании отделения Призренской лиги решении оказать вооруженное сопротивление реализации любых решений, предусматривавших передачу Эпира Греции.

Но к лету 1879 г. в отношении оттоманского правительства к Призренской лиге произошли существенные изменения. В Константинополе требования албанцев стали воспринимать как все более серьезную угрозу внутренней стабильности Османской империи. Изменилось и отношение турецких властей к проблеме реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения с соседними государствами. Испытывая все возрастающее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность Империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, султанское правительство попыталось форсировать выполнение наложенных на него обязательств. В декабре 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой.

Однако албанцы заблокировали продвижение турецких отрядов и одновременно оказали противодействие черногорским войскам, попытавшимся в январе 1880 г. занять предназначавшиеся княжеству территории.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже подписанные ими договоренности. В апреле 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанских горных округов Хот и Груда, жители которых исповедовали католицизм.

Однако и реализация этого решения встретила сопротивление – явное со стороны албанских отрядов и тайное со стороны турецких властей, передавших албанцам оружие и боеприпасы и позволивших им занять оборонительные позиции турецкой армии (в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежавшем передаче Черногории).

Наконец, в июне 1880 г. Англия и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» еще раз перечертить карты. В результате Черногории предлагалось удовлетвориться стратегически важным портовым городом Улцинь (Дульциньо) вместе с прилегающей к нему территорией – что и

было реализовано теперь уже турецкими силами под командованием Дервиш-паши, занявшими город 22 ноября и через несколько дней передавшими его черногорским войскам.

Конечно, и помимо теоретической и практической условности территориального разграничения, игнорирования албанского вопроса и последующих сложностей вокруг черногоро-турецкого разграничения, в решениях Берлинского конгресса и в предшествовавшей его заключению сложной борьбе великих держав можно заметить и другие примечательные моменты, способных дать богатую пищу для критического анализа. Наибольшие выгоды – в том числе и материальные – извлекли две державы, не принимавшие, в отличие от России, никого участия в собственно военных действиях – Англия и особенно Австро-Венгрия. Последняя смогла утвердиться в двух важнейших стратегических районах Балкан – оккупированной ею Боснии и Герцеговине и Ново-Пазарском санджаке, разделявшем друг от друга обретшие, наконец, независимость Сербия и Черногорию – где Монархия Габсбургов получила документальное разрешение содержать воинские гарнизоны и сооружать железные дороги и прочие объекты гражданской и военной инфраструктуры.

Никуда не уйти и от того факта, что компромиссы, достигнутые друг с другом великими державами, фактически означали сохранение на беспоконной балканской земле старых узлов противоречий и возникновение новых. Под властью Османской империи была оставлена Македония, население которой принимало активное участие в антитурецкой борьбе. Как написал 24 июля 1878 г. И.С.Аксакову охридский митрополит Натанаил, те македонские болгары, которые героически сражались бок о бок с сербами и защищали Шипкинский перевал, «сегодня лишаются всего и остаются в еще более худшем положении и рабстве у своих пятивековых кровопийцев».²⁹ Аналогичные голоса раздавались и из тех районов Болгарии, которые Берлинский конгресс возвратил Османской империи. Как отмечалось, в частности, в прошении, адресованном российскому комиссару по Восточной Румелии А.М.Дондукову-Корсакову жителями Филиппопольской и Сливненской губерний, «население Южной Болгарии, просвещенное долгим опытом, зная, что подпадение снова под турецкую власть равносильно осуждению его на истребление, движимое посему чувством самосохранения, не может не противопоставить самого отчаянного сопротивления исполнению такого решения, которое для него есть осуждение на смерть».³⁰

Болгария не могла примириться ни с искусственным созданием Восточной Румелии, ни с передачей Румынии Северной Добруджи, ни с возвращением Османской империи македонских земель. В вопросе об освобождении Македонии из-под власти турок потенциальными союзницами Болгарии становились Греция и Сербия, но они же объективно должны были стать ее злейшими неприятелями в вопросе последующего дележа освобожденных

территорий. События первой и второй Балканский войн лишь проиллюстрировали эти две стороны решений, принятых в Берлине.

Другим негативным «детисцем» Берлина стало австро-сербское противостояние. Ему еще предстояло, что называется, «вызреть» - вначале на уровне общественного мнения, затем оформиться на уровне партийно-династическом. Австрийская оккупация Боснии и Герцеговины не только объективно переориентировала внешнеполитические приоритеты Сербии в южном направлении (на Македонию и Старую Сербию), но и создала благоприятную среду для оформления того клубка сербо-австрийских противоречий и взаимных обвинений, которому в итоге было суждено сыграть роковую роль в жаркие июльские дни 1914 г.

Еще одним – и, пожалуй, важнейшим итогом Берлинского конгресса и всего, что ему сопутствовало, – стало изменение глобальной расстановки сил в Европе. Конгресс стал последним международным форумом, в котором действия великих держав были в целом свободными от блоковой принадлежности. Уже на следующий год особые отношения между Берлином и Веней оказались закрепленными в виде союзного договора. Время «концерта» в составе шести солирующих великих держав уходило в прошлое. Отныне не получившие своего окончательного разрешения балканские проблемы становились заложниками глобального общеевропейского противостояния.

Примечания

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.511. Л.30.

² Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С.160.

³ Vickers M. The Albanians. A Modern History. London, New York, 1995. P.33.

⁴ Shindler C. Likud and the Christian Dispensationalists: A Symbiotic Relationship // Israel Studies, Vol. 5, 2000. P.158.

⁵ История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. 7 том. М., 1939. С.448.

⁶ История дипломатии. Том второй. М., 1945. С.48.

⁷ Фей С. Происхождение мировой войны. Т.1. М., 1934. С.55.

⁸ Согласно Сан-Стефанскому мирному договору от 3 марта 1878 г. (подписан в Сан-Стефано – совр. Ешилькёй, близ Стамбула), Болгария от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера провозглашалась автономным, хотя и номинально зависимым от Турции, княжеством с правом избрания князя. Турецкие войска должны были быть выведены с ее территории. Сербия, Черногория и Румыния получали независимость, а Босния и Герцеговина – автономию. Россия возвращала отторгнутую у нее по итогам Крымской войны часть Бессарабии по левому берегу Дуная (за исключением островов в дельте), а также приобретала Ардаган, Карс, Батум и Баязет (совр. Дугубаязит) – Подробнее см.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917. М., 1952. С.159-175.

⁹ Н.П.Игнатъев еще летом 1877 г. обсуждал этот вопрос даже непосредственно с английским военным агентом Уэлсли, заявляя тому, что война с Россией станет губительной для Британии, поскольку соединенный русско-американский флот парализует английскую торговлю и отрезет метрополию от ее колоний, породив тем самым социально-экономический и политический кризис в самой Англии, оставшейся без сырья – что, конечно же, было преувеличением – Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.255-256.

¹⁰ История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. 7 том. М., 1939. С.444.

¹¹ История дипломатии. Том второй. М., 1945. С.48-49.

- ¹² Берлинский трактат ограничил территорию Болгарии болгарскими областями к северу от Балканского хребта. Она провозглашалась автономным государством с правом выбора князя, который затем утверждался турецким султаном с согласия великих держав. Болгарские области к югу от Балканского хребта были объединены в Восточную Румелию, оставшуюся под властью султана, но получившую административную автономию. Одна из статей Берлинского трактата разрешала Порте вводить на ее территорию свои войска. Возвращалась Османской империи и Македония.
- ¹³ Представители балканских государств также были приглашены в Берлин, однако они не участвовали в непосредственной работе Конгресса.
- ¹⁴ Потери России только убитыми и умершими от ран и болезней превысили 200 тысяч человек – Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.254.
- ¹⁵ См.: Philpott D. Sovereignty: An Introduction and Brief History // *Journal of International Affairs*, Vol. 48, 1995.
- ¹⁶ Подробнее см.: Dickinson R. Overcoming Violence: A Historical Reflection on the Decade to Overcome Violence // *The Ecumenical Review*, Vol. 55, 2003.
- ¹⁷ Берлинский трактат подтвердил передачу России Батума, а также Ардагана и Карса с прилегающими областями, а вот Алашкертская долина и город Баязет возвращались Османской империи как результат вышеуказанных русско-английских договоренностей.
- ¹⁸ Цит. по: Русско-турецкая война 1877-1878. М., 1977. С.247.
- ¹⁹ Цит. по: Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия 1878-1903 гг. М., 1996. С.37-38.
- ²⁰ Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878-1918. Београд, 1983. С.50.
- ²¹ Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия 1878-1903 гг. М., 1996. С.37.
- ²² Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878-1918. Београд, 1983. С.8.
- ²³ Цит. по: Vickers M. *The Albanians. A Modern History*. London, New York, 1995. P.33.
- ²⁴ Castellan G. *L'Albanie*. Paris, 1980. P.10.
- ²⁵ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.3341. Л.27.
- ²⁶ Castellan G. *L'Albanie*. Paris, 1980. P.10.
- ²⁷ Reuter J. *Die Albaner in Jugoslawien*. Munchen, 1982. S.18. Образование единого албанского автономного вилайета также противоречило положениям Берлинского трактата, предусматривавшим проведение в Османской империи ограниченных административных реформ в рамках уже существовавшей территориально-государственной структуры Порты.
- ²⁸ Vickers M. *The Albanians. A Modern History*. London, New York, 1995. P.38.
- ²⁹ Македония. Сборник от документи и материали. София, 1978. С.344.
- ³⁰ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878. М., 1978. С.392. Европейская комиссия по Восточной Румелии также была создана на Берлинском конгрессе. В ее состав вошли представители России, Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Италии и Турции.

О некоторых аспектах влияния России в Болгарии в период 1879-1886 гг.

Задача настоящего материала рассмотреть некоторые аспекты русского влияния в Болгарии в период 1879 – 1886 гг. В означенный период отношения между Болгарией и России эволюционировали от близкого сотрудничества и взаимопомощи до разрыва дипломатических связей.

Эта проблема представляет значимый научный интерес в связи с необходимостью исследовать отношения между Россией и Болгарией в разные периоды их развития.

Влияние России на Балканах, особенно среди православных народов, было традиционно велико. Геополитические и стратегические интересы Российской империи еще со времен Петра Великого и Екатерины II определили ее политику постепенного вытеснения Османской империи из ее владений на Кавказе и северных берегов Черного моря. Другое направление этой политики нашло свое выражение в традиционной русской поддержке национально-освободительных движений славянских народов на Балканском полуострове.

Следует особо подчеркнуть, что влияние России в Болгарии после восстановления Болгарской государственности было прежде всего политическим. Оно выражалось в нескольких направлениях.

Во-первых, это подготовка кадров, в том числе и военных. В русских учебных заведениях особенно в Одессе, Киеве, Москве и в военных академиях Петербурга обучались и совершенствовали свою подготовку ряд представителей болгарского народа.

Во-вторых, это участие русских представителей и этнических болгар из России в строительстве восстановленного болгарского государства. Эти кадры находили применение в области администрации, образования и, прежде всего, в военном деле, они сыграли важную роль в жизни болгарского народа. Следует отметить, что военный министр Болгарского княжества был русским, и кроме него в подготовке Болгарской армии участвовали около 3500 русских офицеров.

В третьих, это широкая сеть русских дипломатических представительств, находившихся в Болгарии: посольство и пять консульств (кроме них с 1863 до конца русско-турецкой войны 1877/78 гг. существовало консульство России в Велико Тырново)¹. Дипломатические представительства России в Болгарии снискали уважение и авторитет среди болгарского населения еще до освобождения страны. К русским дипломатическим представителям простые болгары

могли обращаться с самыми разнообразными вопросами: жалобами, обращениями, посланиями к известным государственным и общественным деятелям России.

Также следует отметить, что после восстановления Болгарской государственности в результате русско-турецкой войны 1877/78 годов в Болгарии находилась резиденция русских специальных служб на Балканах.

Особое место занимало русское влияние по линии православной церкви. Оно выражалось не только в подготовке священников, печатании богослужебной литературы, производстве церковной утвари и одежды. Влияние России по линии церкви существенно возросло после назначения генерал-адъютанта графа Н. П. Игнатьева послом России в Константинополе и его активного участия в т.н. греко-болгарской церковной распри, в борьбе против католической и протестантской пропаганды. В этом отношении достаточно упомянуть сюжет с архимандритом Йосифом, игуменом болгарского Сокольского монастыря. После того как он был принят в Риме с необыкновенной торжественностью, посвящен в сан архиепископа всех болгар и вернулся в Константинополь, он исчез из болгарских земель и провел оставшуюся часть своей жизни в молитвах в монастырях Киева².

Известно, что император Александр III получил в “наследство” от своего отца благодарное своей освободительнице Болгарское государство; посольство России в Софии и русские консульства в Бургасе, Варне, Видине, Пловдиве и Русе были своеобразными штабами по выработке и принятию решений; каждое слово и желание русских представителей имели большое влияние на внутри и внешнеполитическое развитие Болгарии. Имя русского Императора и его представителей – премьер-министра, военного министра, других министров, руководителей ведомств и национальных служб, генералов и офицеров на службе в Болгарской армии и в указанных миссиях пользовалось огромным моральным и нравственным авторитетом и влиянием. Уважение простых людей к России было велико, и ее авторитет среди болгарского населения был бесспорным.

Возникает вопрос: почему Россия постепенно стала терять свое влияние в Болгарии?

Некоторые русские политики и дипломаты, в том числе и известный в Болгарии дипломат, генерал граф Н.П. Игнатьев считали, что Россия сама своей кадровой политикой уничтожила плоды своего труда и крови своих павших в Болгарии сынов.³ Историк С.Д.Сказкин писал в этой связи, что «Соболевы и Каульбарсы, Хитрово и Кумани, сильные дипломаты и brave генералы с истинно азиатским вероломством искоренили последние остатки русского влияния на Балканах»⁴. Наверно, в этих утверждениях была большая доля правды, но истинная причина была в другом.

Итак, почему же влияние России в Болгарии постепенно уменьшалось?

Ответ на этот вопрос неоднозначен. Может быть, основная причина этого явления была в том, что русское влияние в Болгарии строилось прежде всего на основе политики «чувств», на политике нравственного и морально-политического влияния, но не на базе экономических интересов Болгарии и России.

Рассматривая в самых общих чертах этот вопрос, следует подчеркнуть, что отдельные русские дипломатические представители хорошо понимали значение экономических связей для укрепления и усиления русского влияния в Болгарии. Они ставили эту проблему в своих донесениях и в годовых отчетах и обзорах миссий. В начале 1885 года, перед тем как вернуться на свое рабочее место, русский посол в Константинополе Александр Нелидов решает уточнить основные задачи и направления российской политики по отношению к Турции с учетом мнения МИД и Императорского двора. С этой целью он написал записку о задачах русской политики в Турции⁵. В записке посол рассматривает в основном два вопроса: занятие проливов и общая политика России по отношению к Турции и подвластному ее христианскому населению. Он совершенно правильно обращает внимание на стремление западных государств помешать русскому влиянию и занять стратегические позиции в экономике Османской империи. Именно из-за этого обстоятельства, благоприятные результаты последних русско-турецких войн, достигнутые военной силой, «должны были быть умеряемы сопротивлением и вмешательством Европы». В мирное время это стремление западных государств приобретает другие формы, еще более опасные для русского влияния на Балканах. Западные страны постепенно захватывают, под видом разных коммерческих компаний, промышленные и финансовые предприятия, все источники богатства Турции. В их руки переходят Оттоманский банк, железные дороги, косвенные налоги, табачная монополия и т.д. Западному проникновению способствуют также всевозможные благотворительные, религиозные, учебные и другие учреждения, чья деятельность направлена против русского влияния на Балканах и в Турции. Немецкие офицеры, например, находились на службе у султана, немецкие чиновники занимали видные места в главнейших ведомствах Османской империи и имели большое практическое и административное влияние на турецкую администрацию. Посол привлекает внимание русской элиты к этому факту, так как в интересах России следовало бы создать условия, которые ограждали бы Турцию от постоянно усиливающегося влияния Европы. Посол считает, что в этой ситуации Россия должна поддерживать хорошие отношения с Портой, «как для отвлечения ее от пристрастия к Западу, так и для отнятия у последнего предлогов возбуждать ее против русских». Сохранение подобных отношений ни в коем случае не должно отвлекать России «от неустанной и энергичной подготовки к будущим событиям, а равно как и удовлетворительного разрешения актуальных для России вопросов».

Посол Нелидов, хотя и косвенно, ставит вопрос об использовании рычагов экономического влияния.

Однако призывы русского посла не были услышаны: в 1885 г. политика накладывала вето на экономику.

Характерно и другое. Исчерпав типичные для арсенала дипломатии средства, некоторые представители МИД России в Болгарии использовали российский печатный орган для разъяснения широкой публике своих взглядов и предложений относительно возможного развития российско-болгарских контактов в экономической сфере, чтобы через специализированные печатные органы эта информация могла быстрее дойти до коммерческих организаций и структур России.

Вице-консул России в Бургасе Гартвиг был среди тех немногих русских дипломатов в Болгарии, которые понимали большое значение развития экономических связей между Болгарией и Россией. Его публикации в официальных русских изданиях⁶ ставили себе целью подготовить русское общественное мнение к более активной коммерческой деятельности России через болгарский порт Бургас. Русский дипломат рассказал в своих публикациях об усилиях, которые предпринимает руководство Восточной Румелии для развития железнодорожных связей с Бургасом, о возможностях дальнейшего развития и расширения этой черноморской пристани, чтобы она смогла принимать крупные суда. Дипломат Гартвиг обратился с призывом к русским коммерсантам воспользоваться этими благоприятными возможностями и построить складские помещения в Бургасе. Дипломат напомнил, что Болгария нуждается в иностранных инвестициях. Он особо подчеркнул, что в начале 1885 года болгаро-русские торговые связи осуществлялись через порт Бургас, но, к сожалению, пароходы русского пароходства и Общества торговли перевозили в основном иностранные товары. Ожидалось, что с завершением бургасской железнодорожной линии наступят изменения в лучшую сторону. Транспортировка русских товаров по ней привела бы к снижению цен на них. Как отмечал русский дипломат, для полного успеха дела необходимо, чтобы русские деловые круги взяли в свои руки инициативу торговли с Восточной Румелией, построили на месте товарные склады, а также предоставили местным коммерсантам столь нужные им кредиты.⁷ Донесения, публикации и призывы русского консула остались гласом вопиющего в пустыне, так как Болгария тогда еще не была притягательным центром для русских торгово-экономических кругов.

Россия была экономически слаба, ее экономика все еще восстанавливалась после войны 1877-1878 гг. Народное хозяйство нуждалось в иностранных инвестициях. Императорское правительство недооценивало тот факт, что молодое Болгарское государство тоже нуждалось в капиталах и кредитах, и если оно не могло найти их в России, то обращало свои взоры к за-

падноевропейским державам. Русские представители хотели, исходя из политических и военно-стратегических интересов России, чтобы болгарские правящие круги соответствующим образом использовали иностранные капиталы и кредиты. Эта была очень важная для молодого Болгарского государства экономическая проблема, и здесь появились известные несогласия и трения между освобожденными и освободителями, прежде всего по вопросу строительства железнодорожной линии в Болгарии. Россия настаивала, чтобы сначала был построен отрезок железной дороги через Балканы из Северной в Южную Болгарию: Русе – София – Салоники.

Это требование учитывало русские стратегические интересы, но не отвечало болгарским экономическим интересам. Решение Болгарии прежде всего связать железнодорожной линией Пловдив через Софию до Белграда оценивалось русскими представителями в Болгарии как враждебное по отношению к России действие.

Возвращаясь к освещению деятельности русских дипломатических представителей в Болгарии, следует сказать, что они в первую очередь служили России и рассматривали болгарские интересы через призму российских. В этой связи можно вспомнить и А. М. Хитрово с его планом, предусматривавшим назначение болгарских министров по рекомендации Петербурга, и проект Л.Н.Соболева по усилению русского влияния в Болгарии. Зная, что оккупационный долг Болгарии за прошлую войну составляет около 50 млн. фр., генерал видел здесь материальную силу, которой «можно воспользоваться с целью укрепить связь Болгарии с Россией. Можно будет учредить в Софии хорошие высшие школы для мальчиков и девочек и подготовить целое поколение в русском или, вернее, в общеславянском духе. Можно развить русское и германское пароходство на Дунае и ослабить германизацию сей реки. Можно, наконец, на эти потребности затратить всего 15 000 000 фр., а остальные 35 000 000 фр. употребить на сооружение флота на Черном море, словом, на создание могущества близ Босфора»⁸. Однако этот план не получил практического воплощения: консерваторы, бывшие тогда у власти в Болгарии, увидели в нем одно — стремление превратить страну в задунайскую губернию России.

О русских экономических интересах в Болгарии или скорее об их отсутствии свидетельствует и тот факт, что Общество для содействия русской торговле и промышленности лишь однажды рассмотрело проблему о русском экономическом присутствии в Болгарии. Констатация была нерадостной: выяснилось, «что русское купечество не имеет ни малейшего представления о балканском рынке, что у России с Болгарией нет прямых путей сообщения, что болгарский таможенный тариф крайне невыгоден, что Австрия и Англия заняли уже место в болгарском импорте».⁹

Хотя тут же отмечу, что несколько раньше, в 1884 г., газета «Новое время», подчеркивая важность торговых связей России с Болгарией, была убе-

ждена в интересе болгар к товарам из России. Так, некоторые австрийские фирмы придавали своим изделиям русский вид, «печатавая на них портреты И. С.Аксакова и М. Д.Скобелева». Информировав своих читателей о проявлении интереса со стороны некоторых московских промышленных контор к торговле с Болгарией, газета отмечала необходимость оказания им правительственной поддержки в столь серьезном деле, требующим немало затрат¹⁰. Однако на практике эти планы оказались нереализованными, в значительной степени потому, что власти остались к ним безучастны.

Вопрос о русском влиянии в Болгарии был затронут и И. С.Аксаковым, но в другом аспекте. Он критиковал российские власти за то, что Добруджа была передана Румынии, и таким образом Русь лишилась прямой и материальной связи с Болгарией.¹¹ В такой ситуации, утверждал видный славянофил и друг Болгарии, недостаточно рассчитывать только на одни нравственные узы.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что в целом хозяйственные связи между Болгарией и Россией оставались на низком уровне, что кроме политического России были нужны и рычаги экономического влияния не только в Болгарии, но и на Балканах в целом.

Политика “чувств” постепенно оставалась в истории, на первый план выходили вопросы материальной жизни и развития болгарской экономики. Молодому Болгарскому государству были нужны капиталовложения в его экономику и иностранная финансовая помощь. Не получая их от своей освободительницы, Болгария обращалась к западным государствам – Австрии, Германии, Франции, Италии, Англии.

После восстановления дипломатических отношений в 1896 году и особенно после прибытия в Болгарию Д. К.Сементовского-Курилло в качестве посланника России, экономические рычаги русского влияния усилились значительно. Показателем этого стало отношение России к провозглашению независимости Болгарии 22 сентября 1908 года. Россия стала первым государством, которое признало независимость Болгарии, а русский дипломатический представитель вручил первым из всех дипломатических агентов свои верительные грамоты царю Фердинанду Саксбургготскому. Благодаря финансовой помощи России были урегулированы экономические взаимоотношения между Болгарией и Турцией, и независимое Болгарское государство получило международное признание.

Примечания

¹ АВПРИ. Фонд 137. Отчеты МИД, год 1862. Опись 475, Дело № 49, Отчет по Азиатскому департаменту, ЛЛ. 122-125.

² Там же, ЛЛ. 139-162.

³ АВПРИ. Фонд 138, “Секретный архив”, Оп. 467, Дело №731/793, год 1887-1888, ЛЛ.5-52.

⁴ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. (1879-1884). — М., 1974.С. 207.

- ⁵ АВПРИ, Фонд 138, "Секретный архив", Оп. 467, Дело № 94/101, год. 1885, ЛЛ. 1-10.
- ⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли, № 2, 13 января 1885, С. 78-80.
- ⁷ П. Куцаров, Преди повече от век. Проекти за Бургас като транспортен възел, "Черноморски фронт", 31 июля 1986 г.
- ⁸ Соболев Л.Н. К новейшей истории Болгарии: материалы о внутренней политике 1881—1883. // Русская старина. 1886, № 9. С. 737—738.
- ⁹ Труды Общества для содействия русской торговли. Т. XIII., 1883, С. 593.
- ¹⁰ Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878—1894 гг. М., 1999 С. 90—91.
- ¹¹ "Русь", Особое приложение к № 11/ 17 сентября 1885 года.

Футурология прошлого (К вопросу об исторической памяти)

Если задать себе вопрос: на чем держится история, то один из ответов будет гласить — на юбилеях. Именно он является своеобразным показателем живучести, жизненности, важности того или иного события. Память о русских и болгарских «братушках» сохранялась и в царской России, и в СССР, и в Российской Федерации. Многое менялось в России, но великое чувство славянского братства славилось неизменно. Практически то же самое можно сказать и о Болгарии, приютившей после расстрела самодержавия русских изгнанников у себя и предоставившей участникам той далекой освободительной войны все, что было в ее силах.

Безусловно, любое знаменательное событие допускает совершенно различные историко-оценочные подходы. Не является здесь исключением и сама война, закончившаяся 125 лет назад, т. е. совсем недавно, и ее результаты в ее исторической протяженности. Именно этим можно объяснить интерес к пост-факторному моделированию истории. Так, достаточно хорошо известно расхожее мнение о том, что если бы не было военного вмешательства России, то судьба болгарского народа, его история могли бы сложиться несравненно лучше.

Но если сила Москвы, ее царей может быть охарактеризована как тоталитаризм, то тогда как поступать с той же Грузией, Арменией, свободу которым принесли русские штыки? Можно возразить, что они выбрали меньшее зло. Возможно. Но, в конечном итоге, народы этих стран сохранили свою жизнь. Что делать с той же Грецией, с Болгарией, с Сербией, чья государственность и свобода исторически связаны с православной Россией? Конечно, и здесь можно увидеть завоевательные устремления России, ее мечты стать преемницей великой Римской империи. Но не стоит забывать тривиальную мысль о том, что эта политика держалась на стратегических интересах России, где не последнюю роль играла общность религии.

Есть пословица о том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. В сфере истории это правило не действует. Все мы, историки, купаемся в теплой воде «государственной» истории, и моржем в льдинах национального бытия. Мераб Мамардашвили, этот анфан террибль в философии, как-то заметил, что не следует и заходить в реку, так как мы уже находимся в ней. Но все же здесь больше остроумия «страдальца», нежели мудрости, тем более восточной. Сама историческая истина в настоящее время приобретает

ассимиляционный характер, где доминирует всечеловеческая система ценностей, но диктуемая из «американского культурного центра».

В свое время Александр III заметил: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего все, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская и национальная; никакой другой политики быть не может и не должно». Да это чистейшей воды национализм, может пылко воскликнуть какой-либо российский интеллигент, страдающий за российскую историю, в которой было немало подлого, низкого, рабского. Все так: и не так. Достаточно вспомнить, что искание «новых небес» привело к обрушению не только самого народа в пропасть беспамятства, но и его новой «интеллигенции». Более того, это «царское слово» может сделать честь любому политическому государственному деятелю, заботящемуся о нуждах своей страны, ее национальных интересах. Именно эта «полезность» подвигает многих руководителей славянских стран «записываться» в друзья Соединенных Штатов Америки, как в свое время они искали дружбы с царской Россией и ее правопреемником Советским Союзом.

Теперь о панславизме, обряженном в форму «общеславянского союза». Здесь можно и должно возразить: а что такое этот «союз», как не ширма, за которой скрываются экспансионистские, зловещие замыслы России?! Этот вопрос-утверждение довольно стар и заштампован, и тем не менее довольно живуч, свободно перемещаясь во времени и пространстве, искривленных историей. Достаточно вспомнить слова Сталина, сказанные им 28 марта 1945 г.: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства». В сущности, Сталин здесь выступал продолжателем Константина Леонтьева с его мыслями о славянской конфедерации под эгидой России. К Леонтьев четко и грозно писал: «Образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения царства русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. «Русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев»... Россия чисто славянской державой никогда не была... ее западные и восточные владения, расширяя и обогащая ее культурный дух и ее государственную жизнь, стеснили ее славизм разными путями... Чисто славянского содержания слишком бедно для ее всемирного духа».

Оставляя в стороне евразийские мотивы, здесь следует выделить либеральную воду «ручьев» и непосильную тяжесть славянства для России, чьи политико-экономические возможности и тогда и сейчас далеки от идеала. Собственно говоря, и само русло «славянских ручьев» менялось и меняется довольно часто; мы все свидетели той «аномалии», когда вода в них потекла вспять!

Рассуждая об исторической памяти, у нас, случается, бывает странная амнезия: мы хорошо помним традиционный набор стереотипов, позволяющих легко воспроизводить те или иные схемы, но «забывать» при этом иные сюжеты. Более того: история и литература нашего Отечества всегда шли и продолжают идти разными путями. Другого и быть не могло: мы всегда стремились «выскочить» из подавляющей личностью истории, создаваемой государством, и «вскочить» в литературу, творящую героя, творца, освободителя. Так, хотелось бы привести ту мысль, что наша российская литература всегда воспитывала борцов, а уж где-то потом человека, опять-таки стоящего на перепутье между культурой и цивилизацией. Вслед за Константином Леонтьевым и Иваном Ильиным можно и нужно спросить себя, а так ли необходим нам тот «прогресс», если он разрушает гармонию человека, ведет к историческому беспмятству. Этот самый сложный вопрос для россиян, многие из которых, не утратив доверчивой веры в атеизм, в «плохую» отечественную историю, надеются обрести место своей Родины в европейской истории.

И в этой ситуации чрезвычайно важно попытаться разобраться с самой Европой, которая все больше превращается в поликультурное «гетто» для «умных» европейцев, страдающих комплексом неполноценности и лечащих его импортом миллионов «глупых» мусульман. Так зачем же нам так стремиться туда: нас туда не зовут, да и места дворников и таксистов все заняты. К тому же у нас своих дворников не хватает. И на всех бесплатного сыра не хватит. Но, если перестать иронизировать, то ситуация с Европой довольно сложна и непонятна. У нас был «мировой жандарм», «империя зла», теперь что — строится «империя с человеческим лицом», т. е. Европейский союз, Соединенные штаты Европы? Исчезают национальные интересы, уступая место европейским, а те общечеловеческим. В целом этот процесс можно расценить как положительный, если забыть про опасность того, что «общечеловечность» потребует самых кровавых войн и жертв для установления «общемировой гармонии» в «отдельном регионе» для «отдельного поликультурного конгломерата людей». Последние события с Ираком позволяют предположить, что этой «отдельным раем» совсем не обязательно будет европейское пространство.

Разумеется, сам феномен в абсолюте должен представлять собой своеобразные соединенные штаты человечества, объединенные одной системой бытия. На современном этапе он наиболее ярко представлен через идею гло-

бализации мира. Одновременно как и любая идея универсального характера она имеет свой антипод — контекстуальную идею, суть которой в контексте той или иной культуры. Как я предполагал ранее, это противопоставление не означает противостояния. Увы, дело обстоит несколько по иному: речь идет «о выпадении в осадок» в учебниках истории культур и самого политического бытия народов, переживших свой расцвет. При этом этот непростой процесс может длиться веками, прерываясь отчаянными и кровавыми попытками возрождения. И здесь, возможно, самым эффективным средством сохранения своей «национальной» идентичности может опять-таки оказаться литература, уводящая людей в область «бессознательно-магического прошлого», позволяющего завязать нить времен на личностно-подсознательном уровне.

Возвращаясь к юбилейной теме, замечу, что, пожалуй, из всех балканских стран Болгария имеет больше всего страниц в своей истории, которые с удовольствием вычеркнули бы некоторые историки. Речь идет о помощи России болгарскому народу. С точки зрения некоторых мыслителей, она причинила ему немало вреда. Освободив Болгарию, самодержавная Россия тем самым нарушила естественный или, скажем, эволюционный процесс обретения государственности через демократическую трансформацию Османской империи. В определенном смысле с этим можно согласиться, так как рождение Болгарского государства было напрямую связано с войной, т. е. механическим приложением силы. Но, как говорил Гегель, «все действительное разумно, все разумное действительно».

Казалось бы, нет предмета для дискуссии. Однако существующее мнение о том, что Россия, так сказать, несколько испортила историческую дорогу наследницы Византии, заставляет заняться своего рода футурологией прошлого. Представим себе, что Россия не вступилась за своих братьев, как сказали бы некоторые, не сочла для себя выгодным ввязываться в драку. В таком случае не было бы войны 1877—1878 гг. со всеми известными ее результатами.

Можно задаться вопросами: что было бы с Болгарией? Как бы пошел процесс ее развития, возрождения? Все эти вопросы важнейшие. В идеале рисуется картина органичного существования болгарского народа в пределах Османской империи и положительного, бескровного решения македонского вопроса в пределах будущего Болгарского Царства.

Однако любое теоретическое построение в истории хромает уже только потому, что в нем нет иррационального — этого неперемennого компонента жизни, ее вечного спутника. Общеизвестно, что история не терпит сослагательного наклонения. И даже если бы не разразилась упомянутая война, она вспыхнула бы спустя какое-то время.

Как известно, в разделе владений Османской империи была заинтересована не только Россия, для которой войны с Турцией стали традицией. Да и дух национальных движений витал над Европой. Шла «европеизация» Балкан, т. е. цивилизованный грабеж владений султана.

«Итак, альтернативы войне в исторической перспективе не было. Она оставалась мощным средством борьбы России с Турцией, округления собственных границ за счет последней» — может сказать историк-позитивист. Но можно предположить и другой вариант: война велась ради войны. Это построение выглядит нелогичным. Однако, как было сказано выше, жизнь идет вопреки законам формальной логики. Именно способность к борьбе не только за свои интересы, и за святую Софию, но и интересы единого славянства, делали Россию тем мощным государством, каким она оставалась даже после своих поражений. Кровь, пролитая в русско-турецких войнах, только укрепляла поколения россиян и славянства.

Наконец, можно представить и уже совершенно фантастический вариант развития событий — объединение в той или иной форме двух империй — Российской и Османской. Однако Османская империя была слишком слаба с точки зрения России для того, чтобы стать надежным союзником. Оптимальный вариант — растаскивание владений султана по кускам просвещенной Европой и натаскивание Стамбула на Россию. Оставим несбывшееся минувшему и вернемся в мир бесчувственной политики и чувственных идей.

Борьба за реальную власть, посты, право представлять истину в последней инстанции, т. е. за «право первой ночи» — неперменный атрибут начального этапа строительства государственности, в том числе и в Болгарии. Можно возразить, что этот период мог бы быть значительно короче, а восседавший тогда на княжеском престоле Александр I Баттенбергский мог бы сплотить противоборствующих политиков если не монархическим обаянием, то силой своей власти. Да, такая власть была продемонстрирована через приостановку действия Тырновской конституции. Что в итоге получил князь — общеизвестно. К этому следует добавить, что сама центральная власть в лице монарха была вынуждена делиться правами с другими, жаждавшими внести свой посильный вклад в строительство европейской Болгарии. Процесс деления и разделения институтов власти продолжается до сих пор и будет длиться до тех пор, пока болгарин не превратится в европейца. Конечно, это потребует больших инвестиций самого различного характера. Здесь и обычное вливание денежной евромассы собственно в Болгарию, «раздача» денег остальным балканским славянским странам, отношения между которыми далеко не безоблачны. Тут — напряженная и трудоемкая работа по «промывке мозгов» с обязательным стиранием в памяти всего отрицательного, что должно быть уничтожено. Необходимо не забыть и привлечение специалистов к активной деятельности по подмене истории этногра-

фией. На выходе должен получиться средний европеец. Будет ли он хорошим судить трудно. Плохо одно — он средний. Иными словами он будет опять-таки той самой массой, почвой, на которой или не вырастет ничего, или история пойдет по своему кругу.

Рассмотрим еще одну альтернативу: движение Болгарии вместе с Россией. В сущности, оно предполагалось обеими сторонами при соблюдении определенных условий. И в случае его осуществления можно было бы рассчитывать на создание в будущем славянского союза. Однако «силу славянства дробило само славянство». Конкретно: с кем было блокироваться российским политикам от дипломатии? С Драганом Цанковым, ради своей власти готовым использовать русские штыки? С Григором Начовичем, делавшим ставку на Германию? С князем — заложником в болгарской политической игре?

Возможно, наилучшим вариантом был бы все же князь Александр. Однако русский царь не показал себя способным к союзу с ним, и здесь трудно судить — был ли он прав или совершил ошибку. Сама история кратковременного правления Баттенберга содержит в себе немало сюжетов, связанных с унижением князя и прямого предательства по отношению к нему болгарских политиков. И тем не менее, представляется, что если бы в 1885 г. князь Александр был поддержан русским царем, история Болгарии была бы куда менее драматичной. Более того, сама Россия получила бы дополнительные козыри в своей политической игре на Балканах.

Это самое простое объяснение, лежащее на поверхности. Возможен и другой вариант: именно поддержка царем князя вела бы к усложнению международной ситуации на Балканах, драматизации самой истории Болгарии, развязыванию очередной войны за «русское наследство», т. е. за Болгарию. Да и нетерпимость Александра III к болгарскому князю можно объяснить не через «политику чувств» а через политику интересов».

Именно интересы имперской славянской России требовали подчинения ей тех же болгарских интересов. Судьба балканского единоверного славянства была неразрывно связана с Россией, а не наоборот. Когда об этом забывали, то получали известный результат. Но это не аксиома. Начало Германской войны свидетельствует о противоположном. Можно даже сказать в запальчивости, что именно славяне «сожрали» императорскую Россию, чтобы потом, заплатив долг сощлагерем, уйти на Запад.

Далее. После освобождения Болгарии для России приоритетным становится политическое начало, для Болгарии — национальное. Это все, конечно, весьма искусственно и схематично, тем не менее заслуживает внимания один вопрос: можно ли было избежать этого своеобразного раздвоения? В принципе это не исключено при соблюдении нескольких условий, главное из

которых — создание Великой Болгарии, автоматически снимающей македонский вопрос.

И здесь не стоит забывать ту тривиальную мысль, что прошлое должно изучаться не только на фактах, но и на знании и понимании идей — этого *regretium mobile* истории. В отношении славянства и политики России эта банальность как-то забывается и не берется в расчет при анализе тех же русско-болгарских отношений. Для нас привычной стала мысль об объективно-прогрессивной роли России на православных Балканах и царистской политике в этом регионе и т. д. Забывается, как это нередко бывает, одно — идеи.

К сожалению, случается, что даже в очень хороших исследованиях отсутствует анализ той или иной идеи, а есть лишь политика. Можно возразить, что она представляет собой конкретное проявление той или иной идеи, и это будет абсолютно верным. И все же еще не удалось прийти к установлению именно **иерархии идей**. В итоге мы все остаемся в определенном смысле прорицателями и толкователями минувшего, выросшими на почве конкретики, и никак не можем оторваться от земли.

Так, когда речь заходит о русской дипломатии историк зачастую прибегает к выверенной методе деления ее на «царскую (это — когда нужно ее критиковать и обличать) и русскую/российскую (это — в том случае, когда ее действия, конечно, могут быть подвергнуты мягкой критике за ошибки того или иного дипломата, но, в целом, трактуются в положительном смысле). Особый интерес при чтении различных исторических трудов вызывает портретная характеристика русских дипломатов. Мы рисуем их деятельность в строго очерченных рамках. В результате у нас часто получается некое устройство, такой шедринский органчик с инструкцией вместо мозгов в голове.

Далее. Среди некоторых исследователей все еще можно наблюдать тот парадокс, в скрытой форме, когда критикуется прошлое с современных позиций. А в итоге у нас получается, что любой русский царь у нас — реакционер, уже потому, что он самодержец, а не демократ. Я нарочно огрубляю, чтобы показать насколько схема опасна для истории, в том числе и для русско-болгарской. Кто у нас Александр III? Для многих это человек, который личные чувства, грубо говоря, поставил выше государственных интересов. Для других — император, заботившийся прежде всего об интересах имперской России, славянской России, православной России. В обоих случаях речь идет о конкретном человеке, поступки которого можно постараться понять только через идеи, их иерархию. При этом здесь будет и должен быть важен анализ их сущностных характеристик при одновременном учете политизированного бытия. Для того чтобы облегчить понимание того, о чем я говорю, могу привести ряд таких идей, как панславизм, национализм, самодержавие, конституционализм и пр. А в итоге случается: «Болга-

рия для себя» а «Россия для всех». Это тоже — идея. Здесь достаточно вспомнить того же Достоевского.

При этом не всегда вспоминается, что, в сущности, все происходящее в русско-болгарских отношениях можно назвать дежа вю в политике Петербурга на Балканах. Пример — Сербия. В сущности, у России хорошо получалось с освобождением, но плохо с опекунством. И конечно, здесь ключ надо искать не столько в деятельности «плохих» или «хороших» дипломатов, сколько в иерархии идей, их соподчиненности, даже антагонизме.

Далее. Можно, конечно, сказать, что тактика русской дипломатии обусловила разрыв отношений. Оставим здесь за кадром политику Софии, для которой освобождение от плотной опеки России было на очереди после освобождения от турецкого владычества. После почти десятилетнего разъединения России и Болгарии их отношения были нормализованы. Однако достичь гармонии в мире идей не удалось, о чем свидетельствует последующая история славянства.

Надо признать, что имя России — царской или советской — в сущности не вызывало у зарубежных славян особых положительных эмоций, разве только в некоторые кризисные моменты их существования. Конечно, была историческая память о всем том положительном, связывающем славянство, но она была и остается лишь одним из многих факторов, определяющих тактику дня и стратегию времени. Все они так или иначе связаны с европейскими интеграционными процессами, с глобализацией мира. И здесь возникает старый вопрос, связанный с феноменом «отмирания государства» в процессе строительства «Всемирной выставки человечества» в ее начальной форме Европейского союза. Родиной того же болгарина станет в будущем Европа, ... но мусульманская, черная, азиатская! И не верится, судя по надписям на домах в Софии, что потомки хана Аспаруха станут себя чувствовать комфортно в такой Европе.

Конечно, не стоит забывать и параллельный процесс активного строительства национальных государств на Балканах, на территории бывшего СССР. Но здесь надо подчеркнуть, что обретение ими самостоятельности следует трактовать прежде всего как естественное следствие развала СССР. И в своем беге от России эти страны ищут спасения своей национальной идентичности, своего возрождения в западном мире, забывая о том, что он находится в состоянии кризиса культуры, депрессии и затуманивания человеческого духа. Да, и российский мир окутан мглой, и наше будущее также тяжело предугадать, тем более, что Европа, куда и мы стремимся, перестанет существовать, если она будет включена в Русскую Евразию.

И вместо заключения. В современных условиях, когда история все больше походит на бордель, в котором «герои-клиенты» меняются с «приличествующей быстротой», мы все еще держимся благодаря памяти, в том

числе и о тех жертвах, принесенных в освободительной войне, о тех солдатах, положивших сознательно, подчеркиваю, жизнь «за други своя». Они шли и воевали за освобождение болгарских братьев, а не за Пролиты, и умирали они за правое дело. Можно всегда найти какие-либо спорные моменты в тех же событиях времени освобождения, но бесспорным будет одно — подвиг России.

P. S. На территории храма Всех святых, расположенного у метро Сокол, есть целый ряд памятников, посвященных сражавшимся в противоположных лагерях в мировых войнах двадцатого столетия, убитым в прошедших и длящихся войнах. Земля и слова о мире примиряют всех. Есть там памятник и солдатам войны 1877—1878 гг. Будем надеяться, что памятником наших стран не станет Европа, которой тоже жить хочется.

Русский царь в народных представлениях болгар

Вскоре после окончания военной кампании 1877-1878 гг. русский исследователь В. Качановский совершил путешествие по северо-западной Болгарии с целью сбора фольклорного материала. Результатом экспедиции стала публикация в 1882 г. объемного тома «Памятников болгарского народного творчества», в материалах которого помимо прочих вопросов, присутствует весьма любопытная разработка сюжетов, отражающих представления болгарского народа по поводу фигуры русского царя. Обнаруживается она, в частности, в исторических сказаниях о судьбе двух последних (причем, в обоих случаях мифических) болгарских царей - Константина и Асеня. В тексте речь идет о судьбе наследников болгарской династии после завоевания страны турками. При этом вопрос тесно увязывается с русской тематикой. Согласно логике повествования Россия в этих сказаниях становится местом спасения потомков болгарских царей, а русская правящая династия оказывается напрямую связана с болгарской. Столь неординарная постановка вопроса в свете событий русско-турецкой войны 1877-1878 гг. представляет особый интерес, поскольку позволяет по-новому взглянуть на причины горячей и порой иррациональной преданности простых болгар личности монарха далекой и чужой страны.

Первое из записанных В. Качановским сказаний относится к известному в греческом фольклоре песенному циклу о смерти царя Константина. В болгарских землях этот образ совместил в себе сразу три исторических персонажа - Константина Великого, последнего византийского императора Константина Палеолога и последнего тырновского царя Ивана Шишмана. В болгарском сказании речь идет о завоевании турками константинова царства и чудесном спасении двух его сыновей в России.¹ Все события трактуются через призму небесного предопределения: накануне роковых событий царице снится вещий сон - небо раздвигается, месяц тонет в крови, звезды падают на землю и лишь Стожары спасаются бегством на далеком севере. В «точном» соответствии с предсказанием страну завоевывают турки, царь Константин погибает, а оба наследника находят приют в «славной России». Закачивается песня загадочным пророчеством о том, что спасшимся царевичам суждено наследовать царство.

Прямым логическим продолжением данного сказания является повествование о судьбе еще одного якобы последнего болгарского царя - Асеня.² В тексте речь идет о завоевании Болгарии турками, бегстве Асеня в Россию и

установлении родственных связей с русской правящей фамилией. События развиваются следующим образом: в России Асень проживает инкогнито, скрываясь под личиной пастуха; женится на простой русской крестьянке, но родившемуся от этого брака сыну суждено взять себе в жены дочь русского царя и влиться в состав русской династии (в другом варианте сказания эта миссия выпадает на долю дочери Асеня). В наследство от своего некогда монаршего болгарского отца юноша получает корону древних царей Болгарии и некие важные документы, хранителем которых отныне становится русский правящий дом. Затем он отправляется на родину предков для поиска тщательно спрятанной и завещанной ему царской сокровищницы, находит ее в окрестностях Софии в селе Урвич и благополучно переносит в Россию.

Так согласно логике народного мифотворчества Россия превращается в страну проживания прямых потомков болгарских царей, местом хранения их регалий власти и казны. Причем не просто местом проживания. Эти потомки оказываются среди наследников русского престола. Так отчасти сбывается пророчество из сказания о смерти царя Константина – сыновья последнего болгарского царя наследуют царство, но не болгарское, а русское. В то же время, учитывая факт переноса регалий власти и династии, само русское царство отныне вполне может восприниматься народным сознанием неким подобием «чудесного» продолжения прерванной турецким завоеванием болгарской государственности.

Популярность в народных массах преданий и мифов подобного рода имела далеко идущие политические последствия. Сама логика повествования, строящаяся в значительной степени на обыгрывании антиномии «свой - чужой», лишала далекую Россию и фигуру ее правителя статуса «чужих», переводя их в ранг «своих». Общественное сознание формировало почву для создания мифа, в рамках которого русский царь превращался в своеобразный аналог болгарского царя в изгнании, политическая миссия которого на Балканах была соответствующей - возрождение «своего» болгарского царства.

Думается, именно в этом контексте следует воспринимать и бытовавшее в болгарской народной среде мнение, что причиной многочисленных русско-турецких войн было стремление русского царя «возвратить болгарам царства». ³ Стоит ли говорить, что в контексте представлений такого рода сама постановка вопроса о наличии политической или иной корысти у этого царя выглядела абсолютно дикой.

При анализе вышеприведенных сказаний возникает вполне понятное искушение объявить их последними рецидивами средневекового мифотворчества, записать в разряд уникальных, т.е. нетипичных и тем самым предельно локализовать их значение в общей системе менталитета болгар. Однако

существуют данные, хотя и немногочисленные, что в XIX в. они не были в полном смысле атавистичными, а продолжали развиваться, впитывая в себя политическую конкретику.

Любопытная информация на этот счет содержится, в частности, в «Записках» Л. Каравелова, повествующих об его путешествии по болгарским землям в 60-х годах XIX в. В г. Шипка ему довелось повстречаться с нищим старцем, зарабатывавшим на жизнь исполнением старинных песен и принадлежавшим к гильдии гусяров-профессионалов.⁴ Их центрами, т.е. пунктами, где гусяры зимовали и обменивались собранными песнями, были г. Битоля и село Балдево Татарпазарджикского округа. От этого гусяра Каравелов и услышал еще одно, на этот раз откровенно политизированное рассуждение о проживании истинных царей болгар в России. Отвечая на вопрос о своем возрасте, гусяр упомянул, что помнит еще те времена, когда болгарками правила царица Катерина, царь Павел, затем Александр, Николай и, наконец, нынешний государь Александр II. В ответ же на попытку Каравелова возразить, что в Болгарии они никогда не правили, поскольку царями болгар являются султаны, заявил, что его собеседник видно еще слишком молод и глуп, раз не знает, что «султаны - это цари турок, а наши цари живут в Московии».⁵

Очевидцем высказываний подобного рода оказался в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русский писатель В.В.Крестовский. В г. Систо в доме богатого торговца Вылко Павурджиева он неожиданно стал свидетелем развернутого рассуждения хозяина на данную тему.⁶ Объясняя присутствие в своем доме и в домах других болгар портретов русских царей, он отнес это на счет древней традиции, передаваемой из поколения в поколение. Согласно этой традиции родители тайно показывали детям изображение того или иного русского царя, поясняя, что это «наш истинный, законный, православный болгарский царь», «которого ожидаем и которому служим». Самому Вылко Павурджиеву это говорила в детстве его мать. Сейчас он в свою очередь повторяет это же своему сыну, который, несмотря на свои молодые годы, прекрасно усвоил, что хотя в данный момент над болгарками господствует иноверец-султан, однако на севере существует другой царь - истинно законный государь, «который придет и освободит болгарский народ от ига». Пытаясь объяснить иностранцу распространение воззрений такого рода, хозяин даже не пытался обосновать причину совмещения в народном сознании фигуры царя болгар и русских - этот тезис не вызывал у него никаких сомнений. В своих пояснениях он делал акцент исключительно на необходимости передачи этой информации из поколения в поколение, поскольку для народа, по его мнению, она была жизненно необходимой: «царь - это знамя, символ, вековое понятие», «без царя нельзя».

Однако, констатируя наличие в обыденном сознании болгар представлений о существовании болгаро-русских династических контаминаций, вряд ли стоит объяснять их возникновение лишь желанием народных масс иметь, во что бы то ни стало, «своего», отличающегося от правителя турок царя. Не исключено, что катализатором формирования воззрений такого рода могли стать некоторые вполне конкретные события XVI-XVIII вв.

Одним из первых невольно могло оказаться распоряжение константинопольского патриарха Иоасафа, предписавшего в 1561 г. всем епархиям своего диоцеза регулярно поминать в церковных службах имя московского государя. Это распоряжение имело по-существу формальный характер и сопровождало церемонию признания Константинопольской патриархией царского достоинства Ивана IV. Но текст здравицы был составлен таким образом, что в глазах неискушенной аудитории мог послужить толчком для возникновения представлений о существовании определенной связи между правителем современной Руси и некогда свергнутой турками местной династией. Основанием для этого могла послужить, в общем-то, стандартная, но в сложившихся условиях весьма двусмысленная формулировка: без каких-либо дополнительных пояснений прихожанам приходилось регулярно слышать в церквях здравицу русскому царю, в отношении которого употреблялось местоимение «наш» и который ставился в один ряд с древними, опять же «своими» царями. В тексте однозначно говорилось: «Поддай Господи многолетнее здравие благоверному и благочестивому Царю нашему Ивану как и прежним древним царям». ⁷ Сохранились сведения, что и после смерти Ивана IV данная практика не была отменена. Так, например, в XVII в. константинопольский патриарх Константин Лукарис утверждал, что имя Михаила Романова по-прежнему присутствует в текстах церковных служб. ⁸

Другим важным источником для народного мифотворчества могла стать информация о судьбе реального потомка видинской ветви династии Шишмановичей Ростислава Срацимира и представителя тырновской ветви болгарской династии, оставшегося в истории под именем Шишмана III. Известно, что после подавления Второго Тырновского восстания (1686 г.) Ростислав Срацимир (один из его непосредственных руководителей) нашел убежище в Московском государстве. Он получил от русского правительства имение в Смоленской губернии и стал родоначальником дворянского рода Ростиславичей-Дубровских. О судьбе Шишмана III, провозглашенного участниками Первого Тырновского восстания (1598 г.) новым болгарским царем, историкам достоверно ничего неизвестно. Сохранились лишь сведения, что после разгрома восстания в народе ходили упорные слухи, что Шишманович не погиб, а бежал в Россию. ⁹ Однако независимо от достоверности этих слухов, сам факт их циркуляции мог послужить отправной точкой для народного мифотворчества.

Созданию благодатной почвы для распространения среди болгар легенд с прорусской направленностью способствовало и традиционное распространение на Балканах настроений мессианско-эсхатологического толка. В данном случае речь идет о популярности различного рода предсказаний и пророчеств, предрекающих гибель империи османов. С течением времени они стали приобретать все более определенную прорусскую направленность. Если в середине XVI в. александрийский патриарх Иоаким находил в Апокалипсисе всего лишь намеки на будущее возвышение Руси,¹⁰ то в XVII в. посещавшие Москву греки уверяли, что вера в освободительную миссию России стала на Балканах уже общераспространенным явлением.¹¹ А согласно наиболее популярной в XVIII-XIX вв. версии древнего, но в оригинале довольно туманного пророчества Геннадия Схолария (XV в.), источником предначертанной гибели Османской империи прямо называлась Россия, народ которой, «соединившись со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победит...»¹²

После начала прямых военных столкновений России с Турцией настроения мессианского характера получили реальную политическую подпитку. Тем более, что и Петр I, и Екатерина II открыто провозгласили освобождение турецких христиан в качестве своей прямой внешнеполитической задачи. Неудивительно, что в XIX в. свидетельства о популярности в народе представлений об освободительном предназначении России начинают приобретать массовый характер. Так, посетивший Балканы в 1845 г. русский путешественник архимандрит П. Успенский отмечал, что здесь не только греки и славяне, но и турки имеют «пророческую уверенность» в неизбежности победы русских над исламом и взятии ими Царьграда.¹³ В 60-х годах Л. Каравелов также сообщал о распространенности в среде турок мистической веры (базирующейся на их неких священных книгах) в предначертанность захвата их земли «московцами».¹⁴

В болгарских землях легендарные представления о мессианском предназначении России нашли конкретное воплощение в создании собирательного образа гипотетического освободителя «дядю Ивана» (дедушки, старика Ивана), совместившего в себе и обобщенную фигуру русского царя, и России в целом. В литературе давно дискутируется вопрос о времени возникновения этого образа. Существует мнение, что, возможно, это XVI или даже XV век. Эту точку зрения впервые высказал болгарский ученый Й. Трифонов (1908 г.).¹⁵ Он считал возможным связывать начало формирования образа с эпохой и именами Ивана III и Ивана IV. Й. Трифонов предполагал, что факт женитьбы в 1472 г. Ивана III на византийской принцессе Софье Палеолог и признание в 1561 г. царского достоинства ее потомка Ивана IV могли послужить толчком для активизации устного народного творчества и превращения этого имени в эпоним для обозначения не только русских правите-

лей, но и России в целом. Позднее эту гипотезу, как малодоказательную, оспорил И. Снегаров. По его мнению, которого придерживается и большинство современных исследователей, зарождение образа следует датировать, скорее всего, концом XVIII в. и связывать с появлением русских войск на северо-востоке Балкан.¹⁶ Среди наиболее весомых аргументов сторонников этой точки зрения можно назвать следующие: популярность образа на территории, прежде всего, северо-восточной Болгарии (в то время как в других регионах он известен относительно мало или неизвестен вообще); отсутствие документальных свидетельств об его существовании, датированных ранее второй четверти XIX в.; тот факт, что данный образ не успел или не смог органично войти в общую ткань болгарского фольклора, так и оставшись обособленным явлением.

Аргументация И. Снегарова убедительно опровергает основные посылы гипотезы Й. Трифонова, но, к сожалению, не объясняет причин превращения именно этого имени в символ царя-освободителя, т.к. во второй половине XVIII и на протяжении всего XIX в. царей с именем Иван в России не было. Остается также совершенно непонятным появление в составе эпонима слова «дядо» - старик. Даже если связывать его возникновение не с конкретной личностью какого-либо царя, а с образом русского солдата-освободителя эпохи русско-турецких войн, данный эпитет выглядит несколько неуместно.

Возможно, ситуация может несколько проясниться, если предположить, что источником для возникновения и распространения образа «дядо Ивана» стало появление в регионе не русских войск, а переселенцев - русских казаков-старообрядцев (некрасовцев). История этого переселения тесно связана с событиями булавинского бунта, вспыхнувшего на Дону в 1707. После гибели самого Кондрата Булавина один из его ближайших сподвижников - атаман Есауловского городка Игнатий Федорович Некрасов увел несколько тысяч казаков с семьями (в песнях говорится о 40 тысячах) на Кубань, бывшую тогда во владении крымских ханов. Беглецы поселились в районе современной Анапы, принесли хану присягу и в течение многих лет составляли одну из наиболее боеспособных единиц его армии. Но на Кубани некрасовцы задержались недолго. Продвижение русских войск теснило их все дальше на юг. Когда войска Анны Иоанновны взяли Анапу, казаки были вынуждены обратиться к турецкому султану. Начав обосновываться на территории Османской империи в середине - второй половине XVIII в., к концу столетия они широко расселились на землях Добруджи и северо-восточной Болгарии.¹⁷

Хорошо известно, что в среде русского казачества на протяжении столетий большой популярностью пользовались песни, посвященные царю Ивану Васильевичу (Грозному). Не стали исключением и их общины на северо-

востоке Балкан. Изучение современными болгарскими исследователями песен и обычаев некрасовских сел Татарица (Силистринско) и Казашко (Варненско) показывает их не только типологическое сходство, но зачастую и буквальное совпадение с фольклором донского, а шире южнорусского типа.¹⁸ Однако в новой среде обитания многие из песен, особенно повествование о казанском походе Ивана Грозного, его победе над неверными и водружении креста над их столицей приобретали для слушателей из числа местного православного населения неожиданно актуальное звучание. Фигура же Ивана Васильевича – древнего царя Ивана, т.е. деда Ивана - «дядю Ивана», освободившего Русь, не могла не восприниматься болгарами иначе как эпически обобщенный образ древнего царя-освободителя. Так благодаря своему традиционному фольклорному багажу и совершенно неожиданно для себя поселения русских диссидентов-старообрядцев могли стать в конце XVIII в. источником для распространения и популяризации среди православного населения северо-восточной Болгарии личности русского царя XVI века.

Если ситуация складывалась именно таким образом, то неудивительно, что среди болгар, сознание которых было хорошо подготовлено к восприятию сюжетов мессианского толка, этот образ быстро нашел многочисленных почитателей. Уже к середине XIX в. фигура «дядю Ивана» утвердилась в народном менталитете православного населения северо-восточной Болгарии. Здесь она ассоциировалась, прежде всего, с идеей освободительной миссии России. Имеется достаточно свидетельств современников о восторженном приеме местными жителями русских воинов в период компаний 1828-1829 и 1853-1854 годов, когда, так или иначе, всплывало имя «дядю Ивана». В качестве примера можно привести, в частности, реакцию на появление в 1854 русских войск жителя города Тутракана Ил. Блыскова, записавшего в своих воспоминаниях следующее: «Какая радость для болгарского населения, которое сегодня видит промеж себя русское воинство. То, что предсказывали наши отцы и деды по поводу Дядю Ивана, то, что мы считали сказкой, сном, сегодня это произошло на наших глазах...О, радость, радость.»¹⁹

Популярность в народе обобщенного образа России и русского царя естественным образом подготавливали почву для соответствующего восприятия личности реальных правителей Российской империи XVIII-XIX вв. Список открывает откровенно мифологизированный образ Петра I. Исторически это вполне объяснимо. Петр первым из русских монархов начал борьбу с Портой, первым позволил себе заявления об освободительной миссии русского оружия на православном Востоке и поиски политических союзников среди подвластных туркам народов. Именно под его командованием русские армии впервые появились в непосредственной близости от Дуная

(Прутский поход 1711 г.). Неудивительно, что его имя было воспето южными славянами в песнях (знаменитая сербская песня, известная обычно под названием «Песнь похвальная царю Петру Московскому»), а его образ нашел отражение в болгарской книжности (повесть конца XVIII в. о Петре Буро) и фольклоре, воплотившись в фигуру победоносного царя-«рибаря», зафиксировано в «Памятниках» того же В. Качановского.²⁰

Едва ли не меньшей популярностью пользовалась в Болгарии продолжательница дела Петра императрица Екатерина II (в болгарском фольклоре обычно выступающая под именем царицы Катерины). Вот как, например, описывает отношение к ней в своем дневнике участник русско-турецкой компании 1806-1812 гг. А.Г. Краснокутский.²¹ В 1808 г. по дороге в Стамбул ему довелось остановиться на отдых в крестьянском доме недалеко от г. Сливен. Каково же было его удивление, когда хозяин и члены его семьи, узнав на русских монетах изображение Екатерины II, принялись с восторгом покрывать его поцелуями. При этом они приговаривали, что давно слышали об этой великой государыне, которая хотела спасти их от жестокого ига.

Судя по многочисленным свидетельствам современников, большим уважением среди болгар пользовались также император Николай I и Александр II. Любовь простого народа к Николаю I, в годы правления которого Россия вела на Балканах целых две крупномасштабных войны (1828-1829, 1853-1854) была столь велика, что при жизни его имя превратилось в эпитим, образованный по аналогии с ранее известным - «дядя Никола». По воспоминаниям Л. Каравелова именно под таким наименованием фигура этого русского царя обычно присутствовала в рассказах его бабушки.²²

В общем политическом контексте эпохи русско-турецких войн любовь простого народа к потенциальному царю-освободителю была вполне объяснима. и зрения здравого смысла, особенно учитывая негативную реакцию местных властей, она была все же чрезмерна. В этой связи можно вспомнить, в частности, серию молебнов за здоровье русского царя, прокатившуюся по болгарским землям в 1867 г. в связи с покушением на Александра II, которые сопровождалась публичным всплеском антитурецких настроений. По этому поводу местные корреспонденты сообщали, что после церковной службы болгарские дети в экзальтации бегали по улице, крича: «Боже, дай здравие царю Александру и убий всех его врагов».²³ Ответная реакция турецкой администрации была крайне болезненной: было организовано специальное расследование с целью выявления организаторов акции и установления перечня церквей, в которых она проводилась.

Обычай болгар хранить в закрытых киотах наравне с иконами портреты русских царей также вряд ли можно назвать тривиальным явлением. В наиболее развернутом виде этот обычай был описан в 70-е годы в уже упоминавшихся записках русского писателя В.В.Крестовского (сцена в доме тор-

говца Вылко Павурджиева). Особо стоит лишь подчеркнуть, что по данным его информатора эта практика имела общераспространенный характер.²⁴ В более ранний период (50-е годы) упоминание о присутствии в домах изображений русских царей встречается, в частности, в корреспонденции Д. Миладинова.²⁵

Если же попытаться оценить в целом значение описанного феномена общественного сознания, необходимо особо подчеркнуть, что, несмотря на его относительно скромное место в общей системе менталитета болгар, оно далеко выходит за рамки собственно культурной сферы. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с типичным мифом, имеющим, мягко говоря, весьма отдаленные отношения к реалиям политической жизни. Однако сам факт появления идеи династических контаминаций, хождение в среде болгар смутных фантазий на эту тему таил в себе политический заряд огромной силы. Эти фантазии порождали и поддерживали популярность в народе пророссийских настроений, совсем не лишние для русской армии в эпоху бесконечных войн с Турцией. Они же априорно и безоговорочно закрепляли за русским царем имидж бескорыстного освободителя. Более того, можно даже предположить, что благодаря наличию данного феномена, общественное мнение широких народных масс болгар было к 1878 г. фактически подготовлено к принятию любого из представителей русского императорского дома в качестве «своего» законного государя. В отличие от всех вариантов с «чужими» европейскими принцами этот претендент показался бы народу не только наиболее естественным и логичным. В анналах народной памяти этому выбору очень быстро было бы найдено обильное информационное обеспечение в виде многочисленных сказаний, пророчеств, легенд, предзнаменований и т.д. Поэтому коронация болгарского царя русского происхождения была бы воспринята широкими слоями народа, скорее всего, не в политическом, а в эпическом контексте – как предсказанное исстари долгожданное возвращение на родину законного государя. Можно только догадываться, каков был бы рейтинг у такого правителя.

Однако история не признает сослагательного наклонения. Насколько известно, подобный вариант развития событий всерьез даже не рассматривался. Скорее всего, об описанном феномене общественного сознания ни в России, ни в Европе просто не знали. Ускользнул он, по всей видимости, даже от внимания современников-славянофилов. Между тем, после войны 1877-1878 гг., когда встала проблема возрождения болгарской правящей династии, данный фактор при его грамотной раскрутке в печати и апеллировании к мнению народа мог бы стать серьезным козырем в политике России на Балканах.

Примечания

- ¹ Качановский В. Памятники болгарского народного творчества. Вып.1. Сборник западно-болгарских песен. СПб., 1882., С. 235-236
- ² Там же, С. 216-217.
- ³ Каравелов Л. Избрани произведения. Т.1. С.,1954, с.189.
- ⁴ Каравелов Л. Записки за България и за българите // Възрожденски пътеписи. С.,1969, С.227-228.
- ⁵ Там же, С.227.
- ⁶ Руски пътеписи за българските земи XVII-XIX в. С., 1986, С.374.
- ⁷ Муравьев А.Н. Сношения России с Востоком по делам церкви. Т.1. СПб, 1885, С.111.
- ⁸ Снегаров И. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI-XVIII в. С., 1953, С.14.
- ⁹ Златарски В. Български въстания и опити за въстания до средата на XIX в. // България 1000 години. 927-1927. Т.1. С.,1930, С.711.
- ¹⁰ Муравьев А.Н. Сношения России..., С.151-152.
- ¹¹ Каптерев Н.Ф. Характер отношения России к православному Востоку в XVI-XVII столетиях. М.,1885, С.352-353.
- ¹² Мутафчиева В. Предсказанията за края на Османската империя (към въпроса за руско-балканските културни връзки през XIX в.)//Studia balkanica. 8. Балкански културни и литературни връзки. С.,1974, С.113.
- ¹³ Порфирий Успенский, архим. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г. Ч.1. Киев, 1877-1880, С.3.
- ¹⁴ Каравелов Л. Избрани ..., С.194.
- ¹⁵ Трифонов Й. Историческо обяснение на вярата в «Дядо Ивана» (Русия) у българския народ // Библиотека на Славянска беседа. 1908. Т.1, С.124-199.
- ¹⁶ Снегаров И. Културни..., С.16-25.
- ¹⁷ Об истории проживания некрасовцев в Османской империи подробнее см: Макарова И.Ф. Русские подданные турецкого султана// Славяноведение. - 2003. -№1.
- ¹⁸ Романска Ц. Фолклор на русите некрасовци от с.Казашко, Варненско. София. 1959; Критска-Иванова Е.Ф. Типология и еволюция свадобного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко)//Русские: семейный и общественный быт. М., 1989, С.128; Кауфман Н. Песни на казачите некрасовци от България//Българска музика. 1963. - №5. - С.35-40.
- ¹⁹ Блъсков Ил. Петдесет годишнината от русско-турска война в 1854 г., наречена Кримска от моите лични наблюдения // Славянски глас. 1905. №4, С.161-162.
- ²⁰ Качановский В. Памятники..., С.213-214.
- ²¹ Руски пътеписи..., С.71-72.
- ²² Каравелов Л. Избрани..., С.194.
- ²³ Публицистика на Любен Каравелов (1860-1869). Статии, дописки, писма. С.,1957, с.270.
- ²⁴ Руски пътеписи..., С.374.
- ²⁵ Братя Миладинови. Преписка. С., 1964. С.54.

Освобождение Болгарии и роль бессарабских болгар

Болгары Бессарабии, нашедшие приют в этом крае, начиная с конца XVIII века, были неразрывно связаны с национально-освободительным движением болгарского народа. Само их переселение с болгарских земель было одной из форм их борьбы. Со временем в их среде создаются важные центры, сыгравшие большую роль в национальном болгарском возрождении. Особенно значительной патриотической деятельностью бессарабских болгар была накануне и в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Еще живо было поколение болгар, которое испытало на себе тяготы османского ига и вынуждено было искать спасения за Дунаем. Накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг., например, в «Кишиневских Епархиальных ведомостях» были опубликованы заметки священника Стефана Киранова о бедствиях и страданиях в болгарских землях.

После Апрельского восстания 1876 г. в Румынской части Бессарабии активизировало свою деятельность Болградское болгарское благотворительное общество, один из самых активных филиалов Болгарского центрального благотворительного общества (БЦБО) в эмиграции. В свою очередь оно содействовало созданию еще 18 благотворительных обществ в болгарских селах, а также крупного женского благотворительного общества в Болграде. Эти организации ставили задачу «помочь материальными средствами пострадавшим» в ходе болгарского восстания.

Широкую деятельность в Русской части Бессарабии развернуло Кишиневское болгарское общество, собиравшее денежные средства в пользу жертв Апрельского восстания 1876 г. В июле 1876 г. в газетах края и в виде прокламаций было опубликовано его воззвание: «На Балканском полуострове и в особенности в беззащитной Болгарии... в настоящее время совершаются события, которые раздирают душу человека... Проникнутое глубоким братским состраданием к несчастной судьбе бедствующих наших братьев, Кишиневское болгарское общество обращается с покорнейшею просьбой о посильной помощи в пользу славянских жертв», – говорилось в этом документе. Известны и другие обращения болгарского общества с просьбой о помощи. Так, в результате этих обращений в Комрате было собрано 1118 рублей. 400 руб. было отправлено И.С.Иванову «для употребления в пользу болгар на Балканском полуострове». Остальные деньги были израсходованы на оказание помощи болгарам, отправлявшимся добровольцами в Сербию.

Дело в том, что болгарские организации в крае наряду со сбором пожертвований для пострадавших в болгарском восстании, занимались от-

правкой добровольцев для участия в сербско-турецкой войне 1876 г., участвовали в выработке стратегии и тактики национально-освободительного движения, стали издавать газету «Български глас», формированием военных дружин и т.д. В этот период также возросла их посредническая роль в поддержании связей болгарского освободительного движения с официальной Россией, российской общественностью, в первую очередь с Московским и Петербургским славянскими комитетами. Тогда Кишиневское общество при их содействии занялось закупкой оружия и отправлением в Сербию добровольцев. Все добровольцы направлялись в Кишинев, где председатель общества И.С.Иванов снабжал их дальнейшими указаниями, пособием на путевые расходы, а затем направлял через Яссы и Бухарест в Белград. «Через мои руки в Кишиневе...», - писал позже И.Иванов, - «прошли присланные ко мне из разных мест... и мною в Бессарабии сформированных до 5000 добровольцев, в числе которых можно было насчитать одних болгар до 1500 человек».

Одновременно обсуждалась идея о создании вооруженных болгарских отрядов в Бессарабии. Одна из таких дружин была сформирована в Кишиневе из офицеров-болгар еще накануне Апрельского восстания. В ней входили А. Гуджев, С. Кисов, Д. Николаев, Р. Николов, П. Стоянов, Н. Папанинов, М. Тепавский, Д. Филов, П. Шиваров, С. Муткуров. Эмиссаром дружины был П. Калянджи. Для них на средства Одесского настоятельства было закуплено 947 бельгийских штуцеров, которые хранились в Кубее в доме купца Д. Скачкова и в 1877 г. были отправлены в Болград.

После поражения Сербии в войне с Турцией, осенью 1876 г., многие болгарские добровольцы стали направляться в Бессарабию. Существовавшие болгарские организации взяли на себя заботу об их устройстве. Болгарские добровольцы оседали в Болграде, Комрате, Измаиле, но чаще всего в Кишиневе. «Таких болгар явилось ко мне в Кишинев до 1000 человек», - писал председатель Кишиневского болгарского общества Иван Иванов. Сначала их распределяли («в домах кишиневских болгар»). До середины 1877 г. они содержались на пожертвования, которые собирало Общество болгар Кишинева. Усилиями славянских комитетов России, Одесского болгарского настоятельства и Кишиневского болгарского общества на юге России был организован сбор одежды, обуви и продовольствия для болгар. Например, Московский славянский комитет отправил кишиневскому болгарскому обществу 20 000 рублей для обеспечения продовольствием и одеждой прибывших в Бессарабию болгар. По инициативе И.С.Иванова общественность города устроила серию благотворительных концертов, спектаклей, лотерей, сбор которых пошел в пользу болгар.

Эти болгары стали основой Болгарского ополчения, которое начало формироваться в Кишиневе по решению совещания при Александре II в

Ливадии в начале октября 1877 г. Чтобы не предавать огласке создания болгарского военного формирования, было объявлено, что составляется Почетный конвой главнокомандующего русской армией. 31 марта 1877 г. в Кишиневе был объявлен сбор болгарских добровольцев. Вооружение и обмундирование ополчения Военное министерство поручило Московскому славянскому комитету. Однако материальное обеспечение ополчения осуществляло государственное казначейство России. На обмундирование и снаряжение первых шести дружин было затрачено более 100 тыс. руб. Позднее Н.Г.Столетов отмечал большие заслуги общественных организаций и лично И.С.Иванова в создании первых подразделений ополченцев. Пресса того времени с удовлетворением отмечала, что среди добровольцев есть немало образованных людей, почти все они грамотны. Это помогало им быстро овладеть военными знаниями

С большим воодушевлением встретили болгары края весть о начале формирования болгарского ополчения в Кишиневе. Газета «Български глас», издававшаяся в Болграде, писала: «Итак, болгарское начальное войско стало собираться под знаменем льва, болгарское историческое имя снова поднялось на политическом горизонте». Местное болгарское общество сразу занялось подготовкой добровольцев в дружины ополчения. «Вчера получил депешу от Иванова (И.С. – Н.Ч.) отправить всех ребят. Завтра направляю в Кишинев 100 человек. По-видимому, начинается серьезное дело», – эту телеграмму послал 3 апреля 1877 г. из Болграда активист организации П.Фитов.

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг., которую бессарабские болгары восприняли с самым большим энтузиазмом и надеждой, их деятельность получила новые формы и направления. Прежде всего они принимают самое активное участие в создании Болгарского ополчения, формирование которого началось незадолго до войны в Кишиневе и продолжилось в Плоештах. В его ряды влились несколько сот местных болгар. Многие из них отличились в боях.

В характеристике награжденного болгарчанина Д. Николова говорилось: «Вы смогли воодушевить роту и хотя были ранены, первыми двинулись на укрепления, тем самым подали пример своим хладнокровием и мужеством вверенной вам роте, вследствие чего укрепление было взято». «За Ески-Заарское дело я был произведен в унтер-офицеры, - писал уроженец Тараклия О. Панов председателю Болградского общества В.Васильеву, - а за 4-дневное Шипкинское получил Георгия 4-ой степени и представлен в офицеры». В удостоверение Панова указывалось, что он «своим безукоризненно нравственным поведением и отличным знанием службы ... вполне заслуживает право производства в первый чин». Как отмечали в своих воспоминаниях ополченцы, он словом и примером постоянно воодушевлял их, особенно в критические моменты августовских сражений на Шипке.

Храбро сражался в бою при Стара-Загора уроженец Болграда, подпоручик Стефан Кисов, который впоследствии станет одним из летописцев Болгарского ополчения. Кисов вместе с другим уроженцем Бессарабии А. Гуджевым составили Памятную книжку для пеших низших чинов. Последнему за проявленную при отпоре противника на Шипке храбрость было присвоено звание «унтер-офицер». Награжден Георгиевским крестом болгарин из Аккермана офицер Александр Кесяков. В конце войны офицерами стали Александр Фудулаки из Кот-Китая и Павел Панов, брат Олимпия Панова, из Тараклии.

Во время войны продолжался сбор пожертвований, но уже для русской армии и болгарских ополченцев. Так, волостной сход в Комрате решил передать в Общество попечения о больных и раненых воинах 2 тыс. рублей. В своем решении он записал, что война ведется «для защиты погранных человеческих прав христиан, подвластных исламу, в числе которых находится большинство наших кровных братьев болгар...». Кишиневское болгарское общество открыло «между членами своими подписку для снабжения войск действующей армии теплою одеждой». В первые же дни были собраны деньги в количестве 141 рубль, которые пошли на покупку 200 полушубков. В болгарских селах Аккерманского уезда было собрано 566 четвертей зерна. Известно, что жители сел Ивановка Болгарская, Девлеч-Агач, Исерлия, Кубей, Гасан-Батыр, Задунаевка направляли средства для госпиталя, устроенного в местечке Тарутино.

С объявлением Россией войны Османской империи Болградское болгарское общество уведомило о своем роспуске. Некоторые его члены намеривались идти в ополчении, другие – переводчиками в русскую армию. Но предварительно общество и его печатный орган газета «Български глас» «от имени болгар Бессарабии» выразили признательность России за ее намерение освободить Болгарию, а также призвали жителей края оказывать самую активную помощь русской армии, вступать в ряды болгарского ополчения. С такими воззваниями оставшиеся члены общества обращались и позже. 26 сентября 1877 г. было отпечатано на отдельном листе такое обращение на румынском языке. В нем отмечалось, что стоит задача собирать средства для закупки оружия. Отмечая героизм воинов, в том числе румынских в Плевне, воззвание призывало откликнуться и давать пожертвования.

Как и для других обществ того периода, трудно определить, сколько средств и вещей собрало Болградское общество. Имеются отрывочные сведения. В мае внесли значительные суммы члены организации: П. Фитов – 50, Иов – Титоров – 11, доктор Д. Пачев – 40, М. Златанов – 227 франков и т.д. Всего было тогда собрано в Болграде 620 франков. Приводя эти данные, газета «Български глас», издаваемая в этом городе, с сожалением констатировала, что многие обеспеченные болгары вносили очень мало или вообще не давали денег.

«Пятисотлетний ожидаемый час настал. Русское ядро загремело в Азию и Европу против векового неприятеля». Выразителем этих настроений стало Женское благотворительное общество в Болграде, которое опубликовала в газете «Български глас» «Воззвание к болгарским женщинам». В нем наряду с воодушевлением представлена трезвая, реальная оценка создавшегося положения. Происходит поиск новых путей и форм деятельности. Руководство общества обращалось к женщинам болгарских эмигрантских центров: «Пусть каждая из нас пожертвует возможное на алтарь освобождения отечества». Проводится идея, что болгарский народ не может и не должен ждать часа своего освобождения. Он должен сам его завоевывать. «Свобода без жертв и крови не добывается». И пока мужчины идут в Болгарское ополчение, «женщины не должны сидеть сложа руки, святая их обязанность помогать страдающим болгаркам и нашему отечеству».

Уже в мае 1877 г. женское общество в Болграде собирает посильную помощь среди женщин, учителей и учащихся девичьей школы города. Благодаря большому количеству украшений и различных предметов общество разыгрывает лотерею «в пользу раненых». На полученные деньги были закуплены для Болгарского ополчения вещи личного пользования и отправлены генералу Столетову в Свиштов. В письме этому генералу в конце июня 1877 г. болгарское общество просит сообщить, в чем нуждается ополчение, чтобы помочь ему. В следующем месяце эта организация вручила И.С.Иванову новую передачу для «болгарских воинов», которая была отослана адресату в Тырново.

Так было и со средствами, поступившими из благотворительных болгарских обществ румынской части Бессарабии. Они были значительными по своим масштабам. Единоразовые поступления были из Карагач – 65 франков, Шикирли-Китай – 2211, Чишмилия – 144, Ташбунар – 77, Бановки – 226 франков. Поступления эти шли до конца войны. Например, Долукойское общество в начале января 1878 г. отправило 419 франков.

В Бессарабии обсуждались проекты будущего устройства Болгарии. Бессарабские болгары непосредственно участвовали в формировании болгарской государственности.

Весть о подписании в местечке Сан-Стефано 19 февраля (3 марта) 1878 г. договора между Россией и Турцией скоро доходит до Бессарабии. Печать края подробно сообщает о победоносном завершении войны. Уже через три дня после этого события в Кишиневском соборе по этому случаю состоялся молебен, на котором с пламенной речью выступил архиепископ Кишиневский и Хотинский Павел. Он заявил, что с этого времени начнется «воскресение политическое, общественное, экономическое, духовное» для многострадавших балканских народов. Действительно, Румыния, Сербия и Черногория получили независимость, а болгарский народ приобрел возмож-

ность воссоздать свою государственность. Жители Бессарабии внесли свой значительный вклад в эту победу. Почти год вся жизнь в крае была подчинена войне.

С провозглашением болгарского княжества встал вопрос о кадрах для создававшихся болгарских государственных учреждений. В связи с этим из столицы молодого болгарского государства шли приглашения к образованным соплеменникам, проживающим в других странах, вернуться для работы в Болгарии. Большинство таких болгар Бессарабии откликнулись на этот зов. Уже в ходе войны председатель Кишиневского болгарского общества И.С.Иванов стал вице-губернатором Пловдивской, а потом Сливенской области. Секретарь этой организации П. Оджаков был переводчиком Штаба русской армии, а затем работал в администрации Русского временного управления, был депутатом Первого Великого Народного собрания Болгарии. Другой активный член общества, Павел Калянджи, становится окружным судьей.

Известно, что Бессарабия дала Болгарии двух премьер-министров (Д. Греков и А. Малинов), семь министров, трех послов, семь генералов, двух ректоров и т.д. Со времени войны до начала XX в., по неполным данным, в Болгарию выехало более 300 бессарабских болгар, ставших видными политическими деятелями возрожденной Болгарии, специалистами разных отраслей.

Долгое эхо войны

к истории возникновения македонского вопроса 1878-1912 гг.

В статье будут затронуты некоторые моменты истории македонского вопроса, зародившегося в ходе Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг. и еще долгое время не дававшего успокоения Балканскому полуострову.

В основу выступления положены материалы Архива внешней политики Российской империи, в том числе и две аналитические записки, одна из которых была составлена в конце 1879 г. опытным дипломатом М.А. Хитрово, а другая – в начале 1908 г ответственным чиновником МИД Б.Э. Нольде. Все эти документы дают возможность проследить подходы российской дипломатии к македонской проблеме – как части Восточного вопроса – на протяжении 30 лет.

Хорошо известно, что по Сан-Стефанскому мирному договору 1878 г. в состав освобожденной Болгарии должна была войти большая часть Салоникского, Монастырского и Косовского вилайетов, именуемая чаще Македонией. Сразу же после подписания договора М. А. Хитрово, тогдашний чиновник особых поручений Дипломатической канцелярии при Главнокомандующем русской армии, получил важное задание – вместе с войском (речь шла не только о конвое из двадцати пяти офицеров и двух кавалерийских полков, но и об оккупационной дивизии) войти в Македонию и ознакомить ее жителей с Прокламацией Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича о начале новой жизни в пределах Болгарии. Помимо этого М. А. Хитрово предстояло умиротворить край: предотвратить возможные столкновения между христианами и мусульманами, учредить временное самоуправление с участием тех и других, взять под охрану казенную и частную собственность.

Для выполнения этой миссии М. А. Хитрово – дипломат игнатьевской школы – подходил как нельзя лучше, он с 1860 г. был первым официальным представителем России в Македонии, выполнял там обязанности консула и хорошо знал жизнь этого края. Хотя Хитрово и торопился с выполнением возложенной на него задачи, считая, что железо надо ковать пока оно горячо и необходимо без промедления использовать эффект русских побед, его командировка откладывалась. Сначала из-за того, что турецкая сторона, противившаяся включению Македонии в состав освобожденной Болгарии, отказалась назначить комиссара для передачи области русскому представителю, а затем в силу известных договоренностей российской дипломатии в Лондоне, Вене и Берлине весной и летом 1878 г.

Через год М.А. Хитрово был вновь назначен консулом в Македонию, возвращенную под власть Османской империи. Свои чувства по этому поводу дипломат выразил в следующих словах: «Теперь, направляясь в Македонию, я уже не явлюсь туда провозвестником светлой радости, залогом новой, свободной гражданской жизни. Теперь мне, как и восемнадцать лет назад, снова придется вести скорбный учет притеснений местного населения и снова пробуждать ленивое негодование европейских коллег для какого-либо коллективного воздействия и туманных протестов против радикальной несостоятельности турецкой администрации».

Оценивая ситуацию, сложившуюся после Берлинского конгресса 1878 г., М. А. Хитрово исходил уже из факта негласного раздела Балкан. Он писал: «Пока мы с трудом устанавливаем свой порядок вещей на восточной половине Балканского полуострова, западная его половина – Македония и Албания – остаются открытой ареной для всяких интриг, чему способствует пестрота и разнохарактерность местного населения». И Россия здесь, по мысли Хитрово, должна способствовать тому, что рано или поздно произойдет – возникновению независимой Албании и присоединению «славянских и греческих территорий к естественным центрам их тяготения». Судьба Болгарского княжества, считал Хитрово, будет зависеть от результатов политики России в македоно-албанском вопросе.

Первоочередной задачей для Македонии М. А. Хитрово по-прежнему считал умиротворение края. Он отметил и новую проблему многострадальной провинции – появление «разноплеменных шаек», имевших различные политические устремления, но действовавших с одинаковым озлоблением и фанатизмом то друг против друга, то против регулярных турецких сил. Причем и от тех и от других в одинаковой мере страдало местное население. Консул полагал, что создание европейской комиссии для надзора за реформами, предписанными Берлинским трактатом, будет способствовать хотя бы временному наведению порядка в крае.

Отмеченное М. А. Хитрово новое явление в македонской жизни было отражением интенсивного развития процесса национального самоопределения народов, проживавших на одной территории или в близком соседстве, что неминуемо приводило к этнотерриториальным конфликтам, к ожесточенной борьбе за территорию и население. Именно во второй половине семидесятых годов XIX века, когда шло национально-государственное самоутверждение Сербии, Черногории, Болгарии и когда началось зарождение национальных процессов у македонцев и албанцев, на Балканах проявилось противоречие, ставшее характерным для всего последующего развития региона – противоречие между самоопределением и политико-территориальным обособлением наций, с одной стороны, и сложившимися административными или государственными границами, с другой.

После 1878 г. из всех европейских владений Турции именно Македония стала объектом ожесточенной борьбы Болгарии, Сербии, Греции. Тяжесть ситуации в этом крае вызывалась и нежеланием Порты проводить необходимые преобразования, вмененные ей в обязанность Берлинским трактатом. Шипкинские торжества по случаю двадцатипятилетия со дня окончания освободительной русско-турецкой войны усилили ностальгию по Сан-Стефанской Болгарии и Македонию охватила смута, достигшая своего апогея в период Илинденского восстания 1903 г.

В это время македонская тема стала центральной в России. Со страниц газет и журналов не сходили рассказы и фотографии, свидетельствовавшие о бедственном положении христианского населения. Казалось возвращалась ситуация семидесятых годов XIX века, когда неудачные восстания в балканских землях Османской империи привели к войне 1877-1878 гг., завершившейся полным или частичным освобождением ряда славянских народов. Но в начале XX века большинство политиков и общественных деятелей страны понимало, что Россия не должна повторять «кровавой ошибки семидесятых годов», не должна начинать новой войны с Турцией из-за Македонии, так как это снова бы открыло дорогу остальным европейским державам к вмешательству в балканские дела.

Положение России в этот момент было достаточно сложно: традиция и идеология внешней политики предполагали деятельную защиту христиан Македонии, но государственные интересы требовали сохранения сложившегося порядка на Балканах. Решение македонского вопроса Петербург постарался найти в политике реформирования македонских вилайетов. Причем новая программа умиротворения Македонии, созданная в российском МИД под непосредственным впечатлением Илинденского восстания, существенно отличалась от всех предыдущих. Совместно с Австро-Венгрией Россия создала в 1904 г. органы европейского контроля в Македонии в лице специальных представителей двух империй, финансовой комиссии и иностранных офицеров-инструкторов жандармерии.

Эта реформенная акция России и Австро-Венгрии в значительной мере недооценена исследователями, которые больше писали об ее недостатках. Но при всей ее действительной ограниченности и незавершенности (программа реформ, получившая название Мюрцштегской, была рассчитана на десять лет, но действовала только пять, так как была прервана летом 1908 г. младотурецкой революцией) это была первая практическая попытка ограничить произвол турецких властей, оздоровить административную и финансовую жизнь края. И впервые с того момента, когда заговорили о реформах в Македонии, там стали происходить видимые улучшения материального и правового положения христианского населения.

«Политика реформ» в Македонии выполнила и еще одну, очень важную, функцию, которую отметил в своей записке Б.Э. Нольде. Он писал в январе 1908 г., что эта политика, задуманная как средство удовлетворения требований местного населения, на деле оказалась достаточно эффективным средством поддержания мира на Балканском полуострове. Данное утверждение было справедливо для первых пяти лет политики совместных действий России и Австро-Венгрии в Македонии, с 1908 г. она нарушилась, войдя в противоречие со сложившейся системой европейских политических союзов.

Источником главной опасности для сложившегося положения на Балканах Б. Э. Нольде считал болгаро-турецкие отношения. Он писал, что восстание в Македонии 1903 г. наглядно убедило Болгарию в невозможности местными средствами освободить край от турецкой власти и подготовить его переход к Княжеству. Смута 1903 г. свелась в конце концов к «этничеству, то есть к совершенно бесплодным, сливающимся с чисто уголовными действиями маленьких кучек нарушителей закона». При таких условиях, полагал Б. Э. Нольде, в Болгарии не могут не сознавать, что решение македонского вопроса возможно только путем борьбы иного порядка, борьбы между государствами, между Турцией и Болгарией.

Помимо Болгарии свои притязания на Македонию предъявляли Греция и Сербия, но в отличие от первой, они стремились к обладанию не всей областью, а только ее частью. Это было четко зафиксировано в ответах трех государств на русско-австрийский циркуляр 1907 г., имевший цель приостановить кровавое соперничество указанных балканских монархий в Македонии. Нольде предсказывал, что как только турецкая власть будет поколеблена, притязания соседей Македонии выльются в форму конкретных требований и приведут к вооруженному столкновению в регионе. Как известно, это предсказание сбылось осенью 1912 г., когда началась Первая Балканская война, ставшая последним аккордом Восточного вопроса.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют, что после завершения Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг. методы разрешения македонского вопроса, предлагаемые Россией и балканскими государствами, в первую очередь Болгарией, стали существенно различаться. И именно в этом коренились многие причины разногласий между Российской империей и балканскими государствами в начале XX в. Миротворческая задача российской дипломатии состояла в том, чтобы предложить долговременное и разумное решение македонского вопроса, а затем убедить все заинтересованные стороны следовать этому решению. Однако российской дипломатии было не под силу разрешить фундаментальные, десятилетиями накапливавшиеся противоречия, разработать такую модель урегулирования македонской проблемы, которая бы устраивала все стороны. Проблема, с которой

столкнулась российская дипломатия, была необычайно трудна и едва ли имела в то время шанс на разрешение путем цивилизованного компромисса.

Македонский вопрос начала XX в. имел многоплановое содержание, являлся сложнейшим переплетением разнообразных противоречий и конфликтов. Он был не только следствием отсталых порядков и жестокого гнета Османской империи, он был и порождением амбициозных планов соседних государств, а также политики великих держав в отношении этой области, имевшей важное геополитическое значение. Сложность соединения процессов национального самоутверждения и роста национализма создало в Македонии проблему, которая едва ли могла иметь в то время позитивное решение, устраивавшее все стороны.

Научное издание.

Россия и Болгария
К 125-летию русско-турецкой войны 1875 – 1878 гг.

Сборник статей

Отв. редакторы Карасев А.В., Косик В.И.

Компьютерная верстка С.А.Карасев.

Подписано в печать 21.11.06 г. Усл. печ. л. 17,0 п.л.
Зак. 146. Тираж 200 экз. Формат 60 x 84/16. Печать офсетная.
ООО «Контин» г.Москва.

